

МЭР

И О МЭРЕ

ЮРИЙ ЛУЖКОВ РАССКАЗЫ ≈ М. Щербаченко «Законы Лужкова»

МЭР
И
О МЭРЕ

МЭР

И

О МЭРЕ

Юрий ЛУЖКОВ

РАССКАЗЫ

Михаил ЩЕРБАЧЕНКО

ЗАКОНЫ ЛУЖКОВА

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2003

ББК 66.1(0)
М 976

*Исключительное право публикации книги «Мэр и о мэре»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения или его части без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.*

Фотографии
*Сергея Берменьева, Сергея Калачева,
Алексея Исаева, Эдуарда Жигайлова*

Дизайн обложки
Андрей Козаченко

**М 976 Мэр и о мэре. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. -
224 с.: ил. — Содерж.: Рассказы / Ю. Лужков. За-
коны Лужкова / М. Щербаченко.**

ISBN 5-224-04453-7

Предлагаемая книга — попытка увидеть и понять Ю. М. Лужкова не столько как политика, градоначальника и общественного деятеля, сколько как человека, следующего принципам и правилам, установленным для самого себя. В книгу включены три рассказа Юрия Лужкова — «Дед», «Мистика» и «Законник», — открывающие новые грани этого разностороннего человека, а также очерк Михаила Щербаченко, в котором автор размышляет о том, как приверженность собственным внутренним законам приводит мэра и к неудачам, и к победам. А также объясняет тот неоспоримый факт, что уже много лет Юрий Лужков находится в спектре общественного интереса.

ББК 66.1(0)

ISBN 5-224-04453-7

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2003

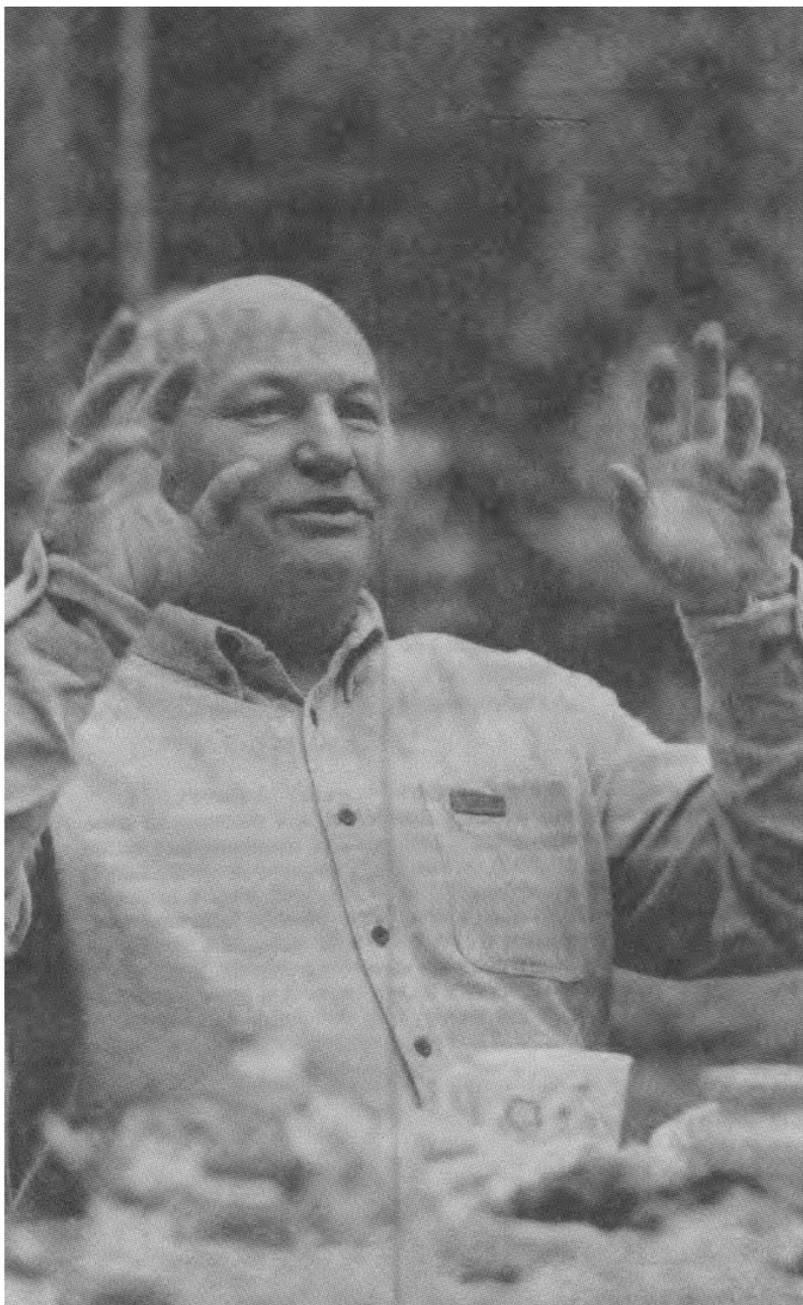
Юрий ЛУЖКОВ

Рассказы

ДЕД

МИСТИКА

ЗАКОННИК

ДЕД

Скажу вещь, которая, может быть, вас удивит. Сейчас много людей, умеющих как следует вкалывать. И совсем мало таких, кто способен к тому же и отдыхать. Работают на износ. То есть ходят, конечно, в казино и сауны, ездят куда-нибудь «оттянуться». Но все это — допинг, а не культура, потребление, а не искусство отдыха и восстановления, куда у меня, например, кроме футбола и верховой езды входит еще много чего. Скажем — только не удивляйтесь, — пасека.

Не знали? Да, держу пасеку за городом. Люблю там бывать. Не только для того, чтобы за пчелами ухаживать. Но и просто так. Сейчас поясню.

Понимаете, когда сидишь один или с друзьями прямо рядом с ульями, то... Вся атмосфера на пасеке какая-то очень спокойная. Трудно даже сказать, в чем дело. Но такого покоя, сосредоточенности, такой (извините за высокий стиль) философской глубины созерцания нет нигде. И что интересно: вот произношу эти слова — «философия, созерцание», — обычно они ассоциируются с какой-то мрачной серьезностью, а тут — легкость, веселость, как бы даже кайф, хотя я не люблю этого слова.

Ну что, казалось бы, если рядом копошится пчела? А ты — человек! На твоей стороне интеллект, интуиция, способность абстрактно мыслить. Все преимущества. Но природа, оснастив человека такими дарами, отняла что-то самое главное: способность различения важного и неважного. Какая-то гонка засасывает, не дает заняться чем-то главным, единственным. Начинаешь, что называется, мельтешить.

А вот когда находишься среди нескончаемой пчелиной работы (пьешь чай или так отдыхаешь), то все постепенно встает на свои места. Нет, скажу по-другому: ощущаешь себя будто владельцем огромного богатства, которое не измеряется никакими рублями, словно тебе

вручен ключ от сокровищницы самой жизни. И вот сидишь у входа — еще не вошел, но уже можешь ни о чем не тревожиться.

Конкретнее? Ладно. Встаешь, идешь к улью. Строишь на пчел, когда они на нижнем летке машут крылышками, выгоняя воздух с парами воды. Берешь пригоршнями этот воздух и вдыхаешь. Он насыщен ароматом многоцветия. Это такой дар земли, такой божественный нектар, который, может быть, неведом большинству людей. Это не одеколон, не «Давидофф» или «Фаренгейт». Это сама природа. От нее не пьянеешь, не впадаешь в дурноту. От нее приходит спокойствие и, думаю, здоровье.

Так что если кто из читателей сейчас морщится: мол, что за высокопарность, теперь так не пишут, где тут ирония, — отвечу: знаете, дорогой, речь идет о моем личном пространстве. Как чувствую — так и рассказываю. А вы, как говорят по телевизору, можете кнопку не нажимать.

В общем, удивительное это место — пасека. А уж когда приходят друзья, все становится еще занимательнее. Размышления сменяются беседой — неторопливой, размеренной, рассудительной. О людях, о пчелах. О нашей средне-русской медоноснице, которая является, на мой взгляд, самой лучшей и которую теперь приходится защищать от всяких охотников заменить ее на какие-то гибридные, или итальянские, или украинские.

А между тем эта наша среднерусская красотка (раз уж зашла о ней речь) лучше всего приспособлена для проживания в местном суровом климате. Ведь тут жизнь пчелиной семьи также трудна, как крестьянская. Зимой пчелы сидят в гнезде, обогревают матку. Нет, вы только представьте себе хотя бы такую деталь: рабочая пчела всю долгую зиму не ходит, извините, в туалет. А ведь чем ниже температура, тем больше меда приходится есть, чтобы сотворить тепло. К весне бедняжке становится трудно удерживать эти шлаки.

Человек по-разному помогает пчеле. Утепляет ульи, говорит: оставайся на зиму! Пусть будет хоть минус тридцать — я тебе помогу. И чтобы пчеле стало легче, использует разные приемы и технические достижения. Я, например, чуть-чуть подогреваю улей. Причем даже летом — чтобы ночью не выпадала роса. А уж с наступлением холодов просто устанавливаю регулятор на плюс 5, и он мягко добавляет тепло — чтобы клубок, который образуют пчелы, не распадался и они легче перенесли нашу длинную зиму.

Российский пчеловод — изобретатель по природе. Точнее, исследователь. Казалось бы, занятие древнее, что тут придумывать? Предки давно все испробовали. Ан нет, мы без конца друг с другом встречаемся, делимся, рассказываем о новых приемах и опытах. Может, теперь все изменится: начнут, как на Западе, скрывать

и патентовать каждую дырку от бублика. Пока этого нет.

Сейчас задача, над которой я работаю, — сделать улей сухим. Когда в улье сухо, пчела чувствует себя лучше. Это все знают. Не знают, как сделать, чтобы пчела приняла эти средства, не отторгала их. И вот в такой неспешной работе — которая мне особенно нужна, потому что основная связана с бешеной гонкой, — в те редкие часы, когда удастся остаться на пасеке, я по-настоящему наслаждаюсь.

Иногда в нашу компанию попадают удивительные люди. Об одном таком визите как раз хочу рассказать.

Сидим мы как-то с друзьями, только приехали, поставили чай. Вдруг один говорит:

— Ну ладно, мне некогда. У меня там дед в машине, надо отвезти. У него, между прочим, день рождения.

— И сколько же лет твоему деду? — спрашиваем.

— Да девяносто пять.

— Ого! И как он? Еще ходит?

— Да, нормально. Кстати, тоже был пчеловодом в свое время.

— А чего ты его не привел? Мы бы его поздравили.

— Да стесняется. Говорит: все-таки начальство.

— Ну и дурак же ты. Иди и скажи: пригла-

шаем. Спиртного не держим, но чай хороший гарантируем.

Приятель ушел и вскоре вернулся, ведя за собой высокого, сухопарого — не сказать старика, а скорее человека в годах. Во всяком случае, шел он довольно бойко. Стали знакомиться. Я смотрел на него с удовольствием. Конечно, время сделало свою работу. Но по живости лица, внимательному взгляду и четкому выговору было трудно представить, что перед тобой человек, который водил пчел еще в двадцатых годах уходящего столетия.

А между тем это так. Мы, конечно, мастера раскрутить на разговор любого собеседника. И здесь сработали довольно толково: дед разговорился. Стал вспоминать, обнаружив и память, и ясную мысль. А уж когда разговор зашел о пчелах — вообще оживился. Было видно, что беседеешь с человеком, действительно много работавшим на пасеке.

— А я всегда сажал медоносы! И говорю: без них нельзя. Надо, чтобы у пчелы постоянно была работа. Пчела начинает дурить, когда нет работы. Начинает злиться. Появляются преступные наклонности: разбои, грабежи, нападения. Все как у людей.

Было приятно его слушать. Говорил он языком, конечно, не нашим, в его речи не встречались слова типа «кайф» или «оттянуться», зато попадались какие-то забытые, старомод-

ные выражения. Тем сильнее поражала ясность речи.

Как всегда на таких посиделках, темы прихотливо цеплялись друг за друга. Когда речь зашла о ройливости среднерусской пчелы, дед вдруг начал меня экзаменовать:

— А как вы ловите рой?

— Как все, — говорю. — Вот буквально утром отловили крупный рой. Сел на ветку. Взяли большую лестницу, подставили корзину и стандартным способом — потряхнули и ссыпали весь этот рой.

— Ну ладно, — не отстает дед. — А если бы рой сел выше?

— Конечно, — говорю, — это проблема. Но вот недавно был случай. Рой поднялся на высокую елку. Сидел несколько дней. И дождик вроде шел, а он не слетал. Что делать? Нашли пустой улей, поставили внизу. Положили на крышку рамку с медом. И разведчицы, видимо, не нашли другого варианта. Рой сам, без нашей помощи, слетел в этот улей.

Тема казалась исчерпанной, но дед все больше возбуждался.

— А хотите, расскажу вам способ, которым пользовался много раз, и всегда получалось? Как раз в таких случаях, как вы говорите: рой упрямый, сидит высоко. Мы однажды с напарником вконец измучились и вот что придумали. Взяли большое зеркало. Нашли медный таз,

в каком варенье варят. И насос у нас был типа велосипедного...

Дед сделал паузу, как опытный рассказчик. Стал тянуть чай. Вся компания напряглась, внимательно следя за его движениями. Люди собрались бывалые, но зачем пчеловоду зеркало, таз и тем более велосипедный насос, угадать бы никто не смог.

— И вот, — продолжает старый пасечник, — подходим к дереву. Примериваемся. Потом по счету «раз, два, три» мой напарник резко наводит на рой солнечный луч! Я в это время что есть силы бью палкой по тазу! И тут же мощной струей обливаю пчел водой!!!

Мы остолбенели (это буквально: застыли в тех позах, кто в какой был). А дед продолжает — как песню поет:

— Часто у нас получалось с первого раза. Пчелы, считая, что разразилась гроза, падают вниз. Рефлекс срабатывает. И тогда уже в траве их собираешь, ищешь матку — в общем, все как полагается. Но главное, не было случая, чтобы нас постиг неуспех.

Конечно, присутствующие посмеялись над этим способом, больше похожим на выдумку плюшевого медвежонка Винни-Пуха, о котором я читал вслух своей маленькой дочке. В какой-то момент уже казалось, что дед сейчас подмигнет и спросит, как в телевизионном «Блеф-клубе»: «Ну что, верите, что это правда,

или нет?» Но он стал раскланиваться со старомодной почтительностью:

— Уж не обессудьте. И не подумайте, что я все придумал. Мы такой способ использовали много раз и всегда получали добрый результат. Так что если возникнет ситуация, может быть, вспомните. А может, расскажете кому-нибудь.

Он двинулся за внуком по тропинке. А я, глядя им вслед, почему-то стал думать о том, как изменилось соотношение правды и лжи в нашей сегодняшней жизни. Еще недавно казалось, что противопоставление этих понятий — основа нового строя. Верилось, что мы разрушили советскую власть именно потому, что больше не можем жить во лжи. Думалось: если руководитель начнет говорить правду, держать слово, выполнять принятые решения — это сделает его политиком новой формации. Оказалось, все не так.

Блеф стал не только литературной модой. Лгут управленцы, функционеры, военные — лгут и добиваются результата. Дезинформация, заказной компромат, манипуляция общественным мнением стали самой эффективной методикой Достижения успеха. Не работа, не конкурентоспособность, не верность слову, а вранье без зазрения совести — действенный инструмент в новой системе. Нам говорили: демократия обеспечивает правдивую информацию. Оказалось, ничего подобного. Нас уверяли: гражданское общество защищает людей от

наветов и произвола. А на поверку — новая система не имеет даже того, что было при советской: общественного мнения.

Если бы все это можно было списать на пережитки социализма, не было бы проблемы: подождем, переживем. Но зайдите в русский политический Интернет. Его не было при советской власти, а сегодня там шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться в такую среду, где уничтожена сама идея правды как ценности. Сама ложь стала идеологией: дезинформация, шантаж, провокация отстаиваются как наиболее уважаемые приемы политической деятельности. Куда ж дальше? Чего ж больше?

Мы думали: когда народ опущен, его надо поднимать. А эти «эффективные политики» сделали другой вывод: если народ опущен, им надо соответственно управлять. Неужто они думают, что у аморальности нет дна? Не знают, во что упрутся...

Однако я заболтался — это дед разворошил своим веселым рассказом. Между тем он все еще шустро шел в горку живым, легким ходом, как бы демонстрируя мне какой-то иной, опущенный способ жизни. Где нет этой грязи, этой чертовой политики. Где мужики занимают простым чистым делом и доживают в здравом уме и теле до девяноста пяти, черпая силы от меда. И от того спокойствия, которое дает пасека.

МИСТИКА

Итак, однажды в конце девяносто второго года в мой кабинет вошла старушка с авоськой в руке. Вернее, то была не авоська, а полиэтиленовая сумка с рекламой какого-то курорта и надписью «Пусть всегда будет солнце», под которой загорала коричневая девица на морском берегу.

В другое время и в другом месте никто не обратил бы на эту старушку внимания. Мало ли их блуждает с такими вот сумками по городским конторам, удивляя прочее население способностью к выживанию в экстремальных

условиях. Но здесь, в приемной, она вызвала легкое замешательство. Во всяком случае, по озадаченной физиономии докладывавшего о ней секретаря я понял, что никто не знает, кто она такая и зачем пришла.

Полагаю, мы с нею действительно никогда бы не встретились, если бы не удивительная настойчивость, какую она проявила, отвергая все предложения побеседовать с другими работниками мэрии и требуя только меня. Каким-то образом вышла на одного из моих помощников, который, кстати сказать, нередко приводит в обход секретариата таких вот нестандартных посетителей. Однако и он в данном случае не мог сказать ничего внятного. «Какая-то мистика, но очень интересно» — вот и все, что удалось из него выжать.

Итак, вошла. Сухонькая, небольшого роста, с приятным лицом. Таковую словом «старая» даже не назовешь. По осанке, движениям, интонации чувствовалось, что она была в свое время очень красивой. А должен заметить, раз уж о том зашла речь, что вовсе не всем красавицам полезно посвящать вторую половину жизни борьбе с признаками увядания. Многим идет стареть естественно, сохраняя обаяние, женственность, грацию. Они знают, что настоящий мужчина ценит женщину в любом возрасте, потому что любит само это чудо под названием «слабый пол»...

Но тут прерываюсь, поскольку эта тема нас далеко уведет.

Весь облик старушки свидетельствовал, что она из небогатой, но интеллигентной семьи. Короткий опрос сразу прояснил ситуацию: вдова профессора, живет одна. Он был известным ученым. Жили душа в душу. Она посвящала ему всю себя и теперь оказалась в обычном для таких преданных жен положении: детей нет, смысла жизни тоже.

Она поставила полиэтиленовый пакет и стала вытаскивать из него увесистый газетный сверток. Ни этот пакет, ни мятые газеты не предвещали того, что увидел. На стол легла книга. Старая, в кожаном переплете, с желтыми неровными страницами. Кожа местами потрескалась. Тяжелые листы при переворачивании громко дышали, словно страдая одышкой. Не только рукописные строчки, но и слова, даже буквы на этих страницах жили свободно, собственной жизнью, сохраняя в то же время удивительную гармонию и лад. Несмотря на церковнославянский, я смог, к своему удивлению, без труда разбирать старинный текст.

Старушка пояснила, что это один из первых экземпляров Библии на Руси. Другой такой хранится в Румянцевской библиотеке. Книга принадлежала покойному мужу. Он был историком и берег эту Библию всю жизнь, пряча от пристального внимания партийцев. И так ею

дорожил, что не продал бы никому ни за какие деньги.

Не помню, как долго я просидел, листая Библию. Хотя не знаток этого дела, но, должен признаться, почувствовал некую ауру. В общем, понял, что моя гостья принесла что-то действительно редкостное.

А она сидела и смотрела. Ее неторопливость, спокойная отрешенность задавали темп и тон разговора. Стараясь не разрушать этой атмосферы, мягко спросил:

— А чего бы вы хотели?

— Ничего, — отвечает. — Хочу подарить эту книгу вам.

Меньше всего был готов к такому ответу. К нам, в мэрию, конечно, стекаются разные подарки, для них даже создан специальный музей на третьем этаже. Но в данном случае речь шла о большой культурной ценности, которую надо хранить, экспонировать, кому-то показывать. Городской офис, согласитесь, не лучшее место для этого.

— Извините, — говорю, — не могу принять такого подарка. Это ведь, если не ошибаюсь, национальное достояние. Существуют специальные места: музеи, библиотеки... Если хотите, поможем на ваших условиях передать книгу туда.

— Вы не поняли, — возразила она. — Я ничего от вас не хочу. Просто сейчас передаю

книгу. А потом, когда постройте храм, отдадите ее Патриарху. Так сказал покойный муж.

— Не понимаю, почему бы вам самой не отдать книгу Патриарху, — говорю, не ухватив всей цепочки ее рассуждений.

— Потому что связана обещанием. Мой муж перед кончиной велел сделать именно так. Передать книгу тому, кто будет восстанавливать храм Христа Спасителя, чтобы тот — то есть вы — передал ее настоятелю. А настоятелем храма Христа Спасителя по положению всегда был Патриарх.

— Храм? Какой храм? Мы вовсе не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя!

— Мой муж сказал, что будете. А он в таких вещах никогда не ошибался.

Тут читателю придется напрячь воображение, чтобы представить себе мое удивление. Начался какой-то странный разговор. Она говорила с большой убежденностью, но что-то совершенно невнятное. Можно было понять только, что покойный был непростым человеком. Он обладал — не знаю, как это точнее сказать, — даром ясновидца. В общем, он что-то предсказывал несколько раз в жизни, и затем это сбывалось.

Так вот, перед смертью ему было не то видение, не то голос свыше. Подробностей она не знала. Знала одно: что это откровение относилось к храму Христа Спасителя. В том смыс-

ле, что он будет восстановлен. Причем в этом деле каким-то образом буду задействован я.

Так что, как ни отпирался, сколько ни уверял собеседницу, что у правительства Москвы на этот счет нет никаких планов, все было напрасно. Она так верила в провидческие способности мужа, что считала его предсмертное прозрение чем-то более достоверным, чем все, на чем мы строим свои планы и городские проекты.

Я стал осторожно заворачивать книгу и запихивать обратно в пакет.

— Не могу принять ваш подарок. Мы не собираемся восстанавливать храм Христа Спасителя. Вы ставите невыполнимое условие. Так что простите, у меня дела.

Старушка сидит спокойно, словно ее и не попросили только что из кабинета.

— Во-первых, я знаю, что будете. А во-вторых, обязана выполнить последнюю волю мужа. Только тогда смогу считать, что сделала все, что должна была сделать на этой земле.

Начинается какая-то ненормальность, причем по второму кругу.

Я:

— Не хочу вас обманывать. Книга очень ценная, но вы пришли не по адресу. Не могу принять на свою совесть такое условие. Пожалуйста, заберите книгу — и закончим этот разговор.

Она:

— Хорошо, давайте так: я оставлю эту Библию, и вы ее обязательно передадите Патриарху, когда...

И так далее. Тот же самый разговор.

Я уже начинаю смотреть на нее другими глазами. Но, взглядываясь в умное лицо, слыша спокойную интонацию, убеждаюсь, что передо мной вполне разумный человек. А значит, эта настойчивость, эта твердость имеет какое-то иное основание, пусть непонятное, но требующее как минимум уважения.

Надо было искать другой выход из ситуации. В конце концов, куда она денется теперь с этой Библией?

— Единственное, что могу обещать, — говорю наконец, — что, когда закончу свое пребывание на посту мэра, передам книгу преемнику. А тот своему. И так далее по цепочке. Может быть, когда-нибудь кто-то действительно восстановит храм. Тогда и передаст книгу настоятелю. И можно будет считать, что воля покойного выполнена. А пока не вижу другого выхода. Только так.

Наверное, ее не очень удовлетворил такой вариант. Но делать нечего. Она должна была выполнить поручение, и она это сделала.

— Могу пообещать, — говорю на прощание, — что книга в конце концов будет передана в храм и послужит людям. Но что это бу-

дет связано с храмом Христа Спасителя, обещать не могу.

— Меня устраивает, — спокойно сказала она.

— Но вы не будете потом себя укорять, что не исполнили завещание мужа?

— Меня это устраивает, потому что уверена, что поступаю правильно.

— Хорошо, — говорю, — оставьте свои координаты.

И она ушла. Долгое время о ней ничего не было слышно. Лишь однажды увидел ее на каком-то юбилейном собрании и даже расстроился. Похоже, все развивалось именно так, как я себе представлял. Жила одна, постепенно теряя интерес к жизни. Здоровье стало ухудшаться. Она меньше следила за собой. В полном безразличии и бесцельно проводила свои дни. И возможно, даже тяготилась, что Господь ее, как говорится, позабыл и до сих пор к себе не призывает.

А Библия хранилась в сейфе. Каждый раз, когда на прием приходили специалисты — ученые или музейные работники, — доставал и показывал. Все подтверждали, что держат в руках действительно бесценную вещь. Интересовались, правильно ли мы храним. Советовали подреставрировать книгу. Все это было аккуратно исполнено.

Но что касается героини рассказа, то сюжет, как говорится, завис.

Между тем городская жизнь шла своим ходом, и этот ее ход имел непосредственное отношение к нашей истории. Год за годом Москва усердно занималась центром города. Выполнялось много проектов, обсуждались даже самые неподъемные предложения. При этом очень часто, приближаясь к заколдованному месту, где раньше стоял храм, натыкались на гигантскую яму в центре — заброшенный бассейн, превратившийся в безобразную свалку. Стало ясно, что сделай хоть все в центре города, но оставь эту яму, Москва не вернет себе былой красоты и величия.

Я стал интересоваться историей возведения храма, его разрушения. Оказалось, с этим местом издавна было связано много событий и народных преданий. Касались они даже не названия Чертолье, которое народный язык увязал с чертом, а прежде всего «стародевичьего» Алексеевского монастыря, который был выдворен отсюда в связи со строительством храма Христа Спасителя.

То была первая женская обитель, основанная еще в XIV веке, не раз перестраивавшаяся, горевшая, грабленная и татарами, и поляками, и французами и наконец обосновавшаяся со всеми своими церквями, монашьями кельями, школой и кладбищем на берегу Москвы-реки возле Кремля. Такое положение делало монастырь весьма заметным в топографии право-

славной Москвы. Ведь в тогдашнем городском укладе именно женские обитатели играли особую роль. Туда определяли одиноких девиц и пожилых дам, а то и просто неугодных или провинившихся жен. Находясь в самом центре, монастырь был весьма посещаемым и мирянами. А если учесть, что в нем находилась чудотворная икона, что от него шла к Новодевичьему прямая дорога — по ней двигались праздничные процессии и крестные ходы, — то можно себе представить, насколько все это казалось привычным и незыблемым. То была важнейшая часть московского городского уклада, освященная веками, то есть традицией.

При богобоязненном государе Александре I монастырь никто не решился бы тронуть: когда выбирали место для нового храма, говорили о любых вариантах, но не о нем. Другое дело — брат его, Николай I. Как человек насквозь петербургский, он не выносил московского патриархального сантимента. Так что когда придворный архитектор, решив, что властная вертикаль важнее местной традиции, предложил снести «стародевичий», царь без колебаний принял это решение. Многие считали, что зря.

Говорят, больше всего проблем было с игуменьей. По слухам, когда хмурым утром 17 октября 1837 года солдаты силой выдворяли ее из монастыря, она что-то такое произнесла во

гневе, что окружающие содрогнулись. В народе еще долго ходили слухи о страшном проклятии: мол, все, что выстроят на этом месте, будет порушено. И настолько глубоко вошло это поверье, что когда, почти через сто лет, 5 декабря 1931 года взорвали «мрачный притон самодержавия», в народе вновь возродился слух о проклятье игуменьи. Поговаривали о том, что оно стало сбываться.

Да и как тут было сомневаться-то? Храм взорвали, а Дворец Советов, ради которого это сделали, не построили.

А уж когда на месте храма появился открытый бассейн с голыми грешниками, для верующих это выглядело просто как адское видение.

Впрочем, бассейн вскоре тоже прикрыли. Так что к 90-м годам на «нехорошем» месте, кроме развалин, не было вообще ничего.

Кто не видел проекта Дворца Советов, советую посмотреть. Вавилонская башня, возмущившая Бога, выглядела, вероятно, не столь вызывающе по отношению к небесам. Наверху здания должна была стоять 140-метровая статуя Ленина, уходя в облака. Именно так: расчеты показывают, что нередкая в нашем городе облачность должна была скрывать вождя выше пояса, оставляя москвичам лишь нижнюю, идейно менее значимую часть.

Чтобы оценить грандиозность проекта, приведу еще один факт. Указующая рука Ленина с технической точки зрения представляла собой консоль гигантских размеров. Чтобы она не сломалась от перенапряжения, был создан специальный «институт руки», имевший директора, заместителя, штат научных сотрудников и секретные разработки.

У Андрея Платонова есть повесть о строителях нового общества — «Котлован». Там революционные массы роют гигантскую яму под будущее здание коммунизма. Причем ни на что больше, кроме котлована, у них сил не хватает. Повесть оказалась пророческой: советским зодчим так и не удалось реализовать чудовищный замысел, который подавлял бы все в центре города. Правда, в отличие от платоновских героев они успели не только вырыть котлован. Они успели заложить фундамент. Да, господа, под будущее здание был сделан гигантский монолит, покоившийся на большом количестве опор, достигающих до прочных известняковых пород.

Мы провели исследовательские работы. И обнаружили, что этот фундамент, рассчитанный на давление гигантского сооружения высотой более 300 метров, дошел до нас в хорошем состоянии. Арматура из танковой стали. Бетон лучших марок. Уникальная вещь.

И тут сердце строителей дрогнуло. Что-то шевельнулось в наших душах: «Слушай, фунда-

мент есть!» А что такое фундамент? Не знаете? Значит, вы не строитель.

По чистой случайности этот фундамент имел одну особенность. Он был заложен гораздо ниже нулевой отметки разрушенного храма. То есть до основания нужно было еще дорасти строительными конструкциями.

И тут сама собой возникла идея: а что если на этом подхрамовом пространстве воскресить тот, прежний, разрушенный еще в прошлом веке Преображенский храм «стародевичьего» монастыря? Может быть, и заклятие утратит силу?

Сказано — сделано. Нарисовали эскизы. Провели расчеты. И со всеми этими материалами как-то вечером напросились к Патриарху. На аудиенцию.

Святейший рассматривал наброски очень внимательно. О чем только не расспрашивал в тот вечер. И о надежности фундамента, и о том, в какой степени достижимо воссоздание исторической правды. Сколько времени понадобится? Сколько средств надо затратить? Можно ли закупить тот же камень? Можно ли возродить те же фрески? Мы отвечали на все вопросы настолько подробно, насколько могли.

И тогда Святейший принял решение.

4 января 1995 года в Успенском соборе Московского Кремля был проведен молебен о вос-

создании храма Христа Спасителя. Затем на месте будущего храма состоялись крестный ход и закладка капсулы. Не в основание главного храма — до него надо было еще дорасти. А в основание того, прежнего, воскрешение которого должно было изменить, наконец, дух этого места.

А что же наша старушка? Оказывается, она видела эту процессию. Не знаю, по телевизору или как, но только жизнь ее в ту минуту совершенно преобразилась. Существование обрело новый смысл. Раз храм решили воссоздать, значит, появилась цель: убедиться, что завещанная Библия будет-таки передана настоящему.

Просто поразительно, как все, что мы делаем, имеет второй, скрытый смысл. Трудно гадать, что имел в виду ее супруг, делая свое последнее распоряжение. Но оно оказалось спасительным для любимой жены. Безвременно ее покинув и тем самым лишив опоры, он нашел способ дать ей другую опору, более прочную и значимую.

Она стала каждый день приходить на стройку. Когда был открыт Нижний храм и в нем начались богослужения, не пропустила ни одного.

Там мы встретились однажды. Я был поражен преображением. Вместо больной и бес-

сильной старушки увидел бодрую женщину. Вместо печали на лице играла улыбка. Изменились реакции. Она ожила. Возник стимул к существованию. Это было второе рождение. Чудо. Новая жизнь.

Финал нашей истории оказался достойным ее начала. 31 декабря 1999 года состоялось освящение храма Христа Спасителя. Собрались все — высшее руководство православной церкви, других конфессий, правительство, гости. По окончании церемонии присутствующих пригласили в трапезный зал скромно отметить выдающееся событие. Там после патриаршего приветствия слово предоставили мне.

И тогда я решил рассказать эту историю. Все, о чем вы сейчас прочли. Как пришла женщина, принесла Библию в полной уверенности, что это последнее, что она должна сделать на этой земле. Как поведала о пророчестве, а я отказывался. Как она выиграла наш спор, поскольку откровение, если оно истинно, вернее людских расчетов и предположений.

Одно опустил тогда в своем рассказе: что героиня жива и находится в храме. То есть вел разговор, как бы подразумевая, что ее уже нет. И вот когда все приготовились к церемонии передачи старинной Библии, по залу пошел разговор, шум... Выдержав актерскую паузу, обращаюсь к Патриарху:

— Ваше святейшество! Позвольте мне теперь пригласить сюда ту женщину, о которой только что рассказывал. Пусть она сама передаст эту книгу вам в руки.

Зал замер. Тишина воцарилась необычайная. Мой помощник подводит нашу знакомую. Отдаю Библию ей. Прошу сказать несколько слов.

Эффект был редкостный. Правда. Даже трудно было от столь представительной публики ожидать такой бурной реакции. Возгласы, аплодисменты. Ей не давали говорить. Все пребывали в каком-то... даже не возбуждении, а ошеломлении, экстазе, восторге.

— Ваше святейшество, — сказала она, наконец, негромко, но очень торжественно, — сегодня я выполняю последнюю волю мужа. И счастлива, что после стольких лет ожидания могу наконец полностью осуществить его завет. Это великий день в моей жизни. Причем, ваше святейшество, должна сказать, что дожила до этого дня потому только, что увидела, как начал строиться храм. Мне стало интересно жить. И теперь, ваше святейшество, хочу попросить вашего благословения: молиться и служить этому храму.

Она ходит туда до сих пор...

Если кому показалось, что в этой истории хоть что-то придумано, уверяю вас, ошибаетесь. Старушка жива, Библия находится в ал-

тарной части храма. Короче, все правда, можете не проверять.

А вот если создалось впечатление, что этот рассказ имеет отношение не только к самой героине, — тут вы не ошиблись. С ним вообще как-то жалко расставаться. Его хочется припоминать и продумывать. Он вдохновляет и дает надежду. Он относится к тем любимым мною сюжетам, о которых сказано в библейской притче о блудном сыне: «был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Ведь и мы сегодня всей страной попали в воронку похожего сюжета. Многие в мире готовы списать Россию и похоронить. Им кажется, с нами все ясно: народ вымирает, экономика загибается, страна разворовывается. Еще немного — и территорию можно будет отламывать по кускам.

Для спасения из этого омута нужны не только какие-то там инвестиции и прочие макроэкономические меры. Нужно еще знание, как выйти из губительной инерции, переломить смертоносную тенденцию, войти в состояние, когда храм восстанавливается, человек оживает, народ поднимается и все начинается заново.

Как совершаются такие преобразования? Стандартного рецепта, к сожалению, нет. Храм могли не восстановить. Блудный сын мог не вернуться. Каждый раз спасительный поворот вовсе не гарантирован. Чтобы такое чудо свер-

шилось, требуется не просто грамотная управленческая технология (хотя и она очень важна), а вдохновение свыше. Не пиар, а порыв. Нужно, как в нашем рассказе, думать не о себе, а о том, что любишь, плюс напряжение воли и помощь небес.

Но когда это все наконец сойдется и перелом случится, Бог тем самым пошлет благословение народу земли — *«радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся»* (Евангелие от Луки, 15).

ЗАКОННИК

Знаете, как бывает: то не вспоминал о какой-то встрече ни разу, а то вдруг буквально не выходит из головы. Так и это знакомство. И случайное, и давнее, а вот всплывает почти каждый день. В общем, поступим так: вы, как говорится, устраивайтесь поудобнее. А после решим, в чем тут дело.

Итак, было это давно, в пору еще моего студенчества. Тогда, в середине пятидесятых, Нефтяной институт не считался, как нынче, престижным. Да и не затащил бы меня туда никто, если бы не отцовская история.

Дело в том, что отец до войны работал в Министерстве нефтяной промышленности. А после был изгнан. За что — детям не объясняли. Вслух об этом не говорилось. Но несправедливость висела в воздухе. История, впрочем, типичная: на фронте был ранен, попал в окружение, в плен. И хотя из плена бежал, вернулся на передовую и доблестно закончил войну в Югославии... «Хорошо еще, Миш, что не посадили», — шепнул кадровик. Отец с трудом устроился на нефтебазу диспетчером.

В общем, учусь в «Керосинке». А тогда — методика, что ли, была такая — каждый год посылали студентов куда-нибудь на практику. Что в принципе правильно. Да и мне нравилось: не торчать же все лето в Москве! А тут, представляете, Башкирия, новый город Салават, река Белая, красивые места... И среди этой красоты — 18-й нефтекомбинат. Туда нас всех и направили, каждому дали по теме и койке в общежитии; трудись — не хочу.

А должен сказать, учиться мне было всегда легко. Нормально схватывал. Да и интересно как-то. В общем, отпрактиковался быстро. Накатал курсовую — дел больше нет. Уехать нельзя, время на практику для всех одинаково: кто управился раньше, сам виноват.

И вот, значит, болтаюсь по комбинату, и за этим бездарным занятием встречает меня руководитель практики. Дианычем звали. Не по

отцу, а так. Отчество у него было как раз Дмитри, Дианов — это фамилия. Казалось бы, какая разница. А без клички нельзя: будто вообще не студент, а неуч какой-то.

Этот Дианыч был, кстати, ненамного старше нас. Но мы его уважали. Потому что знал больше, да и делал все как-то спокойно, обстоятельно. В общем, видит, что я дурью маюсь, останавливает и говорит:

— Юр, хочешь заработать?

— Кто ж не хочет? — отвечаю вопросом на вопрос. Считалось солиднее.

— А то смотрю: парень вроде здоровый, а одет не очень. Давай на работу устрою!

— Лады, — говорю.

— Найди еще четырех к понедельнику.

Тут надо пояснить насчет «одет не очень». Это была правда. Одежда моя — как вам ее описать? Штаны из дерюги под названием «чертова кожа». Брюками назвать нельзя, поскольку формы вообще никакой, но крепкие. На ногах кеды китайские — как раз тогда появились. Так-то удобные, только рвались быстро. И еще мамаша сшила рубашку в широкую полосу синего, нет, скорее серого цвета. Как-то не очень удачно у нее получилось. Вот и весь гардероб.

А другого ничего не было. Да и быть не могло: в середине пятидесятых семья жила очень трудно. Про отца уже знаете. Мамаша — просто рабочий класс, машинистом на мыловарке

работала. А тут три парня, вечно голодных, да еще бабушка, мать отца. Да и сестрам отца надо помогать. Изобилия, скажем прямо, не было.

Но мы не унывали. Ходили кто в чем — никто не обращал на это внимания. И вообще, надо сказать, настроение у народа было лучше, чем сейчас. Как-то нормально все воспринималось. Наслаждались жизнью, общением, спортом. А деньги... Ну что деньги? Конечно, разных приятных развлечений, доступных уже в то время, мы были лишены. Но ведь и не трепались о них с утра до ночи по телевизору. Нет и нет. И так хорошо.

В общем, Дианыч сделал предложение, от которого не было никакого резона отказываться.

— А что делать-то? — спрашиваю.

— Скажут. Там установку монтируют искусственного жидкого топлива. Ну, и цех КИП, расходомерный блок. План заваливают. Вот и ищут вольнонаемных.

На это последнее слово я, кстати, зря не обратил внимания. Казалось, раз сам человек вольный, в смысле шатаюсь где хочу, то естественно быть и вольнонаемным. Работа достойная. Шутка сказать — КИП. Это вам, наверное, ничего не говорит. А для меня контрольно-измерительные приборы — можно сказать, специальность. Ну ладно, не буду голову забивать. Раз не знаете, что такое КИП, то чего с вами время терять. Не обижайтесь, не

хотел вас обидеть. Просто все равно не поймете, что мне так нравилось. А может, просто настроение было такое.

В общем, сагитировал еще четверых. Дианыч познакомил нас с молодым парнем, каким-то чернявым. Бывают такие «быстрозагораемые» лица. Очень угрюмый с виду человек.

— Дам вам корочки, — сказал Угрюмый, — будете ходить. Первый раз машина приедет, потом добирайтесь сами. Работа, правда, грязноватая. Штробы для труб пробивать.

Хорошо, думаю, как же без штроб? По ним пойдут трубы к насосам для тарировки расходомеров. Все это казалось намного важнее, чем замечание насчет «грязноватой работы». Его я вообще пропустил мимо ушей. Да если бы не пропустил — что толку? Штаны-то одни...

И вот, как положено, накатали какие-то явления, снялись на фотки, и утречком приходит за нами машина. Залезаем в кузов. Подвозят к проходной. Иду, как старший, первым. Открывается дверь. Пускают меня одного. Дверь хлопает, лязгает замок. А другая дверь, внутрь, закрыта. Жду, а она не открывается. Стою в этом тесном пространстве. Неприятное, надо сказать, ощущение.

Охранник из-за окошечка осматривает пространство: не проник ли кто еще? Потом сравнивает физию с фоткой. Все это медленно, неспеша. Тоже давит на психику, между про-

чим. Наконец лязгает засов внутренней двери. И я оказываюсь — где бы вы думали? Конечно, уже догадались. В зоне!

Вы спросите: удивился ли? Абсолютно нет. Честно сказать, даже обрадовался. В наше время молодому человеку, особенно в те годы, хотелось все самому увидеть, везде побывать, со всем познакомиться. А тут — такая удача. Вот так задаром: столько говорилось об этих зонах — и вдруг!

Следом тем же манером пропустили остальных. Проинструктировали: мол, не проносить, не общаться и прочее. Угрюмый повел нас к месту работы. Дал кувалды. Показал, где штробить.

Работа оказалась довольно тяжелой. Верней, не сама долбежка, а, как бы сказать, экология. Долбить целый день — еще ничего. Я, кстати, довольно сильным был. А вот само помещение — пыль, жарыща невероятная... Мои товарищи через два дня все слиняли. А я продолжал работать.

Заклученных привозили утром и увозили вечером — лагерь был где-то неподалеку. Но работали вместе. И, кстати, такая деталь: поскольку как раз тогда у меня начинались проблемы с шевелюрой, то на лето остригся наголо. Под нулевку. А так как одет был уже знаете как, то практически не очень отличался от них.

Контакты обозначились сразу, без всяких там инкубационных периодов. Подходит один: «Чаю купишь две пачки?» И в кулаке что-то протяги-

вает. Начинать с отказа не хотелось, но денег брать не стал. Будет чай, говорю, тогда и отдашь.

Следом другой сует уже по нахалке:

— Гари два пузыря!

Приличные, кстати сказать, деньги. Откуда они их только брали...

— Нет, — говорю.

— Ты что, чугря! Замочим же!

— Что, вот так просто?..

— А чо! Раствор в аккурат подают. Зажмурим, найда не найдет.

— Тогда и чая не будет.

Последний довод показался логичным, и я остался жив. Впрочем, чай и курево приносил исправно. Заодно посмотрел, как они чифируют. Это жуткое дело: пачка на кружку. Крутым кипятком заливают, маленько потерпят — и эту иссиня-черно-коричневую жидкость заглатывают. Потом доливают, накрывают миской, на ней телогрейка — и когда та, первая дурь проходит, добавляют еще. Какое нужно иметь здоровье, как вообще работает сердце в таком режиме, понять невозможно.

Они и мне предлагали, но я оставался зрителем. Хотя, надо сказать, отношения установились нормальные. Трудились-то ведь со мной обычные работяги, а не те, кого мы на воле называли «рецидивистами».

Тех, блатных, я, кстати, почти не встречал, хотя их тоже возили вместе со всеми «на биржу».

Не знаю, чем они занимались. Может, в карты где резались, может, еще что. Но не «рабосили», потому что трудиться для них «западло», и начальство с этим мирилось. А «падали» со мной одни «мужики» — те, кто попадал сюда, как бы сказать, чисто по-русски. С кем-то подрался, что-то украл. Картошечку колхозную накопал, с завода детальку вынес. Вот и мотает свой срок, ожидая, когда вернется к нормальной жизни. А для блатных жизнь в «закрытке» — дело другое, привычное. Ну, сел. Ну, выпустили. Ну, опять сел. Нормально. Все это их жизненный цикл. Некоторые так приживались — на волю идти не хотели... Но я отвлекся.

Короче, дело было так. В один из дней, работая в том помещении, где должны были монтироваться уже сами расходомерные баки и измерительные приборы, я решил на обед не ходить. Жара разморила. Дай, думаю, лучше вздремну.

А в этом помещении (чуть не забыл вам сказать) еще накануне обнаружился один старикашка. В углу примостился. Лежачок там появился — хоть из необрезных досок, но ровенький. Даже под голову — я еще удивился — такая, знаете, наклонная плоскость сделана. Рядом ящик, банка с чаем, пара телогреек. Ну, этот пришел и улегся. А мне-то что — лежит и лежит, есть не просит.

И вот представляете: дело к обеду. Какая-то то ли истома напала, то ли просто реакция

после бессонной ночи. Группа-то, не забывайте, студенческая. Ночами находились занятия поинтересней, чем сон...

Итак, разморенный жарой и этим приятным осадком во всем теле, я улегся прямо на бетонном полу. И уснул. Солнце жарит, пол даже немножечко холодит. Хорошо!..

Проснулся от страшной боли в боку. Никак не пойму, в чем дело. Смотрю: рядом — сапог. Поднимаю глаза: надо мной лейтенантик стоит, которого здесь раньше не видел. Это он меня забомбил сапогом в бок.

Поднимаюсь — все как в замедленной съемке — и неожиданно для него хватаю буквально за бока, поднимаю в воздух и швыряю на пол. Мой, кстати, любимый прием. У других сил не хватало, а у меня красиво получалось. Все-таки первый разряд по гимнастике. Тренер говорил, хорошая реакция...

Тот с пола: «Стреляй, стреляй!» — охраннику. А этот, стрёма, сзади стоит и не шелохнется. Только затвор передернул. Я уж думал его заломать, но хорошо — удержался. Потому что он стрелять не стал. Видно, местный был — признал меня, что не зэк, а «вольняга».

Но и лейтенант уже тоже понял, что мое поведение — это не реакция заключенного на вертухая.

— Кто такой?! — кричит.

— А тебе что (дальше непечатно)?!

— Кто такой — ща пристрелю, на ...!

— У меня перерыв. Имею право.

Испуг, стыд, недоумение — не знаю уж, чего в его крике было больше. Как псих ба- зарил: мол, дисциплину им разлагаю, устроил тут санаторий... Мне ничего не оставалось, как после каждой фразы его посылать. И он, грозя уволить, ушел. Больше, кстати, я его не видел.

Испортил настроение, гнида. Бок болит... Сон прошел. Возбуждение не остыло. Уселся на уступ для расходомерного бака. И тут ко мне подсаживается этот дед:

— Думал, кобздец тебе. Рогатый еще фраерок. Могли грохнуть, в натуре.

— Отстань, дед, — говорю. — Ты еще будешь мне... Так просто не получилось бы.

Хотя врал, конечно. Все могло кончиться просто трагически. Порядки в зоне были те еще. Пришили бы за милу душу, а потом оформили бы как случай на производстве. И все: напрасно мамаша ждет сына домой...

— Во духарик! — не унимался дед. — А вроде не вольтанутый. Чо понтуешься-то, в пузырь лезешь?

— Уйди, дед, — говорю. — Без тебя тошно. Собралось тут какое-то... бакланье, еще учит.

— Это ты со мной так?..

— А что, нет, что ли? Никто им отпора не дает. Вот и позволяют себе... Нет здесь насто-

ящих, как их называют, законников, авторитетов, паханов. Одни мелочевочки!

Дед молчит — спешить ему некуда. Вообще там паузы приняты.

— А ты, пацан, не заметил, что летеха-то подгрел к тебе, а не ко мне? Ты на полу прикемарил, а у меня затончик-то постоянный, с кичарочкой. И он zenки лупал, а не подрулил, не пнул ножкой, литерок малахольный...

— Да он на тебя, наверное, рукой махнул.

— Не, пацан. Он боится. И ты тоже: будешь почтить — большой мандраж словишь. Мне ведь «торпед» свистнуть только — по рогам надает как нечего делать.

Я уже готов был ответить, но как-то осекся. Вдруг показалось, что сегодняшние зоключения могут на этом не кончиться. Дед был и впрямь какой-то своеобразный. Так посмотришь — кожа да кости. Худой как велосипед. Лицо морщинами изрезано. Сморщенное яблоко. Коричневое, но это не загар. На вид — лет семьдесят. И что особенно запомнилось: на этом вроде бы старческом, изрезанном морщинами лице — глаза не старца. Пронзительный, сухой взгляд.

В общем, решил лучше не связываться и, чтобы перевести разговор, спрашиваю:

— Дед, а сколько тебе лет?

— Чужие года не считай — своих не дочтешь.

— Не, ну скажи. Вижу, ты тут король. Законник.

— Скока дашь?

— Ну... семьдесят.

— Обижаешь. Сорок семь.

— Надо же. Хорошо сохранился.

— Дошutiшься...

Помолчали.

— А сидка небось не первая?

— Семнадцатая.

— Что? Тебя в сорок семь лет семнадцать раз сажали? И сколько же насидел?

— Двадцать один.

— Во стаж! Погоди — значит, сорок семь минус двадцать один... И допустим, с шестнадцати... Так ты за всю жизнь на воле — всего десять лет, что ль?

— Зато это мое время. У тебя такого времени никогда не было.

— Да мне и не надо.

— Не было и не будет. Потому как я себе хозяин. Не ищачу, на падлу кишки не рву. Этой грабкой, — он посмотрел на свою ладонь, — за всю жизнь тяжелше вафли груза не подымал. А ты — раб позорный.

Тут я не сдержался:

— Дед, ты меня извини. О чем ты говоришь?! Это вообще не место для жизни человека. Здесь все не так. Здесь вы народ подневольный. Постоянно в страхе перед начальством лагерным...

— Ну, запел. Да я рядом с тобой — вольная птица! Летаю по своему закону. Хоть в клетке, а положняком живу. Не пресмыкаюсь, как вы. Думаешь, на воле живешь? А протри шнифты, кудрявый! Повязан, как петух обхезанный. Сейчас — учебой, потом горбатиться будешь. Бабец захомутает. Грызуны пойдут. Зачухаешься, у начальства чесать за ушами начнешь... Да это хуже кичмана!

Тут я хочу попросить у читателя извинения, потому что попытка прямого цитирования приведет к казусам, мне не заметным, зато очевидным тем, кто умеет «по фене ботать». Речь у него была смачная, увесистая и, что особенно удивило, совсем без матерных слов. Я, конечно, понимал блатнячок: как-никак в родном дворе многие прошли через зону. Взрослые, а потом и дети исчезали и возвращались, обогащая дворový язык. Но то были отдельные слова, а не умение думать на жаргоне. Этого недостаточно, чтобы передавать воровскую речь впрямую. К тому же мы с «дедом» разговаривали не раз и не два, так что по прошествии времени в памяти осталась лишь общая схема.

Основной тезис сводился к тому, что общество, в котором мы живем, напрочь неправильное. Оно делает из людей крепостных, повязывает законами, специально придуманными для порабощения. И есть каста избранных, как бы рыцарский орден. Это люди «с правильными понятиями». Они не согласны с законами на-

шего общества, не признают власть, не работают, обычно не женятся и во всех случаях ставят честь выше жизни.

— Вот вы нас давите. И еще фуфло гоните, что у вас закон, а мы воры. Да, мы воры. Потому что ваш закон отрицаем! Теперь шевели мозгой: что ваша давиловка? Мусоров насрать, в кичман упечь. Это что, позор? Нет — честь для вора. Опустить масть не можете. А вор — дело фартовое. Тут не бабки важны — философия...

Он так и сказал: «философия» — это я точно помню. Он говорил, что в лагере жизнь хоть и жестокая, но «без темнухи»: тут никто никому «дуру не гонит» по поводу равных прав. На воле же (у нас то есть) во власти такие кидалы, каких в зоне не сыщешь. По закону для всех равные права, а в натуре — для одной номенклатуры. По закону люди хозяева, по жизни — рабы партии.

— Все у тя, пацан, в бестолковке перевернуто. Беспредел-то не здесь, а там (он показал наверх). Ты бы позенькал, какой рог партийный в обкоме сидит. Ему место у параша, а он, если на кого зуб заимел, звонит куда надо — и вышка!

Вот почему воры не идут ни на какой сговор с властями, не участвуют в социальной жизни, не признают государственной и партийной машины. Они держат свое сообщество, отгораживаясь правилами и запретами, жаргоном и ритуалами. Они существуют как бы в параллельном мире, в дру-

гой системе координат, со своим кодексом чести и «правильными» понятиями.

— Ни хрена себе «правильность»! Человек, может, рубль заработал, а ты у него украл...

— «У кого есть — прибавится, у кого нет — отнимется». Знаешь, откуда это? Библию надо читать. Бог устроил мир не по вашим законам, а «по понятиям».

Все это я слушал как ахинею. Но эта ахинея натыкалась на одно обстоятельство. Передо мной сидел явно живой, разумный человек, умом намного превосходивший многих из тех, кто на воле указывал путь в жизни. Одного я не мог понять: ради чего все его утраты и риски? Ну, выйдет отсюда, насшибает рублей по карманам. А дальше что?

— Дальше, — говорил он, — дерну в Уфу, там больничка, в больничке сестричка, у сестрички ампулка, в ампулке — ширево. Беляшка. И все! И свободен!

— Свободен? И все?..

Между тем после стычки с лейтенантом положение мое на зоне явно переменялось. Блатные не приставали, «мужики» как-то зауважали. Угрюмый стал поручать более сложные дела. Поставил даже руководить работой заключенных, и те, как ни странно, слушались, хотя и посмеивались, что работаю «как дурдизель», без перекуров.

Так что когда подошел срок прощаться, оказалось, что со многими вроде «закентовался».

Даже дед как-то по-своему пытался продемонстрировать расположение, что-то ласковое на прощанье сказать:

— Ты за мышцами-то не гонись. Во бычара какой — все выпирает. А вколи тебе внутривенный — сразу сдохнешь. Только мышечный можно. В этих мускулах смысла нет.

— Дед, ты брось эти речи. Мне ни тот, ни другой не нужен.

— Да я так, просто. Говорю, ты со своим здоровьем никуда не годишься.

Запомнилось, однако, другое напутствие, сказанное однажды как бы без повода и невзначай: «Ты упертый. Буром прешь. Это ништяк, ежели не прогнешься. А продавливать будут. Не дают знаешь что? Подушку: на ней отлеживаются. А тебя ломать надо, выбрать и глушить. Такие нужны для показа».

Сорок пять лет прошло с той летней встречи в башкирском городе Салавате на строительстве 18-го нефтекомбината, цеха контрольно-измерительных приборов.

Впервые за долгие годы я вспомнил об этой встрече в период предвыборных баталий, когда услышал реплику кремлевского чиновника: «Не держит удар». Вдруг показалось, что снова в зоне...

Реплика относилась к тому обстоятельству, что в ответ на чудовищную клевету, грязным потоком лившуюся с экрана телевизора, я подал иск в суд. То есть предложил разобрать обвинения открытым, законным способом. И тут оказалось, что сама идея обращения в суд, по понятиям окружавшей в то время трон команды, — уже поражение. Она означает (о чем просигналил кремлевский чиновник), что ты «не авторитет».

Я специально задерживаюсь на этом обстоятельстве, потому что все недоразумения того периода происходили как раз потому, что не сразу понял приклатненную логику оппонентов. Если бы рядом был тот старик из зоны, он легко объяснил бы расклад. Мы действовали по правилам правового общества, противник — по логике «понятий». А это несводимые вещи.

Вся технология работы в эфире строилась по моделям уголовного мира. Техника оскорблений не предполагает доказательств. Я выиграл все иски в суде. Но для того, чтобы это имело значение, нужно еще кое-что: построить правовое, цивилизованное общество. А это, как выразался старик, «голый вассер».

На нас напускали «телеторпеду» с единственной целью — унижить, перевести в нижнюю масть. «Торпеда» шестерил, как типичный сывка, какого грозил наслать на меня «дед». Его задача была не в том, чтобы сказать хоть что-либо похожее на правду, а «опомо-

ить», «опарафинить», «зачушить». Это был телевизионный аналог позорных блатных ритуалов, эстетика уголовщины. И тот факт, что такое происходило на Первом, главном канале, превращало всю затею в воплощенную утопию.

Когда-то воровское сообщество, как объяснял старик, держалось на противостоянии государству. Однако после краха социализма преобразилось и все, что ему противостояло. Блатная культура, выпестованная в зоне, была затребована именно властью. Свято место оказалось пусто. Но такова уж, видимо, природа этого места, что выросшая на нем новая система оказалась больше похожей не на чуждую, западную, как надеялись демократы, а на свою, родную, обкомовскую, воровскую.

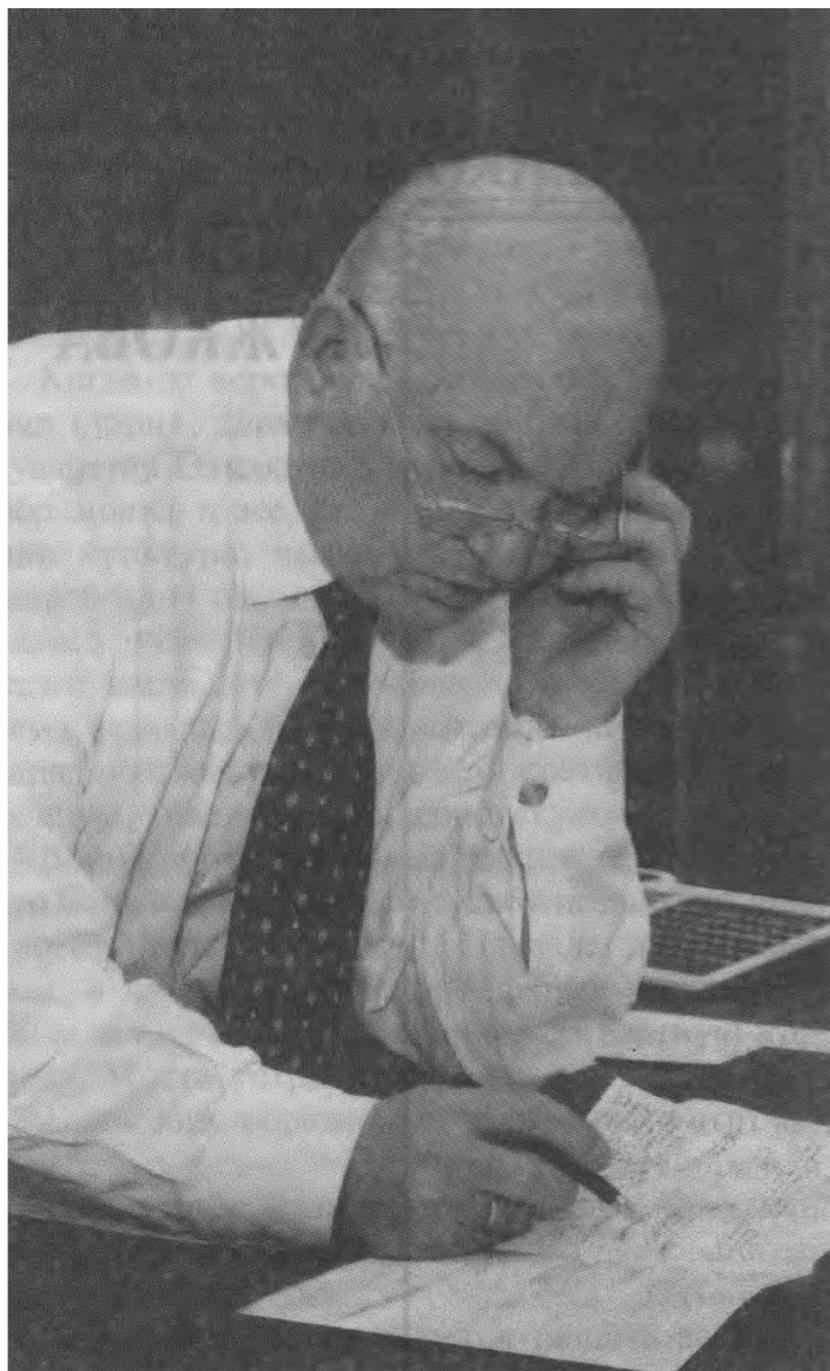
Война против нас была, таким образом, просто борьбой за трон или судьбу незаконно присвоенной собственности. На деле спор шел о том, в каком государстве мы будем жить. Это была война новых законников за блатную утопию. Мечта устроить власть «по понятиям». Сделать зону образцом общественного устройства.

К счастью, наши оппоненты промахнулись. Что ж, как было наколото у того деда: «Бог не фраер, он простит».

А впрочем, кто возьмется решать за Бога? Может, и не простит.

Михаил
ЩЕРБАЧЕНКО

**ЗАКОНЫ
ЛУЖКОВА**

ЖИЗНЬ

ПО ПРАВИЛАМ -
ЭТО СВОБОДА?

*Глава о том, почему
автор завел блокнот
с шифром: «Ю.М. Л.»*

Четыре года назад, осенью 1999-го, Юрий Михайлович Лужков выпустил книгу «Российские законы Паркинсона». В ее основе — лекция, прочитанная в Международном университете в Москве (там учат будущих управленцев).

Я был на той лекции. Лужков к ней готовился, вышел к студентам с пространным конспектом. Но, открыв первую страницу, подумал и отложил бумаги в сторону. А через два часа, закончив выступать, снова взял конспект и сказал: «Все это написано тут, в лекции, которую я собирался вам прочесть». Чем вызвал ве-

сельный студенческий гогот и сорвал бурный, продолжительный аплодисмент.

В книге о том, как проецируются знаменитые управленческие законы сэра Сирила Норкота Паркинсона на нашу российскую действительность, автор о самом себе почти ничего не говорит. Тем не менее сочинение отчетливо автобиографично — в том смысле, что открывает нам личность человека, которого на мякине не проведешь. Не выйдет. Он понимает эту страну, как мало кто.

Известный как «крепкий хозяйственник» (именно для московского мэра придумали это определение, ставшее штампом), нацеленный на «конечный результат» (как будто результат может быть бесконечным или неоконченным), Лужков прекрасно осознает, что (далее несколько цитат из книги):

«каждый отдельный приказ исполняется плохо, зато вся система в целом более устойчива, потому что приспособилась к выживанию в условиях дурного управления»;

«если поставлена задача, то надо найти мотивы, чтобы не решить ее. «Невозможно» — самое сладкое слово в отечественном деловом лексиконе»;

«глобализовать проблему и тем ее угробить — первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Навык, культура, ритуал»;

«у нас обожают начала, но совершенно невозможно добиться, чтобы что-то было доведено до конца».

Все это Лужков понимает — но достигает результата! В чем не могут отказать ему даже злейшие оппоненты.

Прочитав книгу о российских законах Паркинсона, я подумал: а ведь у ее автора наверняка есть собственные законы, есть принципы и правила, отработанные для самого себя. Лужков по своему складу человек системный: старается системно думать, действовать, жить. Но вот как это у него получается? Журналистская работа дала мне возможность «установить наблюдение» за мэром с недалекого расстояния. Причем в тот период его жизни, когда смешались удачи с проигрышами, волевые победы над собой с бессилием перед непросчитанными обстоятельствами, неожиданные предательства с ожидаемой преданностью. Период, которого по мыслительной интенсивности, по напряжению эмоций, по энергетическим расходам иному человеку хватило бы на целую жизнь.

Однако, выполняя заповеди своей системы, Лужков старается (что, по-моему, несложно заметить) быть свободным и раскованным. Тут нет противоречия; свобода — это тоже система, и у нее есть собственные законы.

Тогда, четыре года назад, показалось, что это — тема. Тема очерка о законах Лужкова.

Смущало одно: о мэре уже написано столько, что, если сложить публикации в стопку, ее высота сравняется с носом Петра Первого, стоящего на стрелке Москвы-реки. Уверен ли я, что смогу что-то добавить? Или хотя бы увидеть то же самое под иным углом зрения? Надеюсь, да. Потому что большинство материалов о Юрии Михайловиче касаются его политических планов и ходов или хозяйственных акций. Мне же кажется, что и первое, и второе в большой мере является производным от внутренних законов Лужкова. В них надо искать причины его успехов и неудач. А также объяснение того, почему целых десять лет мэр Москвы не выходит из спектра общественного внимания.

В то самое время, когда я завел блокнот и написал на обложке таинственное «Ю.М. Л.», французские политологи, проанализировав зарубежную прессу о Лужкове, составили и опубликовали сводную таблицу. Слева столбиком перечислялись положительные стороны натуры, справа шли отрицательные.

Слева: популярный, глава предприятия (надо понимать, Москвы), прагматичный подход к власти, широкая поддержка в финансовых кругах, динамичный, энергичный, боевой, символ физического и морального здоровья, националист (для французов это, выходит, плюс), личная харизма, близок к народу.

Справа: москвич (наверное, в минусы Широку ставили «парижанин»), опрометчивые методы, авторитарный аппаратчик, агрессивный политик, высокие инвестиционные аппетиты (это, оказывается, плохо), излишне независимый, хитрец, отсутствие дипломатии, ложная скромность, экстремист.

Что здесь правда, что туфта — поди пойми. Кто как видит. Мне, к примеру, кажется, что достоинства мэра гораздо интереснее его недостатков. А впрочем, кто вправе судить, что есть достоинство, что — недостаток. Тем более если одно является продолжением другого, а в Лужкове это просматривается, как ни в ком ином.

В предлагаемом вам очерке переплелись интервью, в разное время взятые автором у Ю. М. (воспользуемся таким сокращением; когда рассказываешь о большом начальнике, не хочется выглядеть чинопочитающим и по три раза на странице растягивать его имя-отчество), и мои записки вне хронологической последовательности. Строгости и цельности, словом, не ищите. Ищите попытку увидеть целое через детали.

Почему бы нет? Мы разбираем по косточкам и раскладываем по полочкам интересных нам людей — не для того ли, чтобы лучше понять самих себя?

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ВЕСТЕРН

Глава о том, что хотел бы мэр Москвы увидеть в кинофильме про мэра Москвы

Идея снять художественный фильм про московского мэра появилась на свет настолько легко и логично, что стало даже странно, почему она раньше не приходила в голову.

Нет, в самом деле: люди власти, коридоры власти — вкусная тема. Действие многих западных картин и телесериалов происходит в муниципалитетах, аппаратах городских и федеральных ведомств, кабинетах министров и

президентских структурах. Заграничный зритель смакует политические и коммерческие интриги, чем приносит фильму высокий рейтинг и, соответственно, рекламные, прокатные и авторские доходы. А мы-то что, сограждане? Наша власть, поди, позабористей американской, есть что показать. И однако, где они, такие ленты? Из дальней памяти приплывает только «Прошу слова» Глеба Панфилова с Инной Чуриковой в роли председателя горисполкома, но то семидесятые годы, другие люди, другая страна.

И вот в середине года 2003-го российское ТВ показывает американский фильм «Мэрия». Аль Пачино в роли мэра Нью-Йорка. Не бог весть какое кино, но исполнитель главной роли хорош и знаменит, сюжет закручен изрядно и вопрос: «Неужели у нас на Тверской то же самое творится?» возникает у зрителя вполне естественным образом. Почти одновременно с демонстрацией «Мэрии» на большой экран с премьерным звоном выходит фильм Павла Лунгина «Олигарх», где Владимир Машков изо всех сил создает романтический образ Бориса Березовского. Понятно, что тема власти, отношений власти и бизнеса тут центральная.

В общем, то ли эти фильмы разогрели интерес к теме, то ли пытливая продюсерская мысль отыскала вакантную нишу, но известная

киностудия вознамерилась снять кино про мэра Москвы. Пригласили хорошего, известного режиссера, он охотно и деловито влез в тему и вскоре сам начал работать над сценарием. Творческая группа разминала материал тщательно и с большим интересом (для чего позвали и автора этих строк).

На горизонте замаячил настоящий блокбастер. Ведь больше десяти лет управляет мэр столицей, и чего только за этот период здесь не происходило — войны и пиры, драмы и водевили. Всякого насмотрелась наша Москва, да и мы с ней. И во всем участвовал градоначальник, а многое сам придумал и сам же воплотил.

С самого начала договорились: ни тени холоуиства, ни вздоха подобострастия. Надо снимать честное кино о крупной личности с непростой судьбой и сильным характером. В этом герое, конечно же, будет многое от Лужкова, но многим он должен и отличаться от прототипа — чтобы уйти от буквальных аналогий и не ограничивать авторскую фантазию.

Событийный ряд сценария был выстроен с размахом. Вот вертолет с мэром опускается с небес прямо к казино, в котором застрелен префект одного из административных округов столицы. Вот мэр бросается защищать рыночных торговцев от толпы вооруженных пиками хулиганов. Вот на него пускают асфальтовый

каток, вот на праздновании Дня города за ним охотится громадная кукла Микки-Мауса с пистолетом... В сценарии было множество сюжетных линий и персонажей; переплетены городские чиновники — преданные и продажные, олигархи и трудяги, офицеры службы безопасности и бандиты, журналисты и артисты, жена мэра и дамы, которые хотели бы оказаться на ее месте.

Написанный сценарий по зрелому размышлению решили показать Лужкову. Мэр прочитал и не одобрил, пообещав изложить свои аргументы позднее. Но авторы проекта впали в столь глубокий транс, что за разъяснениями так и не обратились.

Спустя полгода это сделал я, заведя с Юрием Михайловичем разговор о несостоявшемся фильме. Чем же все-таки нехорош был сценарий?

— Нехорош — неточное слово. Он был неплох, в нем чувствовался талант автора. И тем не менее эта работа показалась мне изначально вторичной. Она подыгрывала сегодняшней киномоде. Мордобой, погони, выстрелы, кровь. Фабула построена на мафиозных отношениях, на криминале. Получился то ли американизированный, то ли русифицированный вестерн на муниципальную тему. Город, в котором происходит действие, я не могу сопоставить с Москвой.

– Но почему? Ведь сценарий цитирует абсолютно реальные события, произошедшие в Москве. Побойще на Царицынском рынке, взрыв в подземном переходе на Пушкинской площади, убийство городского чиновника – все, как говорится, срисовано с натуры. А конкретная работа мэра? Привлечение иностранного инвестора для создания крупнейшего спортивного комплекса, выдворение казино из центра города, наведение порядка на рынках, наконец, регулирование баланса между интересами большого бизнеса и интересами большого города, – разве все это автор из пальца высосал? Разве это не правда?

— По жизни — правда, а по сценарию — лишь правдоподобие. Как бы это объяснить... Знаешь, меня всерьез волнует одна вещь: при реальном усложнении жизни наше общество стремится к упрощению взглядов на жизнь. Да, грязные сделки, шантаж, разборки, контрольные выстрелы, террористические акты — со всем этим мэру действительно приходится иметь дело, но все это в работе мэра не главное. Не главное!

Повторяю, в сценарии был виден талант, но еще отчетливее был виден стандарт. Даже штамп. А я очень не люблю штампы и всю жизнь стараюсь их преодолевать.

– Ну хорошо, давайте зайдём с другой стороны. Вы согласны с тем, что мэр города Моск-

Любит ли Лужков фотографироваться, неясно. Доподлинно известно лишь то, что фотокоры часто и помногу снимают мэра, особенно его крупные планы, а газеты и журналы охотно эти снимки публикуют. И дело тут не только в общественном интересе к политической фигуре. Кроме фигуры, есть лицо — а оно у Юрия Лужкова чрезвычайно выразительное. Взгляните в человека, не боящегося фотокамеры, но и не позирующего. Не похоже, чтобы в момент съемки мэр думал о своем имидже. А может, имидж Лужкова тождествен самому Лужкову?

*Лужков — начальник
еще и в том смысле,
что любит начинать
новое дело. Большая
часть того, что мэр
сделал в столице,
им и начато,
и закончено.*

*«Я женился,
когда соотношение
наших с Леной возрастов
было два к одному.
Хотя...
Если речь идет
о соединении сердец,
вся эта арифметика
совершенно не важна».*

*Страсть к верховой езде
однажды сыграла с Лужковым рисковую шутку.
Разогнавшаяся лошадь оступилась, и мэр полетел через ее голову.
А дело было накануне празднования 850-летия Москвы.
«Хорош же я буду при полном параде с синяками и ссадинами», —
успел подумать Лужков, готовясь к встрече
с сухой подмосковной дорогой.
Выручило увлечение гимнастикой в детстве —
Юрий Михайлович сгруппировался, и все обошлось.*

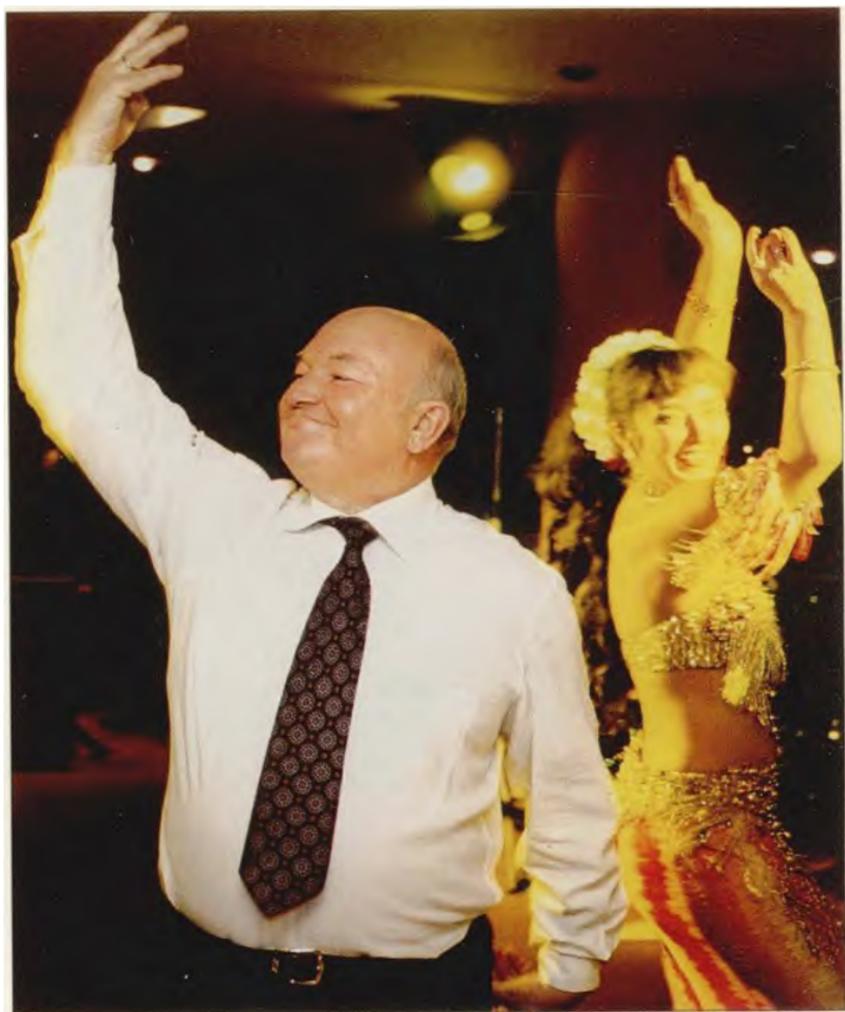
*«Знаете, есть такой закон:
произведение мысли на бетон — величина постоянная».
Презентация книги «Российские законы Паркинсона»
прошла в Театре эстрады.
Мэр исполнил свою лекцию
в паре с Геннадием Хазановым.*

*К юбилею
своего друга
Юрия Никулина
мэр готовил
цирковой номер.
Но на репетиции
сорвался с трапеции
и сломал ногу.
Как сказано в классике,
«очнулся — гипс».
Однако нет худа
без добра:
в праздничной программе
на манеж
вышел Лужков
с загипсованной ногой
и исполнил
никулинский хит
«А нам все равно».*

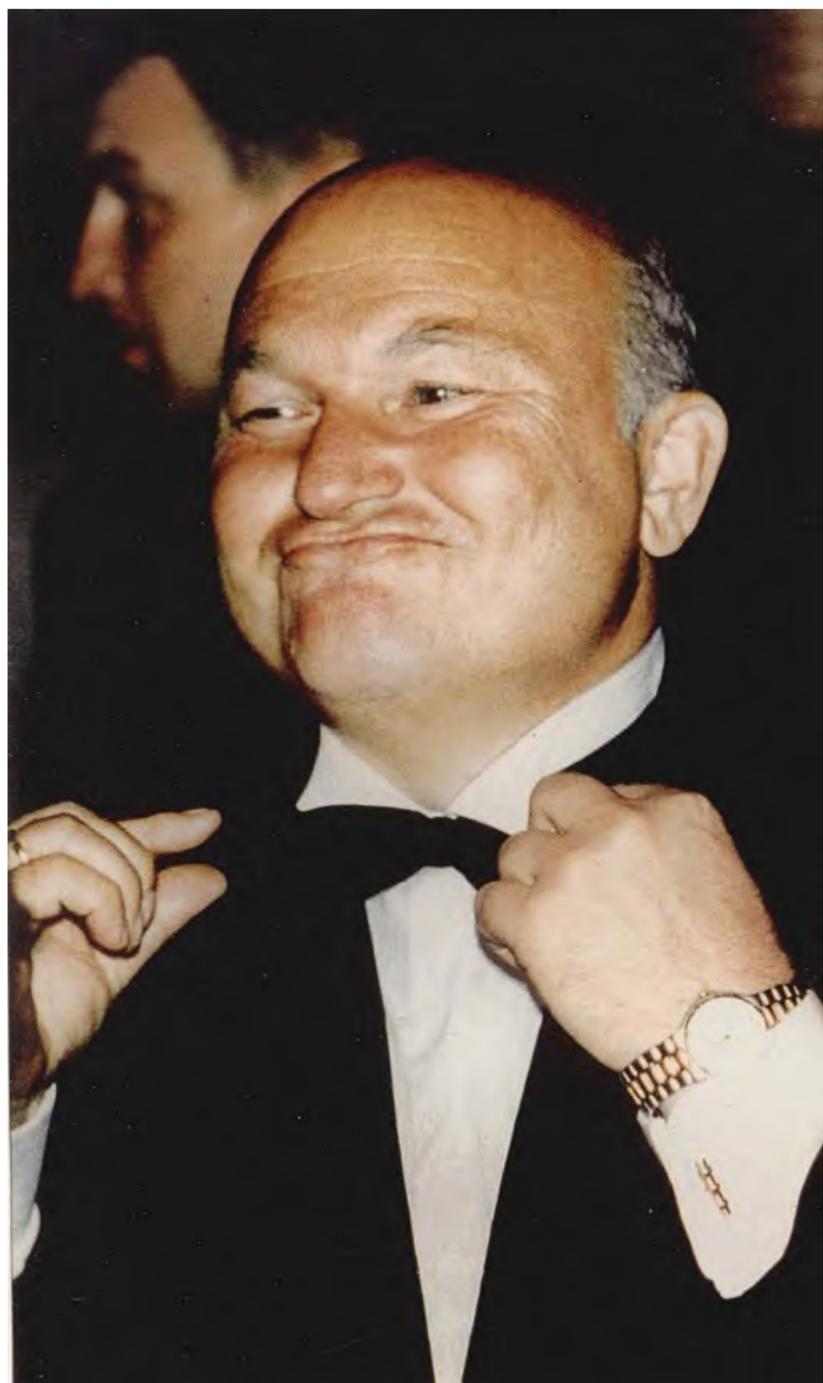

*Лужков любит эффекты —
и наблюдать, и особенно производить.
Его пьянит свет рампы, и он нравится
себе в этом свете.*

Глядя на это фото, трудно поверить, что в бокале Лужкова нет ничего спиртосодержащего. Однако это так — мэр не пьет уже много лет. И порой кажется, что воздержание от табака и алкоголя доставляет ему истинно эпикурейское удовольствие...

*На футболе Лужков равный среди равных.
Но горе тому, кто решит, что он смешивает игру и службу.
Ты можешь с блеском сыграть и удостоиться похвалы мэра,
а через часок-другой он, глазом не моргнув,
вкатит тебе строгий выговор.*

вы – фигура, достойная стать героем кинофильма?

— Достойная. Но не более, чем гоголевские старосветские помещики или толстовский конь Холстомер. Все дело в том, что увидят драматург и режиссер.

– А что вы сами посоветовали бы им увидеть? Допустим, вас пригласили главным консультантом фильма о мэре. Помните, во времена «Петровки, 38» и других милицейских детективов в титрах всегда стояло: главный консультант – генерал-майор такой-то. О чем бы вы рекомендовали снять кино?

— О том, что, на мой взгляд, интереснее стрельбы. О том, что *до* стрельбы. О том, что *после*. А лучше о том, что *вместо*. Почему не сделать фильм про столкновение сильных характеров, про борьбу интеллектов? Или противодействие нового и консервативного — чем не тема? Только ни в коем случае нельзя ее упрощать, сводить к конфликту самоотверженных новаторов и мрачного болота. Это, во-первых, неинтересно, а во-вторых — неправда. Как правило, умны и сильны и одни, и другие. Но есть некие проверенные временем правила общественного развития, и одно из них я бы сформулировал так: «Будущее всегда в меньшинстве».

– Может быть, это нормально? Все же консерваторы обеспечивают общественный баланс.

— Они не обеспечивают баланс, а поддерживают стабильность. И если мы говорим о противостоянии, то у консервативных элементов всегда больший потенциал. А их противникам приходится этот потенциал преодолевать. То есть затрачивать больше сил.

Или еще тема. Я, как руководитель, поддерживаю тех, кто стремится что-либо создать. Но одновременно я хочу знать, ради чего эти старания. В большинстве случаев они связаны с наживой. Или мягче — с извлечением прибыли. Это в общем-то нормально, это логика жизни. Но вот как отыскать и «завести» людей, которые захотели бы созидать для пользы общества? Как поднять их на бескорыстное служение? Разве это не интересно?

А взять ставшую тотальной неупорядоченность — о, как ее можно раскрутить! Неупорядоченность в ведении бизнеса, в человеческом поведении. Дальше — тема принятия решения. Принимать решение — это совсем не экстаз, а трудный и очень ответственный выбор. Ответственный — в том смысле, что ты за него отвечаешь по всей строгости. Это, знаешь ли, портит кровь.

– *И проливает.*

— Для умного кино интереснее, когда только портит. Работу мэра мегаполиса, тем более столицы, сопровождают такие конфликты и

сильные страсти, такие столкновения характеров и интересов, что если их талантливо перевести на язык кино или театра, то без всякого кровопролития и даже без внешних эффектов сюжет будет держать зрителя в напряжении.

— *Все, о чем вы сейчас говорите, вмещается в одну большую кастрюлю с названием: «Власть». Конечно, под крышкой этой кастрюли происходит кипение...*

— Власть, на мой взгляд, — вообще главный объект внимания искусства. Только любовь с ней сравнима. В предполагаемом фильме про мэра тему власти можно было бы раскрыть и точно, и тонко, и полно. Потому что столичный мэр в силу своего статуса находится в самом перекрестье властей, и из этой точки ему многое видно и понятно.

Власть бывает разной. Есть власть честолюбия — желания получить честь, поднявшись на вершину. Честь, которую принято отдавать человеку, стоящему выше тебя.

Есть власть диктатора, который через доступные ему рычаги не только демонстрирует, но и реализует свое главенство над остальными. Он способен и унижить, и уничтожить человека. Причем делает это с упоением.

Есть власть, которая используется для накопления богатства. Ее обладатель обирает подвластную ему систему и приобретает блага, ко-

торые потребуются ему, когда он от власти отойдет сам или будет отстранен.

А есть власть, которая позволяет реализовать добрые, созидательные цели. И вот она-то, эта власть, — самая эффективная.

— Можно разделить виды власти и по другим признакам. Существует власть административная; ее обладатель добивается результата с помощью управленческих приемов. Но при этом во все века существовала власть таланта, власть творца. Это когда тебе — мыслителю, ученому, художнику — подчиняются не по воле приказа, а по согласию ума и сердца. Причем история знает случаи, когда эта власть оказывалась сильнее даже тиранической.

Но интересно понять — что слаще? Вы, Юрий Михайлович, должны это знать, поскольку обладаете и сильным административным ресурсом, и общепризнанным творческим потенциалом, — это не лесть, просто всем известно, что вы автор и крупных градостроительных проектов, и доброй сотни изобретений, и нескольких книг.

— Только не надо делать из меня властителя дум и помыслов. Мы ведь говорим не о значимости результата администрирования или творчества, а о самоощущении, да? Так вот, для меня самое интересное — это соединение того и другого.

Не хочу рисоваться, но я нередко собираю специалистов для разбора какого-то вопроса и при этом заранее знаю, как его решить. Но тем не менее всегда стараюсь подвести коллег к решению, которое считаю правильным. Разными приемами, но только не давлением, не приказом. И вот когда верный вариант после мозговой атаки находит их поддержку, они его приватизируют. Специалисты это решение уже считают своим. Вот в эти минуты я испытываю самое большое удовольствие.

— Вы поступаете с подчиненными так, как рекомендовано поступать с начальником. Высшим классом считается подбросить шефу выгодную тебе мысль, которую он «проглотит» и вскоре выдаст как свою.

— Такая метода подразумевает интеллектуальное превосходство подчиненного. Почему ты отказываешь начальнику в праве быть и умнее, и хитрее? И, кстати, тут возникает новый поворот. Есть такое понятие: эгоизм власти. Начальник думает: это же не моя идея, это его предложение, — вот пусть он его и реализует. Жуткая психология, но такие вещи не редкость. Когда на вершине власти стоит человек, для которого главный фетиш — властвовать, всегда быть над всеми, независимо от того, что происходит в обществе, в государстве, — это ужасно. Это высший эгоизм владельца.

На моем веку была очень характерная история из этого ряда. Высший руководитель одной из стран, образовавшихся после распада СССР, разработал концепцию евразийского союза. Систему, которая могла бы реально помочь стабилизации и экономическому развитию постсоветских государств. Этот человек пришел к другому руководителю — руководителю более крупной державы. И сказал: давайте вместе выйдем с этим предложением. Вы больше, вы сильнее, и от вас в максимальной мере зависит возможность создания евразийского союза.

— *Имен можно не называть, все и так понятно.*

— Не сомневаюсь. Так вот, глава более крупного государства подумал: все бы ничего, но это же не моя идея, и кто-то об этом обязательно узнает. И ответил: блестящая мысль! После чего сделал все, чтобы похоронить эту и в самом деле превосходную концепцию. Вот тебе вопиющий пример эгоизма власти.

— *Разрешите, однако, вновь обратиться к вам как к консультанту фильма о мэре. Спору нет, тема власти захватывает, но, как говорят киношники, какая будет картинка? От чего у зрителя мороз по коже пойдет? Заметьте, добрая половина публики воспитана на боевиках и клипах. Если их сразу не «схватить за глаза», они уйдут из зала или переключатся на*

другой телеканал. Можно сколько угодно говорить, что зритель устал от побоищ и заказных убийств, но пока это не более чем моральная сентенция.

— Знаешь, насчет того, что хочет зритель, вообще разговор особый. Мне могут сто раз повторять, что ТВ и кино — это зеркало, повернутое к обществу, но я точно знаю другое: здесь, как и в реальной рыночной экономике, покупают то, что продают.

Давай разберемся. Психологи считают, что у большинства людей мораль ориентирована не на сочувствие другому человеку, а на повсеместную социальную норму. В результате произошедшей в 80—90-е годы массовой ротации правящего слоя, так называемой элиты, в общественном сознании «поплыло» представление о норме, о нормальном образе жизни, о нормальном поведении. Я не собираюсь приукрашивать старый советский истеблишмент, но новая элита в своем абсолютном большинстве даже не понимает, что обязана задавать обществу ориентиры, предлагать норму. Мало того: нынешний правящий слой очень часто сам выступает образчиком аномалий и даже обыкновенной дикости.

В результате сегодня из всех искусств для нас важнейшим является блатное. Культура блатного мира обильно представлена на государственном телевидении и главных сценах

страны. «Зона» подчинила своему влиянию буквально всех.

Когда Россия расставалась с коммунистической идеологией, единственной альтернативой виделся либерализм западного образца. Помнишь, как осторожно начали говорить о том, что некоторые отклонения от общепринятых норм как минимум извинительны и представителям меньшинств должны быть предоставлены равные с другими людьми права. Но прошло совсем немного времени — и деградация либерализма привела к тому, что гомосексуализм, который не так давно вообще считали заболеванием, начали чуть ли не навязывать обществу. Творческие поиски на тему смены пола сделались нормой. Сплошь и рядом по телевидению идут программы, в которых геи выглядят предпочтительнее.

Нам говорят, что нельзя лишать человека права свободного выбора. И вот под этим флагом одни нахваливают наркотики, другие ставят на широкую ногу детскую порнографию, третьи несут благую весть о «голубой культуре», и все они преуспевают! Конечно, бизнес на человеческих пороках так же вечен, как и они сами; наше время отличается лишь масштабами бизнеса. На потребителях этих услуг наживаются миллиардные состояния, и тут требуются миллионы новых клиентов. Оптимальный вариант — готовить «кадры» с дет-

ства. Опять же по прописям о свободном выборе.

Но ведь свободный выбор начинается лишь тогда, когда сформирована человеческая психика, когда молодой человек отчетливо понимает: это «хорошо», это «плохо», это «мое», это «чужое». А если детям и подросткам постоянно показывать, как добры, умны, симпатичны наркоман, гомосексуалист и проститутка, они наверняка воспримут это как установку.

— *А если других установок не предлагают? Тимур и его команда, Васек Трубачев и его товарищи, по выражению тинейджеров, давно «не катят». Как вопрошал Маяковский, «делать жизнь с кого?». И сам же отвечал: «С товарища Дзержинского». Кстати, вы, Юрий Михайлович, должно быть, с ним согласны? Честно говоря, многие были в шоке от вашего предложения восстановить на Лубянке памятник «железному Феликсу». Пусть даже он и боролся, как вы тогда напомнили, с детской беспризорностью. Наверное, сегодня сразился бы с геями и шлюхами.*

— Иронию твою не принимаю, и вот почему. В начале нашего разговора я сказал, что терпеть не могу навязанных стереотипов. Это касается и оценок личностей. Обществу внушили, что Дзержинский — палач, родоначальник сталинского террора. Но это же абсурд!

И даже не только потому, что он умер задолго до начала массовых репрессий. Нисколько не сомневаюсь, что с Дзержинским «разобрались» бы, не дожидаясь 37-го года. Такие люди Сталину были не нужны.

Давай посмотрим на него глазами, свободными от шор. Это был сильный, умный, образованный человек. У него всегда была своя точка зрения на то, что происходило в стране после 17-го года. Почему он взялся за руководство Высшим советом народного хозяйства? Потому, что многое знал и умел, у него было достаточно воли, чтобы решать хозяйственные вопросы. Причем речь тогда не шла о стабилизации — страну надо было попросту спасти от голода и разрухи, которые принесла гражданская война.

Действительно, он боролся с детской беспризорностью. Боролся результативно. И было бы хорошо, если бы кто-то из сегодняшних членов правительства последовал его примеру. У нас ведь в Москве страшная картина: 98 процентов беспризорных — не москвичи, а ребята из других регионов и ближних государств. И бегут они в столицу в поисках спасения. Разве это не государственная проблема?

Да, Дзержинский был, как теперь говорят, представителем силовых структур. Ну не нравятся нам силовые структуры, мы вообще народ куда как свободный, нам бы в чистом поле

гулять. Только почему-то российская свобода часто смахивает на рабство...

— И все же трудно поверить, что вы не просчитывали реакцию значительной части общества на свое предложение восстановить памятник. Ведь понятно же было, что вас обвинят в реанимации коммунистической идеологии, в поправке памяти невинно загубленных жизней.

— Все это я, конечно, понимал. Но если в чем-то убежден, то готов к абсолютно осознанному, как теперь говорят, снижению своего рейтинга. Я высказал свое мнение, а реакция пусть будет какая угодно. Если человек перестает говорить то, что считает верным, он разваливается как личность.

— Но объясните, в чем практический смысл этого предложения. Все равно ведь памятник никогда не восстановят.

— Восстановят, вот увидишь.

— Может быть, и северные реки в Азию повернут?

— Сто процентов.

— Тогда давайте все же на этом задержимся. Юрий Михайлович, с позиций пиара идея возвращения монумента Дзержинского и идея возродить проект переброски части стока сибирских рек в Центральную Азию — вещи одного ряда. Предложения не то что непопулярные — одиозные. Притом высказанные почти одновре-

менно. Девять из десяти политиков на такой акции сломали бы шею, загубили репутацию. Может быть, вас увлекает игра с огнем?

— Меня увлекает поиск истины, которому мешают стереотипы. Историю о том, как растоптали проект переброски северных рек, я помню превосходно. Сейчас абсолютно ясно, что была предпринята попытка общественности бороться с властью легальным способом. У всех на слуху было абсолютно неудачное решение Хрущева по целлюлозно-бумажному комбинату на Байкале. Так что к моменту, когда пошла проработка вопроса о переброске рек, в обществе уже накопилось раздражение от бездарных акций власти. Целина, кукуруза, типовое строительство и прочее. Сложился потенциал противодействия.

Сергей Залыгин и иже с ним действовали искренне, но неграмотно, неверно по сути. Искренность, к сожалению, вообще часто идет под руку с заблуждением. Но власть к тому времени ослабла настолько, что уже не могла противодействовать общественному мнению, не могла отстоять свое же решение. И в итоге на Политбюро постановили временно воздержаться от реализации этого проекта.

Когда я с ним серьезно ознакомился, меня поразило сочетание дотошной детальности и грандиозности замысла. Это была не пустышка, это был итог труда многотысячного коллек-

тива профессионалов. Сегодня, спустя почти два десятилетия, мы вновь обсуждаем эту идею, и тут нужно акцентировать важный момент. Если раньше осуществление проекта предполагалось в условиях экономики, когда цена воды практически отсутствовала, то сейчас мы говорим о воде как о товаре, которым Россия обладает в избытке и который можно выгодно продавать. К тому же вода — возобновляемый ресурс, в отличие от нефти и других видов ископаемых, которые после извлечения в природе не восполняются.

Организовал я специальную научную конференцию на эту тему. Пришли все — и кто «за», и кто «против». Был проведен опрос, и 82 процента участников конференции поддержали проект. Между прочим, и Минприроды поддержало, поступив, считаю, мужественно. Так что я лишний раз убедился в том, что совсем не одинок в своей оценке. И наверняка рано или поздно идея будет реализована. Потому что она невероятно выгодна для страны. Тут нет ни альтруизма, ни благотворительности, ни имперских замашек — речь идет о прямой экономической выгоде.

Давай посмотрим цифры. Китай сейчас начал переброску 50 миллиардов кубометров воды с юга на север, установив цену 20 центов за кубометр. Нам надо перебросить 25 кубических километров — то есть 25 миллиардов ку-

бометров. При ценовом аналоге китайцев — 20 центов — мы получим 5 миллиардов долларов в год. А весь проект стоит 12 миллиардов. Он окупится за три года, а работать будет сотни лет! Потрясающе эффективное вложение капитала.

А что касается пиара, повторяюсь: я очень хорошо понимал, что мои предложения взрывают шаблонные представления: в одном случае о человеке, в другом — о хозяйственной идее. И я этого хотел. Хотел, чтобы через раздражители люди еще раз вернулись к этим темам.

— Вашу книгу «Возобновление истории» вы тоже причисляете к разряду раздражителей? В этом геополитическом исследовании есть мысли, с которыми наверняка не все согласны.

— Скажу честно: меня сильно испугало 11 сентября 2001 года. Причем испугало не только размерностью катастрофы, но и тем, что я, как мэр, не мог даже себе представить, что происходило бы со мной, случись это в Москве. Уже потом, во время «Норд-Оста», многое понял и прочувствовал, но это было уже потом.

А тогда я начал внимательно наблюдать за тем, как же поведут себя Соединенные Штаты Америки. И с изумлением увидел, что они начали искать не причины трагедии, а врага. Назначили главным противником Бен Ладена

и вот уже два года ищут его по белу свету. Но ведь даже если бы нашли, если бы доказали, что именно он является организатором атаки на Нью-Йорк, — это что, обеспечило бы миру защиту от терроризма?

Тогда я написал статью, в которой пригласил к размышлению о том, что должна сделать цивилизованная часть мирового сообщества, чтобы не нарушилась устойчивость мира. Опубликовал эту статью в России. Хорошая реакция. Попытался напечатать в США. Не получилось. В этой свободной стране ее посчитали крамольной. Вот тогда-то я и решил написать книгу по этим проблемам. Которые, убежден, не надуманны, не виртуальны.

– То, что они не виртуальны, стало предельно ясно весной 2003 года на открытии знаменитой книжной ярмарки в Лейпциге. Вы, вероятно, помните, что именно в тот день, когда вы туда прилетели на презентацию «Возобновления истории», началась военная операция против Ирака. Точное совпадение по времени этих двух фактов — конечно, воля случая; американцы вполне могли запустить крылатые ракеты по Багдаду и днем позже. Но все же нечто мистическое в этом было.

Надо признать, что несколько сотен людей, которые до отказа заполнили зал на презентации, одним своим присутствием как бы подписались под вашими тревогами. Не говоря уж о

том, что среди гостей была такая историческая для современной Европы фигура, как Ганс-Дитрих Геншер. Который, как оказалось, вашу книгу внимательно прочитал, поскольку добрых полчаса ее комментировал.

— И, заметь, разделил многие позиции книги. При этом у меня сложилось впечатление, что господин Геншер оперировал гораздо более широкими понятиями, чем я, и увидел в книге то, о чем сам автор лишь догадывался. За что я ему чрезвычайно признателен.

Мы живем в очень быстро меняющемся мире. То, что казалось невероятным вчера, завтра уже реальность. Всего лет десять назад никто не думал спорить с Френсисом Фукуямой, заявившим, что мир стабилизирован, история завершена и обществу не нужно ничего искать. Есть образцы демократии, образцы государственного устройства, и всем остальным государствам нужно только их копировать.

И вот теперь мы начали в этом сомневаться. Начали задавать себе и другим новые вопросы, которые вызваны отнюдь не нашим недоверием к безусловно умным философам и политологам, но результатами реальных изменений в мире.

А этот мир расколот. Есть страны «золотого миллиарда», которые концентрируют потенциал благосостояния. Но есть и миллиард

населения, которое бедствует. Будет ли второй миллиард мириться с существованием первого? Или не даст ему покоя? Ведь бывают ситуации, когда терроризм становится по сути местью слабого — того слабого, которого сильный не желает даже выслушать. Поэтому нужно найти базисные, изначальные причины, которые приводят мир к внутренне конфликтному состоянию. Найти — и постараться устранить.

Один наш известный политолог заявил: не дело мэра заниматься геополитическими проблемами. Мэр должен убирать улицы, обеспечивать город теплом, регулировать социальные вопросы... А я отвечаю так: не нужно никого — ни мэра, ни любого другого человека — лишать права думать, сопоставлять, анализировать и делать выводы. А мой вывод прост: в этом мире все меж собой связано. Помнишь рассказ Рэя Бредбери о том, как с помощью машины времени люди перенеслись на несколько столетий назад и один из них раздавил бабочку. А когда они вернулись, оказалось, что у власти находится диктатор.

Какое отношение анализ глобальных угроз цивилизации имеет к повседневной хозяйственной деятельности мегаполиса? Вроде бы никакого. На самом же деле — и с каждым годом это все более очевидно — контекст глобализации влияет буквально на все, от него

Михаил ЩЕРБАЧЕНКО

просто невозможно отвлечься. А потому только в таком контексте и можно реально осознать и просчитать проблемы Москвы. И без ответа России на самый страшный вызов времени — угрозу деградации и самоликвидации страны — самая продуманная стратегия развития города выглядит насмешкой. Тут уж не отсидишься ни за МКАДом, ни за Садовым кольцом.

ЗАБАВНАЯ ИГРА
«ПОДТОЛКНИ
К ПРОМАХУ»

*Глава о том,
что если не можешь
изменить ситуацию,
измени взгляд на нее*

Знаменитый французский имидж-мейкер Жак Сегела, который привел к власти нескольких европейских президентов, не консультировал Ю. М. перед выборами Госдумы (куда баллотировалось возглавляемое Лужковым движение «Отечество» в блоке с движением «Вся Россия») и мэра Москвы в декабре 99-го. Хотя был бы ему весьма полезен. В изданной у нас перед выборами книге «Национальные особенности охоты за голосами» (которая тут же стала библией политических технологов) Сегела пишет: «Политическое искусство наряду с искусством рекламы имеет

глубинный смысл «подтолкни к промаху»... Власть никогда не завоевывают — это противник ее теряет».

Противники Лужкова, которые еще не раз будут названы, использовали максимум средств, чтобы подтолкнуть его к промаху. Мэр нападения ждал и, когда звякнул гонг, принял привычную бойцовскую стойку. Методично и серьезно Ю. М. начал, как говаривали прежде, давать отпор клеветникам. Отвечал по существу на каждое обвинение, разъяснял прессе, как обстоят дела в действительности, подавал иски в суд. Похоже, если бы Лужкову «навесили» организацию эпидемии в Африке или государственного переворота в Объединенных Арабских Эмиратах, он и на сей счет посчитал бы нужным привести контрдоводы и возвать к правосудию.

Впрочем, до подобных претензий дело не дошло, противники ограничились сущей малостью. Через группу СМИ под водительством первого и второго общенациональных телеканалов они последовательно приписали Лужкову владение земельным участком в Испании и роскошной резиденцией в Подмосковье, домом приемов в Карловых Варах и квартирой в Штатах, потворствование тоталитарным сектам, подлог при строительстве больницы в Буденновске, финансовые махинации с «Bank of New-York», протезирование бизнесу супруги, а

также совсем уж мелкие грешки вроде организации убийства американского бизнесмена, предательство национальных интересов, выразившееся в попытке остановить чеченскую кампанию и тем выбить из игры тогдашнего премьера Путина, готовность к акциям гражданского неповиновения и даже вооруженному мятежу, близость к преступным кланам, поддержку коррумпированного чиновничества, развал правоохранительной работы в городе и приведение московской экономики к полному краху.

А вы как хотели? «Заставить избрать себя — отнюдь не аристократический вид спорта», — пишет Жак Сегела. Добавим: так же, как заставить не избрать противника.

Антилужковская акция, надо сказать, захватила воображение многих политиков и пиарщиков. Еще бы — такая коллизия!

Лужков не должен реагировать на наезды, говорили одни. Ноль внимания, фунт презрения! Газет не читаю, телевизор не смотрю — нет времени.

Так нельзя, спорили другие. Он же заявил, что Ельцин должен дать публичные объяснения по поводу своих заграничных счетов, теперь придется самому на каждую дурь отвечать.

Но тогда, не унимались первые, нужен публичный конфликт. Лоб в лоб. Приглашают Доренко и Сванидзе в свои передачи — надо

идти, делать заявления в прямом эфире, участвовать в теледебатах с конкурентами на место мэра...

...И тем самым поднимать всю эту публику до своего уровня? Ну уж нет, отрицали вторые. Возвышая других, принижаяешь себя.

А Лужков уже давно не в облаках парит, следовало новое возражение. Еще недавно рейтинги показывали: во втором туре президентских выборов он бьет всех. И вот был человек — и нет человека! Не надо было отношения с Березовским доводить до крайности, забыл разве, как тот за неделю команду Чубайса закопал. И тот же Доренко, кстати, тогда гвозди в гроб вгонял.

При чем тут Березовский, горячились оппоненты, если Лужков лидером блока Примакова позвал. И значит, сам себя из президентских рейтингов вывел.

Сам же Лужков говорил разное. «Да, я не могу спокойно воспринимать клевету, она выводит меня из равновесия, но это нормально. Я человек, а не медуза». Но уже на завтра мог сказать иначе: «Я совершенно спокоен. Обо мне могут врать что угодно, сам же я абсолютно уверен в своей правоте и порядочности».

Работающие с Лужковым люди понимали: мэра нервирует то, что ему навязали игру, которой он не знает. Опытнейший и такой битый, что за него не двух, а дюжину небитых

дадут, Ю. М. ощущал себя так, будто на таком знакомом ему футбольном поле против него затеяли метание молота, городки и стендовую стрельбу. То есть подтолкнули к промаху. Попытались вогнать Лужкова в ситуацию, когда любой его довод и любой поступок либо перевирают, либо освистывают, либо вообще не за-

мечают. Как не проиграть такую партию? Дилемма, в сущности, проста: признать, что отсутствие правил является как раз правилом, и сражаться тем же оружием, что и противник, или следовать собственным правилам и внутренним законам, независимо от поведения противной стороны.

Внешне Лужков сохранял уверенность, исправно следовал ежедневному рабочему графику, следил за городским хозяйством, встречался в округах с избирателями и по несколько часов кряду отвечал на их вопросы. Но внутреннее напряжение все равно проступало наружу. Мэр стал мрачен, телеэкран высветил опаснейший признак: Лужков начал терять обаяние. Он явно что-то искал — быть может, всего одну мысль, которая даст ему внутреннюю опору. Опору в ситуации, когда тебя вынуждают отдать власть. В том числе власть над собой.

А противники завели новую пластинку: что это Лужков взял моду винить во всех своих бедах Кремль? И вообще, о какой травле идет речь? Этого мэра, в самом деле, до того избаловали похвалами и поклонами, что он уже комариный укус воспринимает как заговор.

Между тем стоит непредвзято прокрутить в памяти передачи первого и второго телеканалов за последние месяцы 99-го, да для полноты ощущений заглянуть в Интернет, доверху набитый перлами типа «Лужопа» и «Шкурий

Пихайлович Кушков», да прибавить сюда массивные и явно тенденциозные проверки в московской милиции, прокуратуре и многих иных городских структурах, да присовокупить попытку ударить по столичному бюджету экономическими санкциями, как станет очевидно: кампания морального уничтожения Лужкова по интенсивности и вдохновению превзошла пригнобительные отечественные аналоги.

«Голосуют за будущее, а не за прошлое, — цитата из книги Жака Сегела. — У народов нет ни памяти, ни признательности. В кабине для голосования людей мало заботит достигнутое, их трогает только то, чего предстоит достичь. Разве окажется кто-нибудь настолько глуп, чтобы голосовать за вчерашний день, когда отныне в счет идет только завтрашний? И наше доверие будет отдано не тому, кто сделал, а кто сделает».

Ю. М. четко расписал программу кандидата в мэры: «построить в предстоящий 4-летний период 12 больниц и лечебных корпусов на 1729 коек, 27 поликлиник, 14 подстанций скорой и неотложной медицинской помощи», «построить и ввести в эксплуатацию 48 детских дошкольных учреждений, 104 школьных здания и 16 блоков начальных классов и за счет этого ликвидировать вторые смены». И дальше в том же духе.

В противовес были обнародованы обещания прорывного реформатора, каким являл себя

народу освобожденный от премьерской ноши после дефолта-98 Сергей Кириенко, а также щедрые дары большого барина, исполняемого тогдашним управляющим делами президента Павлом Бородиным. Один нашел скрытые бюджетные резервы на два с половиной миллиарда долларов, другой помахивал ордерами на жилье и бесплатными проездными на городской транспорт. По сути дела, конкурировали два подхода: «Я пока ничего не сделал, но сделаю очень много» и «Я сделал, сколько смог, и сделаю ровно столько, сколько смогу».

Лужкову наверняка нашептывали: вам не о чем беспокоиться, Юрий Михайлович, народ не верит кириенкам и доренкам, москвичи вам всецело доверяют... Но мэр не наивен. Он знал цену тем, кто вещает от имени народа. Он не мог не понимать, что дефолт-98 увеличил в столице так называемый протестный электорат. Жизненный уровень упал, и это не может не проявиться на выборах. Голоса недовольных уйдут от Лужкова, а в кого они «вольются», в Бородина, Кириенко или в кого-нибудь еще, угадать нельзя. Как не угадаешь и последствий массивной информационной бомбежки.

Голосуют ли сердцем, голосуют ли головой, но избрание — это все-таки таинство. Быть может, последнее, оставшееся после того, как люди научились различать пол ребенка еще в чреве матери. Освобожденный наш народ сам

себя не раз изумлял собственным выбором, кто сказал, что он не способен на большее?

Неизвестность нервирует. А вот Ю. М. взял и успокоился.

Он успокоился как-то сразу. Поведение вроде бы не изменилось, мэр все так же опровергал домыслы и ложь, проводил пресс-конференции, вчинял иски, но это был уже другой Лужков. Вернее, прежний. Улыбчивый и легкий на язык. Без камня на душе. Вернулось обаяние, действующее на людей разных возрастов и социальных групп.

Мэр явно нашел нечто, без чего ему так трудно дышалось. Мысль, на которую сумел

опереться. Быть может, он сделал то, что много веков подряд внушают нам мудрые: если не можешь изменить саму ситуацию, измени взгляд на нее. Лужков не волен отключить два лупящих его телеканала, полностью покрывающих российскую территорию, не может приостановить заказные проверки московских институтов власти, не хочет публично дискутировать с несерьезными кандидатами в градоначальники и разваливать их программы.

Но зато он может сказать своим избирателям: я тот, кому в прошлый раз вы доверили город и, значит, в каком-то смысле самих себя. Я тот, кого вы уже давно и неплохо знаете. От того, что обо мне говорят, я не стал ни хуже, ни лучше. Перекричать своих противников не могу и не желаю. Ваше право — избрать меня или не избрать. Мое право — уважать себя после окончания выборов.

Угрюмое, деланное спокойствие Лужкова перешло в то состояние, которому вполне подошел бы знаменитый слоган «Спокойная Сила», придуманный Жаком Сегела. Правда, для Франсуа Миттерана. В избирательной кампании московского мэра французский имиджмейкер не участвовал.

А жаль. С ним было бы надежнее.

ИНТЕРЕСНЕЕ ВСЕГО,
КОГДА НАСТУПАЕТ
ХАОС

*Глава о том, что
уважающий себя начальник
обязан работать больше
подчиненных*

Едва я успел, изготовившись к интервью, включить диктофон, как Лужкова соединили с генеральным директором «Мосводоканала». Последующий монолог (именно монолог, поскольку ответов я слышать не мог) настолько захватил, что я не только не остановил запись, но даже решил непременно привести ее без купюр.

— Станислав, ты мне скажи, зачем ты требуешь на входе в поглотитель температуру озонозвоздушной смеси плюс пять градусов? Я задаю тебе вопрос не случайно, а, во-первых, как автор идеи и, во-вторых, как человек, который

в химической технологии выварится до самых кончиков несуществующих волос. Ты же понимаешь, и термодинамика, и экономика говорят: с какой температурой воздушноозоновая смесь вышла из генератора, с такой же температурой ты должен ее направлять в поток воды. Конечно, не должно быть температуры абсолютного нуля, потому что тогда вокруг пузырькового барбатера может нарастать лед. Но чем ниже температура этой смеси, тем лучше растворение. А зачем ты заставляешь нагревать озонозодушную смесь после выхода из генератора? Мне сказали, что в ТЗ записано: температура озона в воздушной смеси на входе в барбатер должна быть плюс пять градусов, не ниже.

(Слушает неслышный мне ответ с другого конца провода).

— Станислав, ты меня удивляешь, мы же не охлаждаем озонозодушную смесь. В генератор она входит с температурой минус 60 градусов. Мы в генераторе убрали все кишки, нам не нужно отводить тепло, и за счет тлеющего или тихого разряда, за счет естественного электрического процесса воздушная смесь с получением озона нагревается, по моим подсчетам, до минус 25. Повторяю: тебе не нужно охлаждать эту смесь, она уже из генератора выходит с температурой.

Вы в ТЗ должны написать, что воздушноозоновая смесь, выходящая из генератора, не-

посредственно подается в барбатер. И барбатер должен сработать при температуре, которую приобрела эта смесь после выхода из генератора. Вода охладится, и у нас будет меньше проблем по поглощению. Там же нужно делать расческу, гармошку, лабиринт, там своя проблематика.

Поправь ТЗ, ладно? Да, надо ставить обычные плотные матерчатые фильтры и менять их; один фильтр работает на поглощение, второй фильтр отдыхает, и через него проводится теплый воздух, который выходит с другой части турбодетандера. Понял? Ну, привет. *(Обращаясь ко мне.)* Что-нибудь понял?

– *Понял, что Станислав – это Храменков, а ТЗ — это техническое задание. А вообще, когда долго слушаешь непонятный разговор, начинаешь думать о другом. Вот и я, пока ждал, задавал себе вопросы. К примеру, такой: входят ли турбодетандер, пузырьковый барбатер и озонозвоздушная смесь, которыми, как я разумею, должен заниматься химик-технолог, в круг вопросов управления громадным городом, рассматриваемых и решаемых мэром? Не слишком ли расточителен мэр, тратящий время и мозги на сугубо инженерную подробность; не правильнее ли просто поставить специалисту задачу и спросить за ее выполнение?*

— Знаешь, мне приходилось встречать ответственных работников, которые вызывали «на

ковер» своих сотрудников, устраивали им порку, когда что-то не получалось, и под занавес изрекали: «Идите и думайте». Таких руководителей я на дух не выносил и клялся себе на них не походить. Слово «думай» я ценю, пожалуй, превыше других слов, но обращаю его в первую очередь к себе. Я ответил на твой вопрос?

– Допустим, только ведь ваш диалог был слишком длинным для одного-единственного вопроса. Возникли и другие мысли. Странно не то, что вы ностальгируете по химии, – в конце концов, вы отдали ей полжизни, – а то, что по-прежнему свободно оперируете всеми этими терминами и понятиями. Причем ваш собеседник, которого вы поправляете, варится в этом постоянно, в то время как вы десять с лишним лет занимаетесь совсем другими вещами. Это я говорю вот к чему. У вас исключительно цепкая память, и это никакой не комплимент, а давно установленный факт. Но вот устраиваете ли вы «генеральную уборку» своей памяти, стираете ли мешающие, неприятные имена, лица, факты, даты? Или многие из них остаются источниками раздражения, периодически вызывая желание отплатить за бывшие обиды?

— Память у меня в самом деле систематизированная, постоянно тренируемая. Это очень важно — самовоспитание памяти. Но одно дело — помнить обиды, другое дело — мстить. Я не мщу. Я по натуре не мстительный. Хотя

достаточно злой. Могу наказать, могу уволить. Вообще, когда вижу плохо сделанную работу, становлюсь беспощадным. Но при этом удерживаю в памяти профессиональные достоинства людей, их успехи и за ошибку, даже крупную, а уж тем более за разовый промах, расставаться с инициативным, дельным работником не буду. Потому что абсолютно уверен: работа человека — его судьба. Особенно если эта работа — по всем статьям твоя: твоя специальность, твое увлечение, твоя любовь, наконец. Потеря такой работы — настоящая драма, утрата важнейшей части жизни. Для русской интеллигенции всегда многое значила работа, деятельность.

– *Вы всегда любили много работать?*

— Да, да, да. Безусловно.

– *Была у вас когда-нибудь неинтересная работа? Которую вы делали с плохо скрываемым отвращением.*

— Нет, тут мне повезло. Повезло и с руководителями, которых я ценил, и с характером самой работы. Хотя полюбил я ее не сразу. Когда заканчивал институт нефти и газа по специальности автоматизация производства, хотел попасть на так называемые оргнефтезаводы. На пускачи, как их называли. Но тут случился майский пленум 58-го года, и меня, как отличника, направили по мановению руки Никиты Сергеевича Хрущева в химическую

промышленность. Тогда нужно было развивать химию.

Я долго отказывался, отбивался. Когда же попал в институт пластмасс, он показался мне какой-то забегаловкой. Никакого сравнения с крупными нефтеперерабатывающими заводами. Это потом промышленность пластмасс мощно развилась, а в 58-м году было котельное производство, полукухонная технология. И тем не менее я довольно быстро нашел интерес в работе, начал заниматься совсем новым делом — производством фенолформальдегидных смол. Оно было создано после драматических неудач, мы его долго дожимали, и, кстати, сейчас это производство эффективно работает.

Так что никогда не было у меня неинтересной работы. Даже в Мосагропроме. Там захотелось решить задачу, с которой наша любимая партия не могла справиться десятилетиями, — отказаться от привлечения работников разных институтов и учреждений на плодоовощные базы. Я тогда чересчур самоуверенно сказал, что сделаю это за полгода.

– *Сказали кому?*

— Самому себе. Вслух никому обещаний не давал, да никто их от меня и не ждал. А сам себе я объявил: вот задача, которая имеет крупное общественное значение и может быть решена в результате серьезных экономических и

организационных усилий. Такое дело по мне, им заниматься интересно.

Сделал расчеты, скольких людей привлекают на овощебазы, какая эффективность привлекаемых доцентов, профессоров. И написал письмо в правительство: дайте мне 27 миллионов рублей (тогда деньги, как ты понимаешь, были другими) — и людей из институтов и всяких прочих организаций на базах не будет. Честно говоря, думал, меня пошлют подальше. Но Рыжков передал проект на экспертизу в Госплан Ситаряну, а тот написал примерно так: я не верю, что у них это получится, но деньги не такие уж и большие. Тогда Николай Иванович наложил резолюцию: «Выделить деньги, в декабре проверить. Если не получится, освободить от работы». Вот такая была кадровая политика.

Итак, начал я наводить порядок на овощных базах. И очень скоро посыпались жалобы в ЦК: Лужков авантюрист, он оставит москвичей без картофеля и овощей... На каждом бюро горкома партии я «звучал».

В конце концов мне это бичевание надоело. Написал одно заявление об уходе, другое. Просил или освобождения, или доверия. В тот момент у меня было жуткое состояние — жена умирала от рака... Но, как бы то ни было, первой же зимой овощные базы смогли отказаться от привлечения людей по разнарядке.

Тогда произошел забавный эпизод. Шел пленум московского горкома партии. Зайков, первый секретарь, никогда заранее не смотрел подготовленный для него доклад. И вот стоит на трибуне и читает: «Нам удалось исключить привлечение людей на базы...». В зале поднялся шум. В перерыве Зайков на меня налетел:

— Вы что понаписали? Вы меня обманули! Когда я сказал, что мы отказались от привлечения людей на базы, в зале загудели.

— Во-первых, — отвечаю, — доклад писал не я, а ваш аппарат. Во-вторых, аппарат написал правильно.

— А почему зал шумел?

— Я думаю, это был вздох облегчения. Позовите любого первого секретаря райкома и спросите, направляет он людей на базы или нет.

Зайков вызывает Земскова из Ворошиловского района.

— Вы что, действительно не привлекаете людей на овощебазы?

— Нет, с этим покончено. Мы в зале от радости шумели.

— *В управленческой лексике есть понятие «кризисный менеджер». Вас, между прочим, тоже причисляют к этому разряду. По-вашему, справедливо?*

— Когда я работал директором научно-производственного объединения, самые увлека-

тельные дни для меня наступали в конце года, когда план оказывался под угрозой, когда все горело и начинался хаос. Именно в этот момент мне было наиболее интересно управлять и всей организацией, и производством. Интересно подчинять определенной системе волю людей... Да, я могу согласиться с тем, что работать в кризисных ситуациях мне нравится. В *хозяйственных*, хочу это выделить, кризисных ситуациях, не дай бог управленцу получить общественный кризис. Мы это хлебнули полной мерой.

А вообще, можешь быть кризисным менеджером или мирным, но если ты руководитель — обязан работать больше своих подчиненных. А те должны видеть, что они имеют дело не только с начальником, но и с подлинно действующим лицом.

КОГДА КОРОЛЬ ИГРАЕТ СВИТУ

*Глава о том, что даже
в спянной команде
каждый должен
волноваться за себя*

В одной книге вычитал: «Властью не награждают, властью наказывают». Кому, вы думаете, эта фраза принадлежит? Лужкову, вот кому.

И захотелось воскликнуть: помилуйте, Юрий Михайлович, уж не вы ли так жестоко, так беспощадно наказаны властью? Не вам ли выпало сгибаться под тяжким крестом, который и нести все трудней, и сбросить все невозможней? А я, признаться, думал совсем наоборот. Думал, что вы и власть — плоть едина. Конечно, власть вы не наследовали, но стремились к ней и достигли.

Чтобы обрести власть над другими людьми и над обстоятельствами, вы научились «властвовать собою». Не знаю, легко или трудно вам это далось, но вполне допускаю, что жизненные обстоятельства не оставили вам другого способа обращения со своей персоной, кроме волевого управления ею. По принципу «через не могу».

...Весь рабочий день у Лужкова росла температура. Когда поздним зимним вечером мэр отправился домой, в подмосковное Молоденово, он полыхал так, что в машине можно было отключать печку. Приехали. Лужков открыл воспаленные глаза: «Пошли на корт». И два часа рубился в теннис с легким и выносливым водителем Костей.

А в полвосьмого утра в автомобиль садился бодрый, полный сил мужчина, вид которого чудесно подтверждал мнение о том, как сладка жизнь большого начальника: дай себе лишь труд проснуться, откусать икорки и донести зад до персонального авто.

Лужков уже давно и абсолютно преднамеренно следует правилу вышибать клин клином. Или, как учил Воланд непохмеленного Степу Лиходеева, лечить подобное подобным. Взаправду ли верит Ю. М., что только через преодоление, пусть и на грани риска, человек может подчинить себя собственной воле, или насилие над собой, любимым, на самом деле есть

хорошо продуманная и экспериментально проработанная система «подзарядки батареек», неведомо. Однажды по мэрии пошли разговоры, что с Лужковым работает экстрасенс, который в середине дня энергетически подпитывает мэра. Окажись оно так, народ мигом бы успокоился — дескать, вот откуда все берется. Смущало лишь то, что никто, включая секретарей и охрану, никакого экстрасенса в глаза не видел.

...Отлично помню один день мэра. Прямо с утра чередой шли сначала переговоры с солидной иностранной делегацией, затем двухчасовое интервью главным редакторам французских средств массовой информации, два очень важных совещания — на крупнейшей стройке и на ЗИЛе, потом следовало опять же двухчасовое, требующее особой собранности интервью нелояльной мэру газете, за ним встреча с депутатами Мосгордумы и, наконец, поздним вечером было запланировано участие мэра в телемосте с Америкой, с Бостоном, где собрался международный инвестиционный форум и в зале сидели иностранные бизнесмены, решающие, вкладывать ли деньги в предлагаемые Москвой проекты.

Мэра ожидали в специально организованной студии, там был установлен монитор с изображением зала в Гарварде. Наблюдая почти полный день, с какой скоростью крути-

лись мозги Ю. М., я полагал увидеть Лужкова по меньшей мере утомленным. Но в зал вошел, уселся перед монитором, выступил в прямом эфире безо всяких вспомогательных бумаг и удостоился дружных аплодисментов с другого континента человек, который, верьте на слово, был свежее, энергичнее, темпераментнее, чем в начале дня.

Впрочем, мы ушли от темы и, кажется, сбились на комплиментарный тон. А градоначальник льстивые речи хоть и не обрывает, но и особого кайфа не ловит. Когда кинорежиссер Владимир Хотиненко снял документальный фильм о праздновании 850-летия Москвы, там не оказалось ни одного кадра с Лужковым. Мэру показали кино, рецензия оказалась неожиданной: «Рад, что ни разу не увидел себя. Хотя весь фильм думал: сейчас эти б.... покажут эту рожу».

Осенью 2000 года в одном интервью Ю. М. сказал буквально следующее: «У меня нет друзей. У меня есть коллеги по работе». Многие обратили внимание на это заявление — для Лужкова абсолютно новое. Никогда прежде мэр так не высказывался. Напротив: за ним давно и прочно утвердилась репутация человека, который дорожит своей командой, с некоторыми ее «игроками» состоит в давней личной дружбе и вообще отличается от многих политиков тем, что своих не сдает.

Что же случилось? Может, раньше Лужков лукавил, как бы подавая и своим и чужим ясный знак: «Со мной не пропадете»? А теперь, когда подошла необходимость избавиться от части своего окружения, публично освободил себя от роли покровителя?

Или дело все-таки в том, что, вкусив горечь многочисленных измен накануне парламентских выборов 99-го (в том числе и со стороны людей, которых, судя по всему, считал близкими товарищами), мэр решил морально обезопасить себя на будущее, отказав лицам из свиты в праве на личную дружбу? В январе 2000-го Лужков обронил фразу: «Нет ничего страшнее вора в собственном доме». Он не уточнил, о ком речь, хотя подходящих персонажей было несколько...

Короля играет свита — звучит не ново. В системе столичной власти, скорее, наоборот: свиту играет король.

Нельзя не признать, что именно при Лужкове служба в муниципальных структурах, и в первую очередь в мэрии, стала по-настоящему престижной. Прежде работа в федеральных организациях (еще ранее называвшихся союзными) ценилась несравнимо выше, чем в городских. В перестроечную пору муниципалы быстро набрали очки, и вскоре фраза: «Я работаю у Лужкова» стала аттестовать человека как фигуру значительную.

Как же относится Ю. М. к своему окружению? Тут многое познается через детали. Взять, к примеру, форму обращения. Мэра даже те, кто вплотную приближен к нему по должности и возрасту (не говоря уж обо всех прочих сослуживцах), величают исключительно на «вы» не только в официальной, но и в приватной обстановке. Лужков же ко всем без исключения сотрудникам, высоко-, средне- и низкопоставленным, давним и новым, молодым и старым, умным и иным, обращается на «ты».

«Тыкает», надо признать, необходимо, по-домашнему, но вместе с тем лишней раз подчеркивает дистанцию и как бы напоминает: ты работаешь у меня, я тебя ценю, иначе бы выгнал, но правила общежития, уж извини, здесь устанавливаю я. И ругнуться за мной не заржавеет. Причем не всегда для разноса, чаще, как говорится, для связки слов.

Стиль руководства Лужкова таков, что никто никогда не чувствует себя абсолютно уверенно. И даже спокойно. Схлопотать можно в любой миг, и хорошо, если дело ограничится жестким тоном мэра. А то случаются и самые тривиальные разносы — по полной, отработанной в советские времена программе. Лужков за годы своей карьеры сам не раз такие нагоняи получал и технику их исполнения вполне освоил. Причем ничуть не сомневаюсь: в такие минуты мэр осознанно стремится к тому, что-

бы распекаемому стало страшно. Начальника должны бояться.

Лужков запросто может пройти мимо сотрудника, которого хорошо знает, и в ответ на: «Здравствуйте, Юрий Михайлович» даже не повернуть головы. В мэрии это объясняют тем, что градоначальник имеет свойство задумываться и не реагировать на «внешние раздражители». Не верю. Это такая тактика руководителя. Пусть человек забеспокоится, пусть переберет в памяти, чем он мог вызвать недовольство мэра. Пусть почувствует под ногами зыбкий песок. Больше будет ценить свою работу.

При этом Лужков умеет не только походя

шлепнуть по нервам, но и столь же легко привести человека в полный восторг. Вот вам один случай, с виду пустячный.

Субботний объезд города. Мэр в центре толпящейся свиты меряет шагами стройплощадку Гостиного двора. Смотрит в землю; о чем думает, непонятно. И вдруг, не поднимая головы: «Андрей, у тебя шнурок развязался». Идущий метрах в десяти от Лужкова сотрудник пресс-центра мэрии каменеет. На физиономии изумление пополам с восторгом. Шнурок ботинка и в самом деле развязан, но главное, мэр помнит имя Андрея. Мало того: Ю. М. идентифицирует его по ботинкам, а ведь на пустого, никчемного человека он бы вообще глядеть не стал, пусть у того хоть шнурок развяжется, хоть штаны свалятся. Наконец, Лужков не иначе как сознательно дает понять окружению, что уж кого-кого, а Андрея из пресс-центра он помнит, ценит и обидеть не разрешит.

Скорее всего, ничего этого мэр, говоря о шнурке, в виду не имел. Хотя не факт. Управленческие приемы заведены у него в рефлекс, и он не может не понимать: знак внимания и расположения ценится стократ дороже, если он оказан начальником, умеющим держать подчиненных в постоянном напряжении.

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО:
«НЕВОЗМОЖНО»

*Глава о том, что если
сделал работу быстро, но
плохо, — забудут, что
быстро; запомнят, что
плохо*

Один из разделов книги Лужкова «Российские законы Паркинсона» называется «Закон «Нет, невозможно», или Лучший способ загубить проблему».

Этот закон я сформулировал, когда впервые съездил на Запад. Меня поразило, что там, когда задаешь человеку проблему, он сразу думает, как ее решить. Конечно, по шаблону, по стандарту, без нашей российской смекалки и выдумки. Но главное, у них установка — решить любой, даже самый сложный вопрос.

У нас веками воспитывалась другая философия. Если поставлена задача, надо найти мотивы, чтобы не решить ее. И этому вовсе не мешает нынешний переход к рынку. «Невозможно» — самое сладкое слово в отечественном деловом лексиконе. Ты еще не договорил, а тебе уже отвечают: «Нет, не получится».

Почему, собственно? Ну, в верхних слоях понятно: там если решил проблему, то подвергаешь себя опасности. Кому-то может не понравиться. В языке это хорошо отражено: «не высовывайся», «тебе что, больше всех нужно?», «поперед батьки в пекло» и прочее. Не решать, отказать под любым соусом еще и полезно: вокруг тебя кто-то должен обязательно поворачиваться, быть может, откатик дать или еще что приятное сделать. А ты показываешь, что большой начальник. Но, конечно, самый кайф — когда должность дает возможность мешать кому-то делать то, что ему позарез нужно, а подношение можно взять за то, что перестанешь мешать.

Однако все это — чиновники, начальство, с ними как бы ясно. А вот почему закон «нет» работает в реальном, как мы говорим, секторе? Хоть убей, не пойму.

Просто диву даешься, наблюдая, сколько усилий готов тратить русский человек на дело, которым не думает заниматься. Он к вам придет, будет спрашивать, рассуждать, смотреть, при-

меривать. Но это вовсе не значит, что готов решить вашу проблему. Он может потерять даже больше времени, чем потребовалось бы для выполнения дела. Однако, как говорится, здоровье дороже.

Закон «нет» настолько широк и многообразен в практике, что только ему одному мы могли бы посвятить целую лекцию. Думаю (хотя до конца понять не могу, настолько это отсутствует в моем характере), дело тут вот в чем. Российский человек привык называть проблемами только неразрешимые проблемы. Вместо того чтобы выделить первоочередные и приняться за их разрешение, он, как правило, поступает наоборот. Укрупняет вопрос, доводя до неразрешимости. Вы можете наблюдать это даже на бытовом уровне. Пригласите сантехника поправить водопроводный кран. Он тут же скажет: «Нет, невозможно. Нет прокладочки, винтика, вентиля, и вообще надо ванну снимать!» Думаете, дело тут только в корысти — набить цену, получить с клиента лишнюю бутылку? Если бы так! Это мы себя тешим такими объяснениями, чтобы сохранить хоть какой-то порядок в собственной голове. Глобализовать проблему и тем ее угробить — первая и, главное, почти бессознательная реакция русского человека. Навык, культура, ритуал.

— Юрий Михайлович, кто-то из социальных психологов, — кажется, Карнеги — считает,

что ошибочное, но быстро и уверенно проведенное управленческое решение предпочтительнее, чем по сути верное, но вяло и бездарно исполняемое.

— Это не так, ошибка есть ошибка; быстро и энергично проведенное ошибочное решение быстро и энергично даст отрицательный результат. Я Карнеги перечитываю уже несколько десятилетий. У него такой мысли нет, это сто процентов. А вот моя управленческая формула такова: если ты сделал работу быстро, но плохо, никто не вспомнит, что быстро, все будут помнить, что плохо. Если сделал медленно, но хорошо, никто тебя не упрекнет, что ты сделал медленно. Все будут говорить: он сделал хорошо.

— *А что отвечает ваша теория управления на вопрос: позволительно ли начальнику признавать свои ошибки? Или есть опасность, что подчиненные сочтут это признаком слабости?*

— Это не слабость, и бояться этого не надо.

— *Тогда получается такой силлогизм: если Юрий Михайлович Лужков не считает зазорным признать свою ошибку, но никогда этого не делает, значит, он не ошибается.*

— Кто сказал, что я этого не делаю?

— *Знающие люди.*

— Видимо, не знающие меня. Давай по-честному: самокритикой заниматься не любит никто. Только трактор сам на себя грязь нама-

тывает. А вот уметь объективно проанализировать и оценить, что получилось, что не получилось, — это не просто возможная, но совершенно обязательная вещь. Иначе в оценках своих результатов ты переходишь в виртуальную область, а это для управленца чрезвычайно рискованно. Вообще, дорога хозяйственного руководителя усеяна больше ошибками, чем достижениями. У меня тоже много ошибок, я их знаю и не боюсь признать.

— *Есть мнение, что вы как начальник много выгадали, не прослужив во времена оны в горкомах, райкомах и исполкомах. В то же время большинство руководящих постов мэрии и правительства Москвы занимают бывшие секретари столичного горкома и райкомов партии, ЦК комсомола, председатели райисполкомов...*

— Я не сортирую людей по тому, кто где был в августе 91-го...

— *Вы меня не так поняли. Я говорю не о политических взглядах, а о том, насколько комфортно выходицу из реальной экономики работать с людьми из аппарата.*

— Меня интересует степень их подготовки, уровень знаний, дисциплина, умение решать вопросы и, конечно, инициатива. Может быть, у некоторых моих работников чрезмерно развито чувство осторожности, но это объяснимо — партия прививала правило: не подставляй голову. Из-за этого они в рискованные меро-

приятя вряд ли полезут. Все остальное у них есть. Опытные люди, дисциплинированные. Что же касается недостатка инициативы, то я им добавляю от себя.

А давай задумаемся о судьбе старых опытных кадров, которые управляли экономикой страны, например, в рыжковский период. Права ли была новая власть, отстранив их от дел? По существу, она поступила так же, как коммунисты после 17-го года, — отказала спецам в доверии. И в банки пришли «матросы железняки». Они, между прочим, в системе управления не перевелись до сих пор.

А опытным профессионалам не дали даже шанса проявить себя в экономических реформах. Я думаю, отказаться от них можно было только тогда, когда стало бы ясно: человек не справился, не понял, психологически не принял новые идеи. Не раньше! Я уверен, что отказ от таких людей был возмутительным промахом новой власти.

— *А вас могли так же отодвинуть?*

— Элементарно.

— *И где бы сейчас был Юрий Лужков, химик и управленец?*

— Кто ж знает. Наверное, не потерялся бы в производственном бизнесе. Я уже был директором крупного предприятия. Получалось у меня. Народ работал разный — и крупные ученые, и рабочих десять тысяч человек. Объеди-

нение было мощным и слаженным. Теперь, конечно, и ему стало сложно, но ничего, работает.

– *А если, предположим, сейчас пришлось бы менять работу?*

— Может быть, стал бы что-нибудь производить для московского хозяйства. Я уже немало лет работаю в муниципальной системе. Входил тяжело и, по правде говоря, с неохотой. Всем нам, людям с закваской промышленников, городское хозяйство казалось чем-то второстепенным, мелкотравчатым, несолидным. Теперь я хорошо знаю эту сферу — в ней есть свое творчество, свои увлекательные сложности, уникальная техника. Так что я бы, скорее всего, создал фирму, которая разрабатывала бы и выпускала новую технику, в основном машиностроительную, — все же я по образованию инженер-механик и занимался точным машиностроением.

– *Вот я думаю, если вы в самом деле так увлечены, поглощены хозяйственными, производственными делами, стоит ли отвлекаться на так называемые политические игры? Нужно ли это мэру города, органично ли для него? Ведь дело доходило до того, что о вас говорили: Лужков ведет муниципальную внешнюю политику...*

— Знаешь, мне важно быть ясным перед самим собой. Я очень стараюсь и хочу, чтобы у меня это получалось. Давай рассудим. Я из-

бранный мэр большого города, в котором сложное хозяйство. Должен я заниматься хозяйством? Должен, и очень это люблю. Более того: я хотел бы заниматься исключительно хозяйством, все сто процентов своего времени и своих возможностей. Но!

Москва — это целая система. Система со своей политической, общественной, культурной жизнью. Город со своей позицией. И если мэр будет отрешиваться от обозначения этой позиции в вопросах государственного строительства, избегать проблем, так или иначе влияющих на положение Москвы и москвичей, обходить тему русскоязычного населения в бывших республиках Союза, бояться коснуться даже геополитических вопросов, которые волнуют его избирателей, — достоин ли он представлять собственный город? Конечно, во всем нужна мера, но уверен: если мэр столицы закопается, грубо говоря, в уборке мусора, он утратит доверие горожан.

Баланс найти непросто, работа мэра вообще трудна, но мне она нравится. Эта работа дает мне возможность реализоваться. Потерять ее мне, конечно же, не хочется, хотя в принципе остаться без должности не боюсь. Я не впаду в депрессию, не запью, я буду жить интересно и наполненно. У меня есть свой мир — семья, я создавал этот мир долго и старательно, гораздо дольше, чем Господь Бог — землю. Пони-

Михаил ЩЕРБАЧЕНКО

маю, что многие люди, окружающие меня сегодня и искательно заглядывающие в глаза, мигом исчезнут, растворятся, я им буду не нужен, они пойдут обхаживать моего преемника. Сожалеть не стану. Мне даже любопытно будет посмотреть, кто как себя поведет из моего теперешнего круга. Но я не буду одинок. Да я и не боюсь одиночества.

НЕ ВЕРИТЕ НАМ -
ПОВЕРЬТЕ
НОСТРАДАМУСУ!

*Глава о том, что
изменить отношение
к президенту — не значит
изменить Родине*

Смотрите, какая актуальная цитата о Лужкове: «От намерений стать президентом он будет отказываться до последнего, потому что стоит высунуться на федеральный уровень, как начнут бить со всех сторон. Однако может попасть в ситуацию, когда ему просто прикажут стать президентом те, кому уже не хватает доходных процентов от прокрутки бюджета Москвы».

Это не Доренко-99 и иже с ним. Это фрагмент статьи, опубликованной в «Российской газете», издании федерального правительства, пятью годами раньше — осенью 1994 года.

...Работа над очередным выпуском уже шла к концу, когда мне, работавшему в ту пору заместителем главного редактора «Российской газеты», позвонил коллега: «В номер ставят бомбу. Под Лужкова».

В дежурной комнате я прочитал гранки с повестью о том, как Лужков и его окружение готовят заговор. Цель — свержение действующего президента и воцарение Ю. М. на освободившемся престоле. Известные стране люди были названы зачинщиками переворота. Причем поражало то, что ни малейшего признака лужковской опалы в ту пору не было.

Мы с редактором номера гадали, что все это значит. То, что материал заказной, — видно слепому. У статьи не было подписи — значит, редакционная, отражает позицию издания. И пока не было заголовка.

За окном посыпались белые хлопья, такие же липкие и противные, как статья. И вскоре от главной редактрисы пришло название: «Падает снег». И ниже: «Упадут ли президент и правительство?» Наша редактриса, скорее всего, понимала, что назавтра проснется знаменитой, но то, что придуманный ею заголовок войдет в антологию отечественного доноса, наверняка не предполагала.

Бомба сработала, взрывная волна оказалась сильнейшей. «Российская газета» продолжала изобличать Лужкова, это дело в редакции вся-

чески поощрялось, ругать можно было за что ни попадя — все «с колес» шло в номер. Никаких возражений редактриса не принимала и имя заказчика акции держала в тайне даже от своих замов. Мы просчитывали разные варианты, но всякий раз «брали ниже»...

Летом 1999 года Александр Коржаков публично заявил, что пять лет назад организовал травлю Лужкова по прямому указанию президента Ельцина.

Знал ли мэр, кому обязан? Не стоит сомневаться. Но вел себя так, чтобы никто не догадался, что он догадался. Несколько лет подряд после травли, вполне сопоставимой с той, которой подвергся в свое время сам Ельцин, не было у главы государства более надежного соратника, чем московский градоначальник. Бесстрашно портя личные отношения с федеральными руководителями, посылая им громы и молнии, на самого президента Лужков не посягнул ни разу. Тут он был святее папы римского. Вел себя так, будто вовсе не Ельцин благославлял реформу по Гайдару и приватизацию по Чубайсу...

А Ельцина снова и снова кололи булавками, объясняя любой поступок Лужкова однозначно: лезет в президенты. Поддерживает ли мэр московских пограничников, несущих службу в таджикских горах, или северян, отвыкших от вида денег, но продолжающих собирать уникальный

подводный крейсер, восстанавливает ли больницу в Буденновске или строит жилье для севастопольских моряков — всему одно объяснение: ищет популярности, расширяет влияние, формирует электорат.

А если и этих аргументов мало, если кто не верит пророкам в своем отечестве, то вот вам предсказание Нострадамуса. Как нельзя кстати выплыл на свет один из его катренов (рифмованных стихов), где сказано, что конец России как великой державе будет положен при государственном деятеле почтенного возраста. Его политическая карьера начнется в 1990 году (а Лужков именно тогда стал председателем исполкома Моссовета). Этот человек ошибочно оценит ситуацию и в 2011 году развяжет тра-

гическую войну. В это время он будет консультироваться со своим 37-летним сыном (младшему Лужкову, Александру, будет примерно столько).

Смотрите, Борис Николаевич, все совпадает!

Б. Н. смотрел. И чем дальше, тем меньше скрывал неприязнь к московскому мэру. А потом и вовсе скрывать перестал. Лужков же неизменно демонстрировал в отношении президента почтение. Боялся возобновления травли? Или просто выжидал, повторяя себе: «Еще не время»?

Время наступило осенью 1998 года.

...Увешанный старинными портретами московских генерал-губернаторов Красный зал в мэрии на Тверской. Мэр дает телеинтервью компании Би-би-си. Говорит, что нездоровье президента очевидно, но вопрос о досрочных выборах Ельцин должен решить сам. Иначе — «надо терпеть». Именно это слово: «терпеть».

Присутствовавшие на том интервью сотрудники мэрии нервно переглянулись, взгляды сказали: рано. До выборов больше года. Слишком рано. И никто до конца не понял, по расчету ли Ю. М. пошел на разрыв с Ельциным или, что называется, с языка слетело. Это, кстати, феномен Лужкова — сказать нечто шокирующее, а вы потом думайте, что это — домашняя заготовка или чистой воды экспромт.

Что, к примеру, стояло за фразой, вызвавшей незадолго до выборов невообразимый шум и ставшей причиной — точнее, поводом — для очередного обстрела Лужкова? Самоличное увольнение Ельциным начальника московского ГУВД Николая Куликова было воспринято мэром как прямое нарушение конституции. Ю. М. подготовил правовые доказательства того, что президент должен был согласовать свое решение с руководством города, и созвал журналистов. Противостояние Кремля и столичной мэрии к тому моменту достигло пика, так что на пресс-конференции собралось три десятка телекамер и добрая сотня диктофонов.

Мэр пункт за пунктом излагал претензии к президенту. Внутренне он, конечно, был взвинчен, но за четкими юридическими формулировками этого было почти не заметно. Так же строго и уверенно Ю. М. ответил на вопросы. Пресса уже собралась отключать диктофоны и камеры, но тут Лужков решил подвести черту:

— Теперь нам абсолютно ясно, что для борьбы с руководством города могут быть использованы любые средства, вплоть до антиконституционных. Но пусть в Кремле тоже знают: мы готовы...

Пауза. Мертвая тишина. Быть беде. В голове стучит: «Ко всему! Скажите: готовы ко всему!»

— Готовы НА ВСЕ.

Кранты. Последствия ясны в тот же миг. Через четверть часа информационные агентства, через полтора часа телеканалы, на следующее утро газеты выдают сенсацию: Лужков перешел в атаку! Мэрия организует акции гражданского неповиновения, вероятно, будут созданы специальные отряды. К тому же в подчинении мэра есть боевые подразделения... Столицу ожидает коллапс!

«Ко всему» — «На все». Вся-то разница в предлоге, а какая дистанция: от готовности защищаться до угрозы нападения. До сих пор не знаю, умысел тут был или оговорка. Но Ю. М. посеял ветер — и пожал бурю.

В ходе предвыборной кампании недружественные столичному градоначальнику телеканалы смонтировали два видеозаписи. Первый: лето 96-го, Москва, переполненная Манежная площадь. На трибуне Лужков, срывающимся голосом он кричит в микрофон: «Ельцин — Россия — свобода! Ельцин — Россия — победа!» И встык — «Надо терпеть». И лед в глазах мэра.

Одни смотрели и думали: «Все-таки сдал Лужков „папу“». Другие сочли, что Ельцин своим поведением освободил Лужкова от необходимости выражать почтение. Но, быть может, все куда сложнее, и публичное дистанцирование от Б. Н. далось мэру даже труднее, чем многолетнее сдерживание себя от какой-либо персональной критики президента.

Вообще расставание этих двух сильных мужчин слегка отдает мистикой. Вообразите, что уже после разрыва, вплоть до окончания избирательной кампании, в кабинете Лужкова стояла фотография Ельцина. Снимок начала 90-х. Еще нет парикмахерской укладки волос, энергичное лицо, живые глаза. Ведь что-то же думал мэр, глядя на тогдашнего Б. Н.!

Меньше чем за год до выборов Лужков сказал: «Как верный соратник Ельцина, я хотел бы, чтобы его время как можно дольше не кончалось». Тогда некоторые поняли эту фразу буквально, а зря. Под «временем Ельцина»

мэр имел в виду, скорее всего, не срок президентского правления, отпущенный Б. Н., а куда более короткое время веры и надежды, время сладкого слова «свобода», время, которым упивалась страна начала 90-х. И, быть может, именно «тому» Ельцину хранил верность Ю. М. и в 91-м, и в 93-м, и на летних митингах 96-го. Время «того» Ельцина тикало в Лужкове.

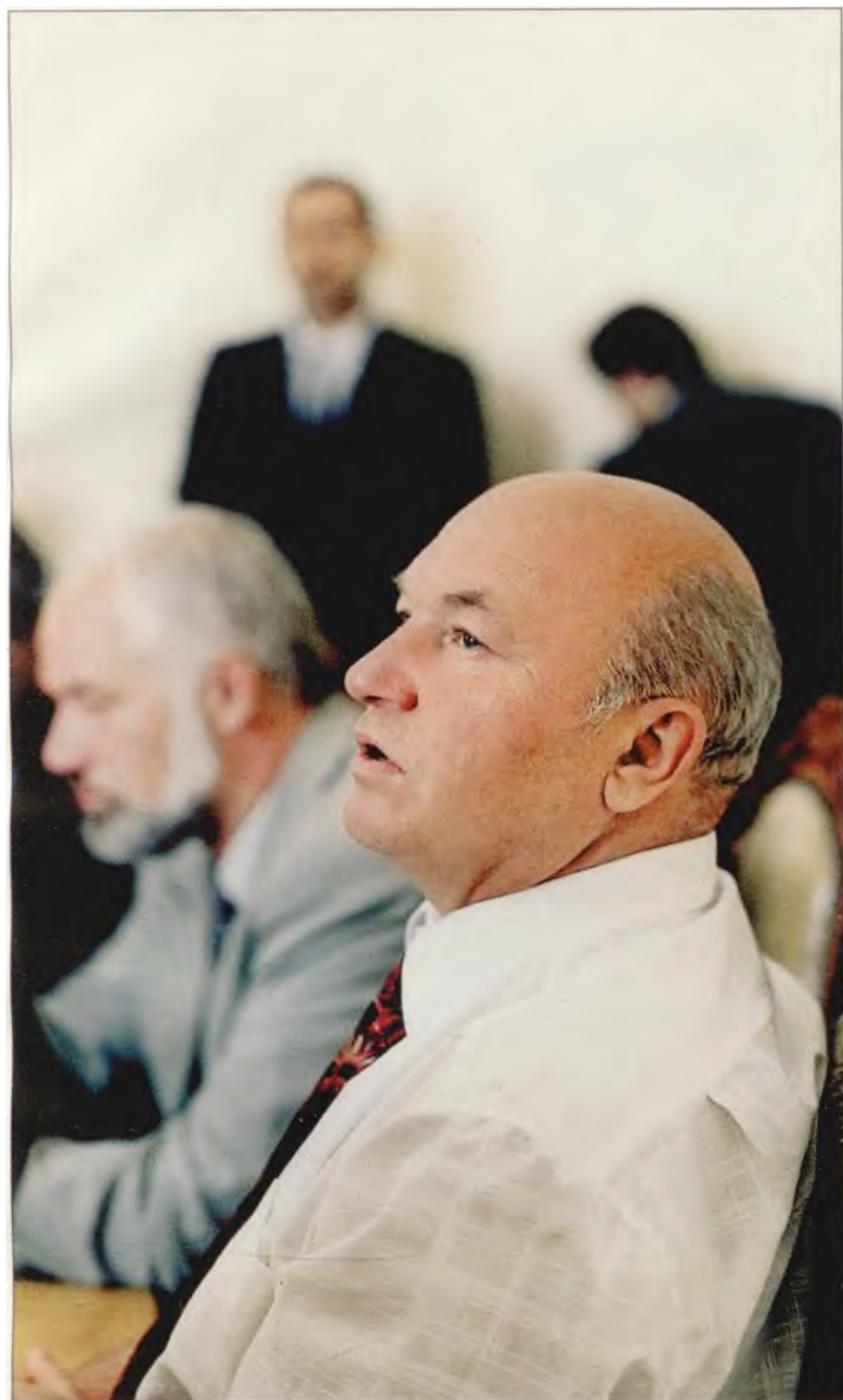
Но часы встали.

ВАМ СТОИТ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ

*Глава о том, как трудно,
почти невозможно
объяснить нежелание
стать президентом*

Есть один вопрос, который сегодня может показаться празддно-риторическим: хотел ли на самом деле московский мэр встать во главе страны? На самом же деле ответ важен, он даст ключ к пониманию того, как нужно воспринимать послевыборную судьбу Лужкова.

Если хотел — одно дело; значит, финиш избирательной кампании 99-го не мог не стать для него личной драмой, которую трудно пережить. Если не хотел, то ситуация, конечно же, иная. Тогда речь идет не более чем о неприятностях — конечно, не мелких, но вполне забы-

*Юрий Михалыч и Михайло Потапыч
всегда готовы побеседовать
о целебных свойствах меда.*

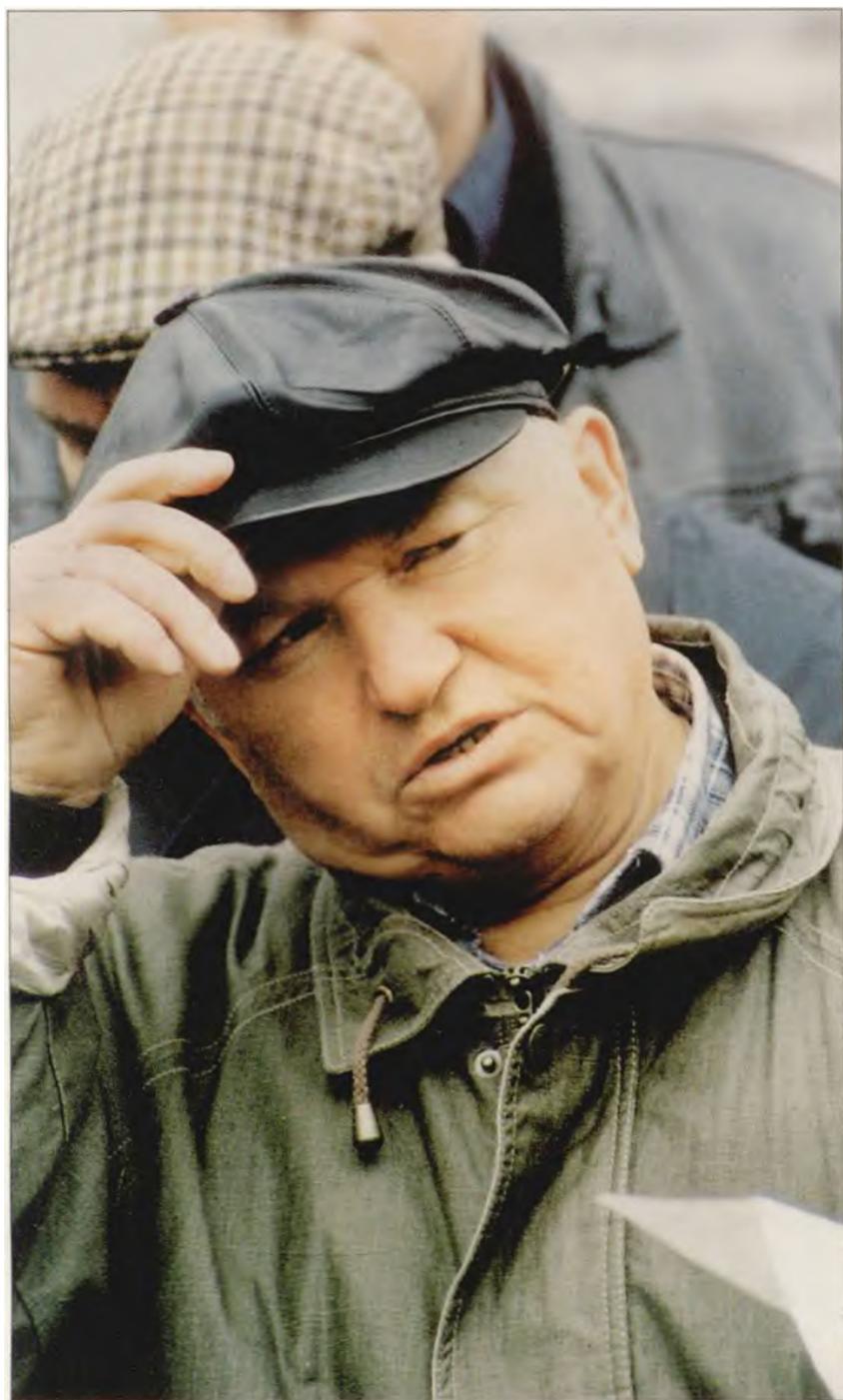
Различие же их в том, что на пасеке медведь — незваный гость, а Лужков — хозяин. Ну и, конечно, крепкий хозяйственник, что и подтверждают следующие страницы.

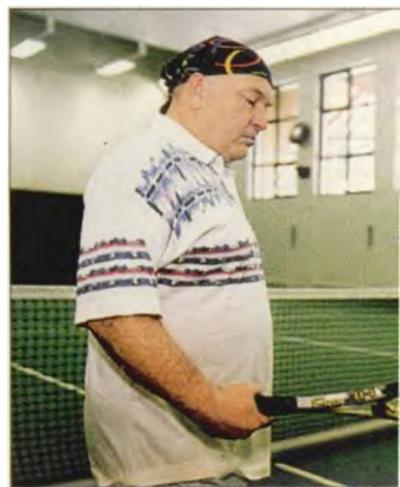

«Когда находишься среди нескончаемой пчелиной работы, то все постепенно встает на свои места. Нет, скажу по-другому: ощущаешь себя будто владельцем огромного богатства, которое не измеряется никакими рублями, словно тебе вручен ключ от сокровищницы самой жизни. И вот сидишь у входа — еще не вошел, но уже можешь ни о чем не тревожиться».

*Найдите
семь отличий.
Для тех, кто
не сможет, —
подсказка:
«Не шапка
красит
человека,
а человек
шапку».*

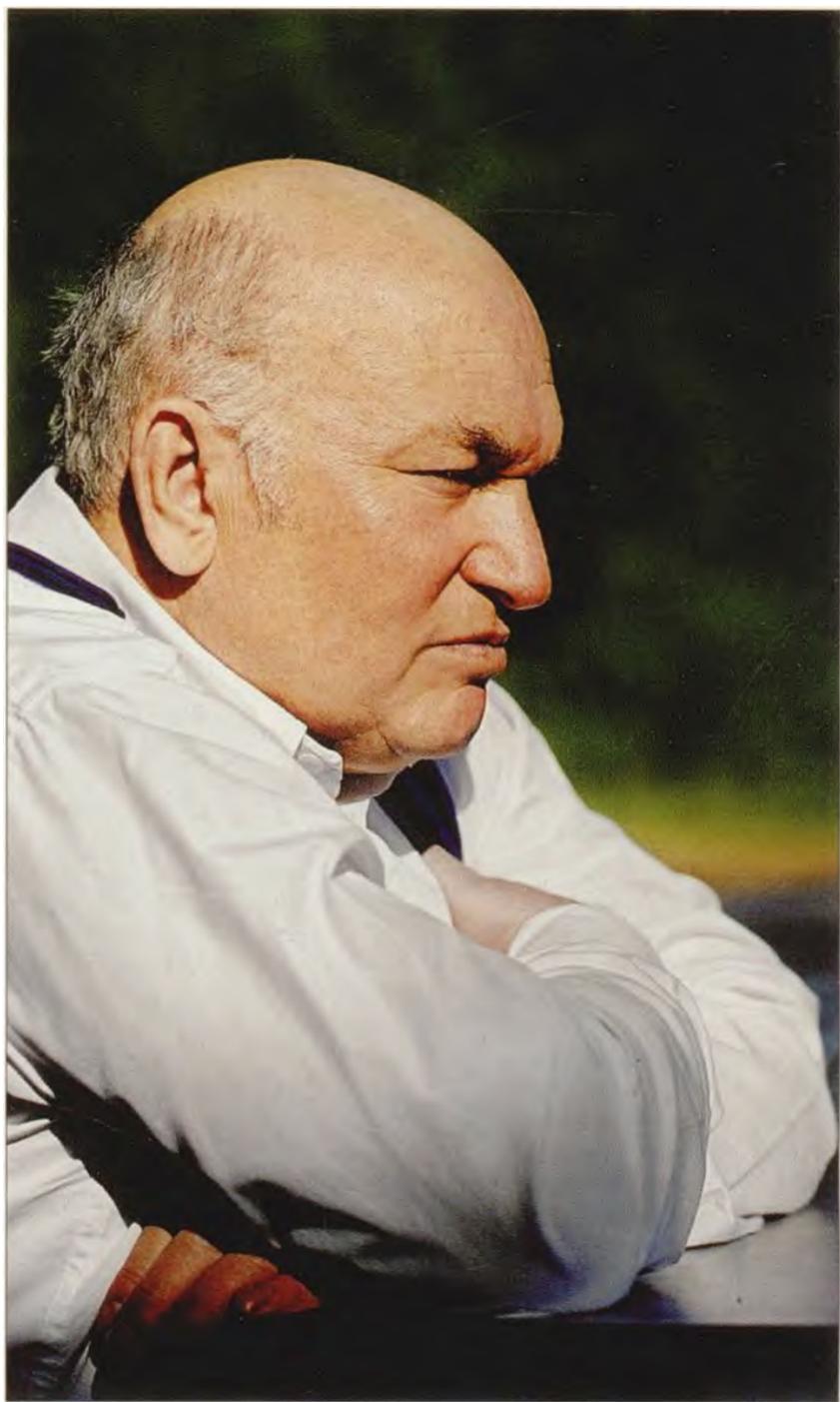

Догадайтесь с трех раз, о ком песня:

*«Ах, кепочка ты кепочка,
Фасончик — высший класс.
Носите, люди, кепочки,
Кто в кепках, тот за нас».*

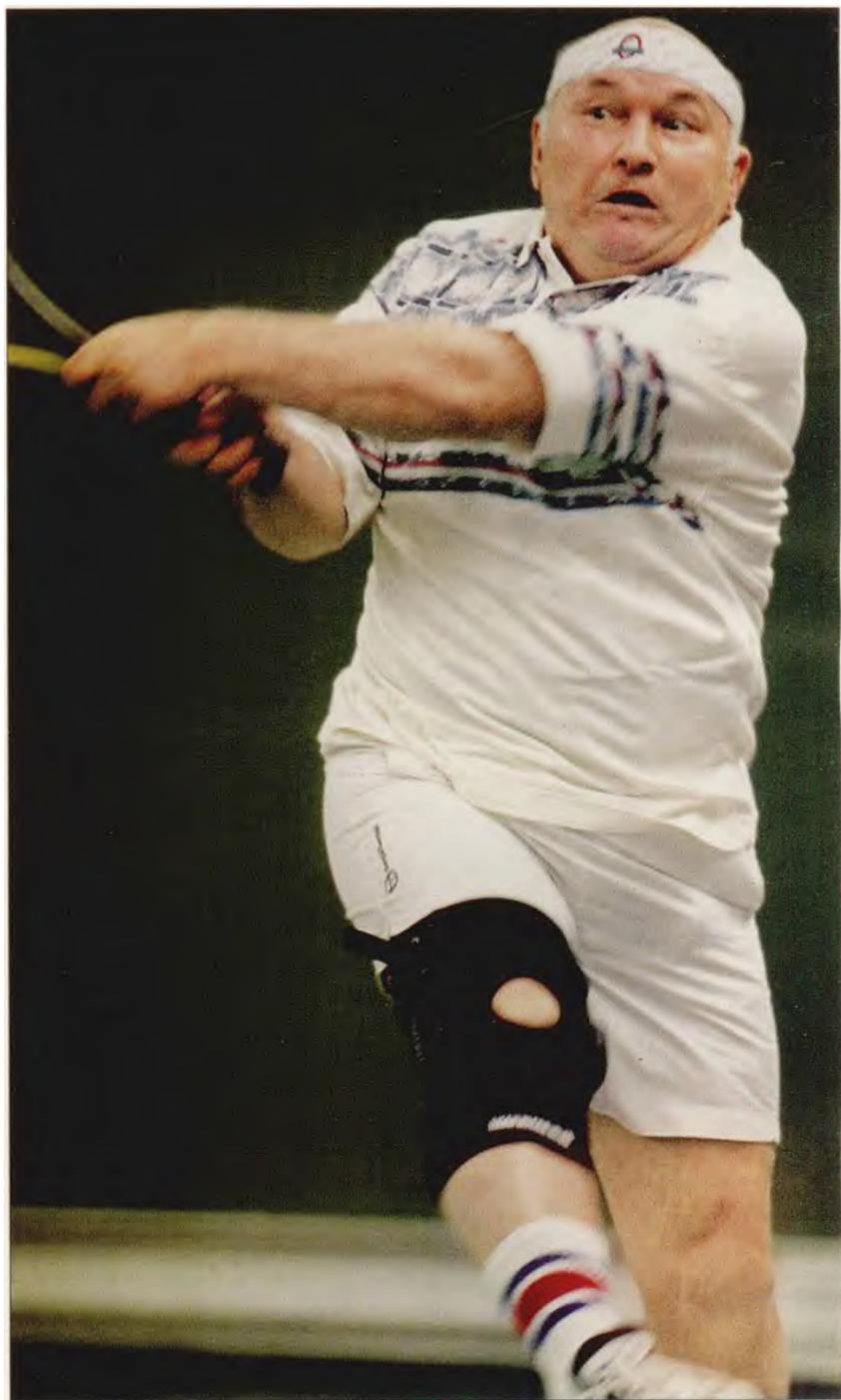

*Париж
стоит
мессы —
а Москва
разве нет ?*

ваемых, к тому же снивелированных красивой победой на выборах мэра Москвы.

Вероятен, впрочем, и вариант: «Хотел — не хотел». Открыто называя Ельцина фигурой трагической (чего сам Б. Н. наверняка о себе не думает), Лужков без труда мог вообразить себе такой кошмар верховной власти, как неуправляемая, не послушная твоей воле страна. С другой стороны, как говорят шахматисты, взялся — ходи. В какой-то момент мэру было бы очень трудно отказаться от выдвижения своей кандидатуры на президентство. Он считался едва ли не самым влиятельным членом Совета Федерации, он призвал под флаги своего «Отечества» сенаторов, со многими из которых до осени 99-го (то есть до образования прокремлевского «Единства» и последовавшего за этим массового отступничества соратников) его связывали прекрасные и продуктивные отношения. И вообще, многие, очень многие люди власти хотели, чтобы Ю. М. захотел.

...Дело было, точно помню, в субботу. В теплую сентябрьскую субботу 1998 года. По лужниковскому тренировочному полю гоняли мяч мужчины не первой молодости — футбольная команда правительства Москвы. Должно протрещал финальный свисток, и два десятка игроков, балагурия и хлопая друг друга по плечам и ладоням, потопали к раздевалке. А навстречу им двинулась не меньшая по численности,

но несравнимая по политическому весу группа граждан. Кого там только не было!

Вообще-то важные персоны регулярно отмечались в Лужниках после подобных матчей. Газеты даже писали, что именно в раздевалке отцы города, снявши трусы и бутсы, проводят секретные переговоры; намыливаясь под душем, обсуждают кадровые передвижки; просохнув и вкусив чайку с лимоном, подписывают указы и контракты. Гости из разряда сильных мира сего чаще являлись сюда по одному, редко парами. А тут вдруг утреннее солнце высветило радостные лица поистине ослепительного собрания.

Вельможные губернаторы, достойнейшие члены Совета Федерации, узнаваемые с полувзгляда депутаты Государственной думы, менее популярные, зато более влиятельные чиновники федерального правительства, владельцы капиталов, властители дум и, конечно же, вездесущие мастера культуры — все они, охваченные единым гражданским порывом, пришли приветствовать человека, идущего навстречу им в мокрой синей футболке. На его груди болтался на веревочке судейский свисток, и каждому было ясно: что он гостям свистнет, то они и сделают.

Объявивший пару дней назад о намерении создать общероссийское политическое движение (позднее названное «Отечеством»), этот

человек шел в раздевалку своей футбольной команды и на ходу пожимал руки уважаемым и приятным во всех отношениях людям. А те, мягко отпихивая друг друга, вползали следом за ним. Они, эти люди, — кто бы смел усомниться! — будут рядом, они обязательно помогут Юрию Михайловичу, авторитетному градоначальнику, видному политику, сильному человеку. Они помогут ему стать президентом нашей очень большой и, несмотря ни на что, далеко не последней в мире страны, а уж он верных слуг и сподвижников заботой не оставит.

«Иных уж нет, а те далече».

Хотел — не хотел... Должно быть, это совсем не просто — осознанно заявить, что видишь себя главным лицом государства. Ведь не может же у «заявителя» не возникнуть абсолютно естественный вопрос: а гожусь ли? Соизмерим ли — чего уж бояться громких слов — масштаб моей личности с масштабом задач, которые должен решать — и решать успешно! — руководитель государства? Или подхожу хотя бы потому, что другие подходят еще меньше?

Лужков — человек власти. Наказан он ею или поощрен — не будем гадать. Власть ему идет. И он, полагаю, убежден, что пользуется ею заслуженно. Ю. М., несомненно, знает себе цену. Значит?..

Но стоп. Мы сейчас пытаемся проникнуть в голову Лужкова, пробуем воспроизвести воз-

возможный ход его раздумий, это трудно, самонадеянно, да к тому же в нашем случае не очень-то важно.

Важнее то, что общественное мнение вынесло вердикт: «Хочет!»

Почему? А просто не может не хотеть! В Уставе Москвы, в Конституции России, а также в других важных и полезных сочинениях нет записи о том, что политик, приблизившийся к высшей государственной должности и имеющий абсолютно реальные шансы ее занять, может этого не захотеть. А поэтому никак невозможно, чтобы Лужков не желал стать президентом России. Он столько лет уверял всех, будто ему этого не надо, что намертво убедил в обратном.

— Начиная с середины 90-х мне без конца задавали вопрос, хочу ли я, готовлюсь ли в президенты. Объясняя, почему не хочу, я старался, чтобы мне поверили. Теперь безразлично, верят или нет, но я по-прежнему говорю: нет, не собирался. А доказывать ничего не буду, все аргументы «против» уже привел. Или почти все.

— Почти? Поройтесь в остатках, Юрий Михайлович, а я пока напомним, что вы отвечали журналистам: «Я еще не все сделал в Москве», «Надо спросить москвичей, согласны ли они отпустить Лужкова», «Чем я вам не нравлюсь

в мэрах?» Вот удачный, на мой взгляд, ответ: «Разве ТАМ хорошо?»

— Ну, это все ответы для прессы. А вот у меня в памяти остался разговор с Черномырдиным. Мы общались не то что простецки, но в общем-то без затей и хитростей. Ч. В. С. очень ревностно следил за моими планами и однажды напрямик спросил о том же, о чем спрашивали все кому не лень. О президентских планах. И я ему стал объяснять: «Ты можешь просто так пойти в театр? Просто так съездить за границу? Надеть джинсы и зайти в магазин? Выйти на сцену и устроить капустник? Нет. Тебе, премьеру, надо спросить разрешения. А я все это могу. Это моя свобода, она мне абсолютно необходима, и я ею очень дорожу».

Хочешь верь, хочешь нет, но я на самом деле не хотел быть президентом. Еще году в 95-м, когда рейтинг Ельцина стремительно катился вниз, жена спросила меня: «Ну что, собираешься?» — «Нет». Она облегченно вздохнула: «Даже не представляешь, какой камень ты у меня снял с души».

— А вот это очень интересно. И для многих, думаю, будет неожиданно. Не знаю, известно вам это или нет, но было устойчивое мнение, что именно Елена Николаевна убеждает вас вступить в борьбу за президентство. В общем-то ситуация типичная, мировая история знает тьму сюжетов о том, как любимая и любящая

женщина подталкивала мужчину на самый верх, давала ему уверенность и силу. Ваша супруга, как говорят, человек азартный и честолюбивый. А роль первой леди разве не притягательна?

— Лена вполне довольна ролью первой леди Москвы. И она точно так же, как я, дорожит свободой. Вообще у нас много общих принципов, совпадающих взглядов на жизнь, на устройство семьи. Мы вместе десять лет, и я уверен, что наш брак не случаен.

— *Известно, что вы укрываете свою личную жизнь от сторонних взглядов. И все же — расскажите, как возникли ваши отношения с супругой.*

— А никаких особых отношений не было.

— *Но роман-то был?*

— Какая же женитьба без романа. Но очень специфический роман, я бы сказал...

БЕРЕТЕ ВОЗРАСТ
МУЖЧИНЫ,
ДЕЛИТЕ ПОПОЛАМ...

*Глава о том,
как поддержка
кооперативного движения
может привести к сугубо
индивидуальному счастью*

Лена работала в институте развития Москвы, в группе, которую придали исполкому Моссовета, чтобы отрабатывать проблемы кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности. А я, в ту пору зампред исполкома, как раз получил поручение заняться этой темой. От нее отказывались все, бежали как от опасного участка. У нас вообще в Моссовете работа делилась на опасную и безопасную. Скажем, плодоовощной комплекс — этот участок считался не просто рискованным, а гибельным, там руководители дольше чем полгода не засиживались. Кооперативы по сте-

пени опасности приближались к базам. Это было абсолютно новое явление, которое вызвало неоднозначную реакцию в обществе. И к тем, кто курировал «индивидуалов», тоже относились сложно. Слишком шустро этим занимаешься — значит, имеешь свой интерес,..

— *Юрий Михайлович, побойтесь бога, это что, история любви?*

— Ладно. Итак, в приданной мне группе работали шесть человек, Елена Николаевна Батурина была среди них. Поскольку прежние обязанности зампреда мне не сократили, мы начинали прием кооператоров после десяти вечера, и часто это дело затягивалось до двух-трех ночи. Работа была интересная, но на износ.

Конечно, по ходу дела я увидел потенциал сотрудников. Должен сказать, Лена выделялась сообразительностью, нестандартным мышлением. Но, кроме чисто служебных, никаких отношений у нас не было.

Я кооперативами перестал заниматься в середине 88-го года, когда на меня навесили еще и продовольственный комплекс. Начальству, видимо, показалось, что я слишком рьяно двигаю дело вперед. Уже была создана первая тысяча кооперативов, они набирали силу. И было принято решение передать вопрос другому зампреду исполкома, поставив ему задачу угробить движение.

У Лены с новым начальником с ходу случился конфликт. Она попробовала предложить свою идею, в ответ услышала: «Ваше дело — молчать и подчиняться». *(Маленький штрих: этот человек и сейчас занимает в структуре правительства Москвы ответственный пост. — М. Щ.)* Лена тут же уволилась, и наши контакты, и прежде-то не очень частые, стали вообще эпизодическими. В том же году у меня умерла жена.

А позднее, когда я уже стал исполняющим обязанности председателя исполкома, решил снова начать раскрутку кооперативного направления. Пригласил сотрудничать нескольких человек из той группы. И разумеется, Лену. Вот тогда и произошло сближение, которое закончилось нашей свадьбой.

— *Предсвадебный период длился полгода, год?*

— Пожалуй, полгода. Но роман нельзя назвать скоротечным, мы ведь неплохо знали друг друга.

— *Сплетен вокруг ходило много?*

— Наверное. Только мне на это было наплевать.

— *Так-таки наплевать?*

— Абсолютно.

— *Насчет личной жизни вас чужое мнение не волнует?*

— Нет. Я привык поступать вне зависимости от того, как на это посмотрят. И ошибки

предпочитаю делать не чужие, а свои собственные. Совершая тот или иной поступок, я беру в расчет, насколько он порядочен, а не то, что скажет молва. Оценка порядочности для меня превыше всего.

Что же касается разговоров о жене, они меня совершенно не интересуют. Лена, мне кажется, ведет себя правильно, не лезет «в кадр», хотя нередко попадает под острое перо. Она не стремится подучить паблисити. И тем отличается от многих жен высокопоставленных чиновников, которые, например, вдруг начинают заниматься благотворительностью. Как только повысили мужа, тут же супруга обнару-

живает в себе чувство сострадания к детям или тягу к меценатству. У Лены этого нет. Хотя она уже давно финансирует детский дом. Но делает это скромно, без показухи.

– *Говорят, ваш старший сын, Михаил, не принял ваш новый брак.*

— Сначала да. Но он уже был абсолютно самостоятельным человеком, жил отдельно. Отношения наши, конечно, не порвались, хотя контакты стали нечастыми. В этой истории Лена вела себя сдержанно, достойно. Сейчас, по прошествии почти десяти лет, отношения у них с Михаилом ровные.

А вот младший сын, Александр, наоборот, очень подружился с Леной. Он, в отличие от старшего, жил в нашей семье, и поэтому для меня было куда важней, как они примут друг друга. Сейчас у него двое детей, моих внучат. Они часто у нас гостят, играют с нашими детьми.

– *За десять лет брака отношения доходили до грани развода?*

— Нет, такого не было, но напряженки, конечно, возникали. И маленькие, и не очень. Как в любой семье. Но я повторяю: у нас хорошая семья, крепкая. Несмотря на разницу в возрасте. Я ведь женился, когда соотношение наших возрастов было два к одному. Это даже не академическое соотношение. Знаешь академическое соотношение?

— *Нет.*

— Эх ты, темнота. Академическое соотношение, которое работает на протяжении всей жизни, таково: возраст мужчины нужно разделить на два и прибавить семь — это и будет идеальный для него возраст женщины,

— *Как золотое сечение в архитектуре?*

— Да, жизненное золотое сечение. Если мужчине 20 лет, то нужно разделить на два и прибавить семь — его спутница может быть семнадцатилетней. Если тебе 80, то вполне приемлемо 47. И эти соотношения очень и очень рациональны. Сейчас Лене 38, а мне 65. Когда мне будет 70, у нас будет как раз академическое соотношение. Хотя... когда речь идет о соединении сердец, все эти вычисления совершенно ни к чему.

— *Юрий Михайлович, вы после смерти жены какое-то время жили один...*

— Три года.

— *Ваше восприятие холостой жизни? Подходит она вам, не подходит?*

— Я больше, конечно, семейный человек. Хотя после смерти первой жены уже начал привыкать к другой жизни. Она не была такой уж одинокой — младший сын жил со мной, мама сразу же взяла на себя все заботы по хозяйству. И вроде притерпелся я к этой роли... вдовца. Нехорошее слово.

Нет, в качестве мужа я себя чувствую значительно лучше.

– *Давайте вспомним один эпизод. Лето 99-го. Незадолго до выборов Владимирское ФСБ устроило проверку фирмы, принадлежащей вашей супруге. Вы тогда чуть ли не с кулаками кинулись на защиту жены. Пресса сочла, что как муж вы достойны похвалы. А вот как публичный политик – прокололись. Не хватило выдержки. Ну подумаешь, поинтересовалось ФСБ...*

— Не просто поинтересовалось. Это было куда больше, чем интерес. И вообще, когда мы перестаем остро реагировать на несправедливость — теряем мужское достоинство. Если бы подобные действия были предприняты в отношении любого другого человека, моя реакция была бы точно такой же. Я агрессивно реагировал, когда Святослава Федорова хотели отлучить от клиники Святослава Федорова. Я агрессивно защищал Скуратова от произвола власти...

– *...А ради Кобзона, говорят, даже к Ельцину ходили.*

— Дело было в 1996 году. Ельцин пригласил меня, как только объявили результаты второго тура президентских выборов. Пригласил, заметить, первым среди членов «группы поддержки». Тогда выборы президента страны и мэра Москвы проходили одновременно, но я свою избирательную кампанию не вел, а ездил по стране и агитировал за Ельцина. И вот сразу после победы он мне говорит:

— Юрий Михайлович, назовите любую вашу просьбу, и я ее выполню. Любую.

— Борис Николаевич, — говорю я в ответ, — смените гнев на милость в отношении Кобзона. Он не ваш сторонник, но он вел себя честно.

— *Ничего себе просьбочка... Представляю, что подумал Ельцин. «Я этого Лужкова собираюсь милостями осыпать, а он мне своего Кобзона подсовывает. Не хочет быть мне обязанным?» Или еще версия: «Видно, заелся этот мэр, раз ничего ему не нужно от новоизбранного президента страны». И самый плохой вариант: «Я бы так не смог». Плохой для вас.*

— Все логично, но только у меня своя логика. Иосиф Кобзон — это личность, совершенно самостоятельная в своих оценках, в своей оценке Ельцина в том числе. Но доставать за это человека, унижать, лишать сцены — это было недостойно. Правда, от моей просьбы президента перекосило. Ельцин тоже ведь личность. Он мне сказал: «Я не ожидал услышать от вас такое желание. Но я сделаю все, чтобы оно было выполнено». И действительно, перестали доставать. Хотя в крупных официальных концертах Кобзона все равно не было.

— *Федоров, Скуратов, Кобзон... Что же, ваша жена просто человек в этом ряду?*

— Конечно, я не могу так сказать. Но в случае с Владимирским ФСБ я был абсолютно

уверен, что это провокация. И мне не нужно было прояснять какие-то моральные аспекты, как в случае со Скуратовым. Я точно знал, что защищаю невинного человека. И в конце концов это подтвердилось. Мы получили — вернее, Лена получила — официальные извинения генерального прокурора.

– *В вашей первой семье было трое мужчин, считая сыновей, и женщина. Во второй – три женщины, считая дочек, и мужчина.*

— Двое мужчин: я и пес.

– *Чем отличаются ваши ощущения в двух семьях?*

— Это две разные жизни.

– *Несравнимые?*

— Сравнимые лишь в том смысле, что и там, и здесь надо воспитывать детей. Но это две разные жизни. Я как бы живу второй раз. Хотя и первая моя семья была хорошая. Но совсем другая. Внешние условия другие. Вторую жизнь я не могу изолировать от своей нынешней работы. Прежде я тоже был быстро востребован, быстро стал руководителем, потом руководителем крупной фирмы. Мы всегда жили очень скромно, бесхитростно, но нам хватало. Жена работала, я работал, получал зарплату генерального директора, по сегодняшним меркам, впрочем, куда как скромную. У нас был свой садовый участок, шесть соток; уже будучи директором, я купил горбатого «За-

порожца», потом 13-ю модель «Жигулей», самую дешевую... Но ощущения были совсем другие. Не лучше, не хуже, просто — другие. Сейчас, конечно, обеспеченность иная, мы не бедные люди. Но дело не только и не столько в этом. Жизненные запросы остались такими же простыми. И это мне нравится.

– *Может быть, вам именно потому нравится простота, что есть совсем другие возможности?*

— Может быть. Раньше я мог себе позволить простые запросы исключительно потому, что не мог позволить ничего другого. А сейчас срывается привычка тех лет...

ПЕРВАЯ ЛЕДИ -
ЭТО ПРОСТО РАБОТА

*Глава о том, что для
жены мэра муж — не мэр,
а муж, который работает
мэром*

Давным-давно по киноэкранам страны шел французский фильм «Супружеская жизнь». Обычная история: встреча, роман, брак, разлад, развод. Две серии. Первая — сюжет глазами мужчины, вторая — глазами женщины. Успех у картины был бешеный.

В чем же, как говорится, ее «фишка»? В полной несхожести двух серий. Как будто зрителю показали две абсолютно разные истории про незнакомых людей. Общими были только лица героев, а во всем, что касалось их впечатлений, оценок, воспоминаний, — разночтения вплоть до полярных.

Вспомнился этот фильм к тому, что с той давней поры мне казалось крайне любопытным расспросить мужчину о его семье, а потом отдельно задать примерно те же вопросы супруге. Вы скажете: в тайной надежде обнаружить нестыковочку. Ну, не без этого, хотя смысл, конечно, в другом. Вспомним Жванецкого: «Я никогда не буду женщиной, а интересно, что они чувствуют».

С Еленой Николаевной Батуриной, супругой московского мэра, матерью двух их дочерей, главой промышленно-строительной фирмы «Интеко», я встретился для интервью уже после того, как услышал «лав стори» от главы семейства. Лужков тогда сказал: «Очень специфическим был наш роман». В самом деле? Супруга подтвердила: «Абсолютно». Уже потом, слушая диктофонную запись, я понял, что это ее любимое слово. А разговор начался с того, как Елена Николаевна познакомилась с будущим мужем.

— Это было начало 87-го года. Совсем молодыми девчонками мы пришли работать в исполком Моссовета, в только что созданную группу по проблемам кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности.

Мне тогда было двадцать четыре, только что закончила институт, получила младшего научного сотрудника. Так вот, сидим мы как-то, кофе пьем, и меня спрашивают: «С кем вы

будете работать?» — «С Лужковым» — «Господи, он же зверь».

Потом, уже когда мы работали вместе, я все старалась понять, откуда такая молва. Он же на нас ни разу голоса не повысил, грубого слова не сказал. И поняла. Лужков пришел в исполком из абсолютно реальной сферы, из отраслевого министерства, где занимался новой техникой. Его привычным, естественным желанием было получить конкретный ответ на конкретный вопрос. Однако требовательность, которая в той же химической промышленности была абсолютно необходима, исполкомовскими работниками воспринималась с большим удивлением. Понятное дело, Лужков устраивал разносы, он до сих пор хорошо умеет это делать. Вот откуда возникла «зверская» репутация.

Первый раз я его увидела в громадной комнате на шестом этаже, это была даже не комната, а зал для совещаний, нас всех туда посадили, и там мы принимали кооператоров. Была суббота, около десяти утра, все как штык сидели на местах. И вошел человек в шляпе.

— *В шляпе? Не в кепке?*

— Нет, он тогда шляпу носил. Как я его восприняла? Как начальника. Он всю жизнь был начальником, и это наложило на него отпечаток. Например, он запросто мог сказать: «Лена, сделай чайку» — и с каким-нибудь другим начальником его выпить, а нам, девчонкам, даже

не предложить. Так что грань между начальником и подчиненным Лужков не переступал никогда. Но это не акцентировалось, было чем-то естественным, а потому и не обидным для нас.

Он всегда умел слушать собеседника. Представляете, что такое первый зампред Мосгорисполкома в 1987 году? Громадная фигура! Так вот я, младший научный сотрудник, запросто могла ему сказать: «Юрий Михайлович, мне кажется, вы не правы, надо сделать вот так». И при этом была уверена, что он к моему мнению прислушается.

Я вообще не перестаю удивляться очень сильному качеству Лужкова: он обучаем. Колоссальная ведь редкость, когда человек в солидном возрасте и при таком наборе регалий абсолютно открыт для новых знаний

– *Было ли предчувствие, что вас с этим человеком жизнь свяжет?*

— Знаете, в то время женщины были увлечены служебной карьерой. Все мы точно знали: для того, чтобы хорошо жить, нужно не замуж выйти поскорей, как считают сегодняшние девушки, а успешно закончить школу, потом институт, устроиться на перспективную работу и двигаться вверх. Так что мужа я себе не искала. Занималась наукой, готовила кандидатскую. Работа в комиссии мне безумно нравилась, она занимала все мое

время, мы с утра до поздней ночи крутились в исполкоме...

И в то же время если не с первой встречи, то уже со второго месяца нашего знакомства с Лужковым я точно знала, что буду женой этого человека. Хотя ничего, ну буквально ничего на это не указывало. И я могла в себе эти мысли давить, топтать, но все равно — смотрю на него и понимаю, что буду его женой. При этом никаких особых чувств к нему в то время не испытывала, просто понимала, что это сильный человек, сильный руководитель, что с ним можно чего-то серьезного достичь.

— *Но вы хотели стать его женой?*

— Да нет же! Просто знала, что стану.

— *Как вы считаете, Юрий Михайлович сразу положил на вас глаз?*

— Нет. Почти уверена, что он и в мыслях ничего не держал, между нами было чисто человеческое расположение, не больше. В то время Лужков был женат, а он человек абсолютно цельный, это и тогда прочитывалось, а теперь я знаю наверняка. Так вот, если бы его супруга не скончалась, наши отношения вообще были бы исключены. Абсолютно.

— *Мэр считает, что ваш брак не случаен. А вы?*

— Наверное, не случаен. Друзья говорят, что мы даже внешне похожи. Во всяком случае, вместе мы смотримся органично.

— Легко ли вы перешли от подчиненности к равенству?

— А я вообще с людьми общаюсь на равных. Так было с детства. У меня даже в школе возникали проблемы — никак не могла понять, почему учитель обязательно умнее ученика. И теперь мои дети тоже этого не понимают.

— Каким был ваш служебный роман?

— У нас его не было. Когда была общая служба, не было романа, а когда начался роман, уже не было службы.

Мы обошлись без длительных ухаживаний, отношения развивались легко. Довольно скоро я переехала жить к Лужкову, а месяца через три — это был 91-й год — мы расписались. Бытовых притирок не потребовалось; спасибо маме Юрия Михайловича, она всегда держала на себе дом и сумела внушить сыну, что в семье главная — женщина. Решение семейных проблем лежит на ней, поэтому приоритет всегда за женой. Лужков, собственно, и не возражал.

— Устраивали вы мужу разные радости? Как насчет вкусного обеда?

— Какие проблемы? Готовлю я прекрасно, с детства это дело люблю; если бы не пошла в бизнес, стала бы кухаркой. А вообще Лужкову, скажем прямо, жилось неплохо. Он занимался любимым делом, жил с любимой женщиной. Он мог делать то, что хочет. Для него это очень

важно. И для меня, кстати, тоже. Кто-то способен выполнять только то, что можно, а я — только то, что хочу. Лишь в этом случае я делаю это хорошо. Тут мы с мужем совпадаем.

— *Когда вы поженились, ваш возраст не создавал проблем общения? Ведь друзья Лужкова — все же люди другой генерации.*

— Никакого беспокойства это никому не доставляло. Друзья Лужкова его по-настоящему любят, поэтому любая ситуация, в которой ему комфортно, ими одобрялась априори. Да и я не была для них человеком другой формации. Моложе — да. Но я родилась и выросла при той же системе, что и они. Была пионеркой, комсомолкой, к началу перестройки подошла сформировавшимся человеком. Вероятно, я представитель последней генерации, которая достаточно крепкими нитями связана с прошлым. И более молодым поколениям трудно нас понять.

— *Как сложились ваши отношения с сыновьями Лужкова?*

— Младший сын жил с нами, ему тогда было семнадцать лет. У нас до сих пор очень хорошие отношения, мы почти как брат с сестрой. Я Саше за многое благодарна, ведь он вообще-то мог испортить мне жизнь, если бы встал в позу. Ну, а с Михаилом все сложнее, он был старше меня... впрочем, почему «был», он и остался старше. Причем сложно ему было не

только со мной, но и с отцом. Но все прошло, теперь ездит в гости.

– *Давайте поговорим о вашем жилище. Как вы ведете дом?*

— Его, скорее, ведет моя мама, она там бывает чаще и дольше.

– *А какие у вас стилевые предпочтения? На что ваш дом сориентирован – на респектабельность, на восприятие гостями, на собственный вкус?*

— Я старалась создать дом, который уютен мне. Маленькие комнаты не люблю, предпочитаю большое пространство. Стил — скорее классика, чем модерн или хай-тек. Обязательное отсутствие, так сказать, стерильности. У нас всегда есть вещи не на месте, это, по-моему, создает ощущение жилого — точнее, жилого — дома. А еще люблю, чтобы в спальне кровать не убиралась и в любой момент можно было в нее плюхнуться!

– *Муж все это отдал вам на откуп?*

— Да, он домашним дизайном не занимается. Юрий Михайлович вообще равнодушен к вещам. Ценит в них только ощущение комфорта.

– *Где он одевается?*

— Костюмы мы ему шьем, поскольку фигура у Лужкова нестандартная — очень широкие плечи. Галстуки ему покупаю я, и это занятие мне очень нравится.

Как вы проводите вечера?

— Тихо и мирно. Лужков возвращается домой, когда дети уже спят. Ужинает. Потом садится разбирать служебные бумаги и одновременно смотрит свой футбол. Я уже давно изучила все европейские команды, всех игроков знаю.

– ***Слышал я такую байку: Лужков смотрит матч «Лидс» — «Челси»; входите вы: «За наших болеешь?»***

— Было такое.

– ***С вашей мамой Юрий Михайлович ладит?***

— Еще как! Они и против меня объединяются.

– ***Хотели бы вы еще детей завести?***

— Да с удовольствием! Девчонку, мальчишку — все равно. Хотя девочек я уже знаю, как воспитывать. А с мальчиком... Когда второй раз ходила беременная, думала: вдруг мальчик, что с ним делать?

– ***А вы не знали пол ребенка?***

— Это было до того, как узнала.

– ***Стоило ли узнавать? Такую красивую тайну люди у себя отняли, жаль...***

— А мне не жаль. Интересно же знать, кого вынашиваешь. А когда узнаешь, начинаешь к плоду относиться как-то... персонифицированно, что ли. Даже толчки изнутри иначе воспринимаешь.

– ***Какие они, дети Лужкова и Батуриной? Нравится им быть дочерьми мэра?***

— На них, несчастных, это только накладывает дополнительные обязанности. Им постоянно долбят, что по жизни им дано больше, а значит, они должны лучше всех учиться, свободно говорить по-английски, играть на пианино, заниматься спортом, должны уметь принять гостей, развлечь их, быть всегда доброжелательными и прочее, и прочее. Детям живется очень непросто, мне их жаль, и чем старше они становятся, тем сильнее в них желание жить, как все дети, без постоянной опеки, без охраны.

А родителями они гордятся. И особенно гордятся тем, что Лужкова любят москвичи. Это дочерям очень важно. Если они слышат о папе что-то хорошее, тут же сообщают.

— *Где они учатся?*

— В моей гимназии.

— *В вашей?*

— Да, не так давно я открыла гимназию. Знаете, почему? Потому что поняла, что не смогу найти идеального, в моем понимании, учебного заведения для своих детей. И даже не по уровню преподавания, а по атмосфере, по системе отношений. Раньше, когда я чувствовала, что с какими-то предметами у девочек возникают проблемы, обращалась к учителям. И вскоре замечала, что оценки по этим предметам ползут вверх. Нормально? Только мне эти «приписки» даром не нужны.

Приходилось водить детей в другие школы, устраивать им тестирование, чтобы понять истинное положение дел. Так было не раз. И я подумала: ну что я дергаюсь сама, дергаю дочерей, уж лучше открыть свою гимназию, где я, по крайней мере, добьюсь того, что мне кажется правильным.

Открыла Классическую гимназию без каких-либо профилирующих предметов. Но тут вот что важно: при гимназии есть хороший спортивный комплекс и музыкальная школа. И я заметила, что дети здорово заиграли на фортепьяно. Постоянно подходят к инструменту, что-то подбирают. Одного рояля в доме стало мало, стали занимать очередь. Пришлось каждой купить по синтезатору. В чем причина? А в том, что прежде девочки музицировали дома с репетитором, а теперь занимаются в школе. Совсем другое отношение.

— *А что это за детский дом, который вы финансируете?*

— Это несколько детских домов, не только в Москве. Абсолютно приватная программа. Мы просто созваниваемся, уточняем, что им необходимо, и отправляем. Детям я всегда говорю: ну-ка, ополовиньте свой запас игрушек, ребятам из детдома тоже нужно. Отдают с удовольствием.

— *Приучаете ли вы детей к каким-либо традициям, обрядам?*

— В ночь на Крещение, например, вся семья идет к роднику — умыться. Со свечками, с бенгальскими огнями. Даже собака с нами идет. Этой нашей традиции много лет, она никогда не нарушается. Такой, если угодно, элемент веры.

— *Как я понимаю, вы человек верующий, следующий православным канонам?*

— *Я*, конечно, верующая: верю в то, что у каждого человека существует некое поле, и мы своими действиями — исключительно своими! — направляем его либо в одну, либо в другую сторону. Но я не принимаю условностей, которые были заложены в православие две тысячи лет назад и до сих пор многими воспринимаются не как условности, а как реалии. Упрощенно говоря, в бога с бородой, стоящего на облаке, я не верю.

— *Вам для веры нужна церковь?*

— Нет. И я не считаю, что православие — единственно «правильная» религия. Нельзя так думать, тем более в нашей стране. В своей гимназии хочу ввести курс истории религий. С акцентом на то, что все существующие в мире вероисповедания на самом деле говорят об одном и том же. В них заложены родственные принципы, только обряды и вековые традиции сделали их внешне различными. Сейчас договариваюсь со священниками — православным, мусульманским, иудейским, — чтобы такой курс подготовить и провести.

— Елена Николаевна, что для вас означает титул «первая леди Москвы»? Серьезно ли вы к нему относитесь?

— Первая леди — это просто работа. Если твой муж занимает соответствующую должность, ты обязана эту работу выполнять, независимо от того, нравится тебе это или нет, хочешь или не хочешь. Часто бывает так, что у меня куча проблем, мне совсем не весело, но я сворачиваю совещание, отправляю всех из кабинета, переодеваюсь и еду на прием, где нужно быть в соответствующем настроении и наряде, улыбаться, раскланиваться, любезничать... Играть вполне определенную роль и выглядеть абсолютно искренней. Если воспринимать это как насилие над собой любимой — наверное, светские обязанности могут портить кровь, а если относиться к ним просто как к работе — тогда все нормально.

— Кто из известных первых леди вам по складу ближе?

— Наверное, Черри Блэр, которая по популярности у англичан сравнялась с принцессой Дианой, и Хиллари Клинтон. Обе были состоявшимися людьми еще до того, как их мужья пошли в политику. Та же Хиллари зарабатывала гораздо больше Билла. И вдруг из-за того, что мужья решили удовлетворить свои амбиции, их жены ставят на своей профессии крест

и начинают заниматься абсолютно новым, несвойственным им делом.

— *Тут важна одна деталь: муж решил или жена подтолкнула?*

— Это верно. Зачастую женщины толкают мужей наверх, чтобы реализовать собственные амбиции.

— *Были разговоры, что и вы подталкивали Юрия Михайловича в сторону президентства.*

— А зачем это мне? И ему зачем? Он абсолютно реализованный человек. Вообще есть одна вещь, которая недоступна моему пониманию. Допустим, вы не знаете, что такое политика, большая власть, каково быть первым лицом государства. Просто мечтаете воссесть на троне и думаете, что вам всю жизнь будут под ноги бросать цветы. Это еще объяснимо. Но вот тех, кто знает подноготную власти и тем не менее рвется в нее, цепляется за нее, — их я никогда не смогу понять. Думаю, что нормальный человек, который только постоял рядом с властью, войти в нее не захочет уже никогда.

И потом, любой, кто ползет вверх по лестнице, знает свой предел. И не может не понимать, что встать на следующую ступень у него нет никаких прав.

— *Это когда сравниваешь себя с гроссмейстерами власти. А люди чаще рассуждают по принципу: если даже этому можно, мне-то почему нельзя?*

— Пожалуй. Каждая кухарка может управлять государством... Оказалось, не может. Для этого требуются профессиональные публичные политики.

– *У вас нет планов таковым стать?*

— Ни в малейшей степени. Я вообще не рвусь на публику, мне это не нужно. Я же не лукавлю, когда говорю: мне все равно, что обо мне думают. Вовсе не потому, что пренебрегаю мнением других людей. Просто абсолютно все, что мне нужно, я точно знаю — о себе, о своем муже, о своих детях. Знаю, что обо мне думают действительно близкие мне люди. Мнение других для меня — не основное. Их мнение — это их проблема. Не моя.

– *Вы с мужем вместе отдыхаете, любите лошадей, играете в теннис, катаетесь на горных лыжах, на пасаку, наверное, вместе ходите...*

— Ходим, только я мед не люблю. Признаю лишь дальневосточный липовый, для меня его специально привозят.

– *...То есть вы по всем статьям идеальная семья. Скажите, это не трудно?*

— Это работа. И моя, и мужа. Я вообще считаю, что самое главное в жизни человека — семья. Если человеку так повезло, что он создал семью, с обоюдного согласия ее членов должна идти постоянная работа. Чтобы семья развивалась. Чтобы, не дай Бог, не распалась.

Именно эта работа для меня главная. Для Лужкова, может быть, и нет, а для меня точно главная. А работать должны оба, один человек ничего не сможет сделать.

Когда мы начали вместе ездить в отпуск, возникла новая ситуация. В Москве оба заняты, общаемся только вечерами. А тут вдруг дней по десять вообще не расстаемся. Оказалось, что это уже совершенно другие, неизвестные прежде отношения. Начались трения. До скандалов, правда, не доходило, у нас вообще никогда не было скандалов. Но напряжение возникло. Тогда мы сели друг против друга, разобрали ситуацию и признались, что каждый из нас не прав. И понемногу все наладилось. Короче, общению с собственным супругом нужно учиться, учиться и учиться.

— *Вы всегда ездите отдыхать большой компанией — с детьми, с друзьями. Не утомительно?*

— По-другому не получается. Но мне абсолютно все равно, сколько народу нас окружает, я от него не устаю. И если мне нужно — мы среди толпы моментально окажемся вдвоем.

— *Когда «бьют» Юрия Михайловича, до вас толчки доходят?*

— Конечно.

— *Может, лучше оставлять работу за крыльцом дома?*

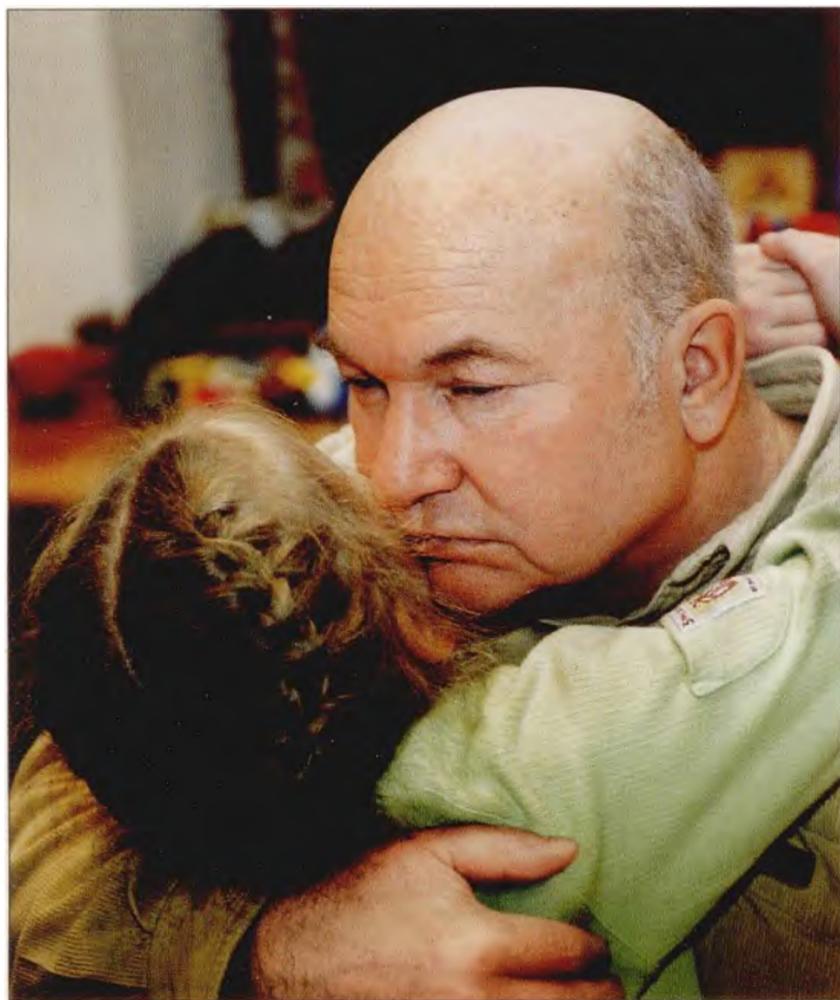

*Любимая формула Лужкова гласит:
«Сначала нужно выбрать цель,
затем — траекторию движения к цели
и, наконец, скорость движения по траектории».*

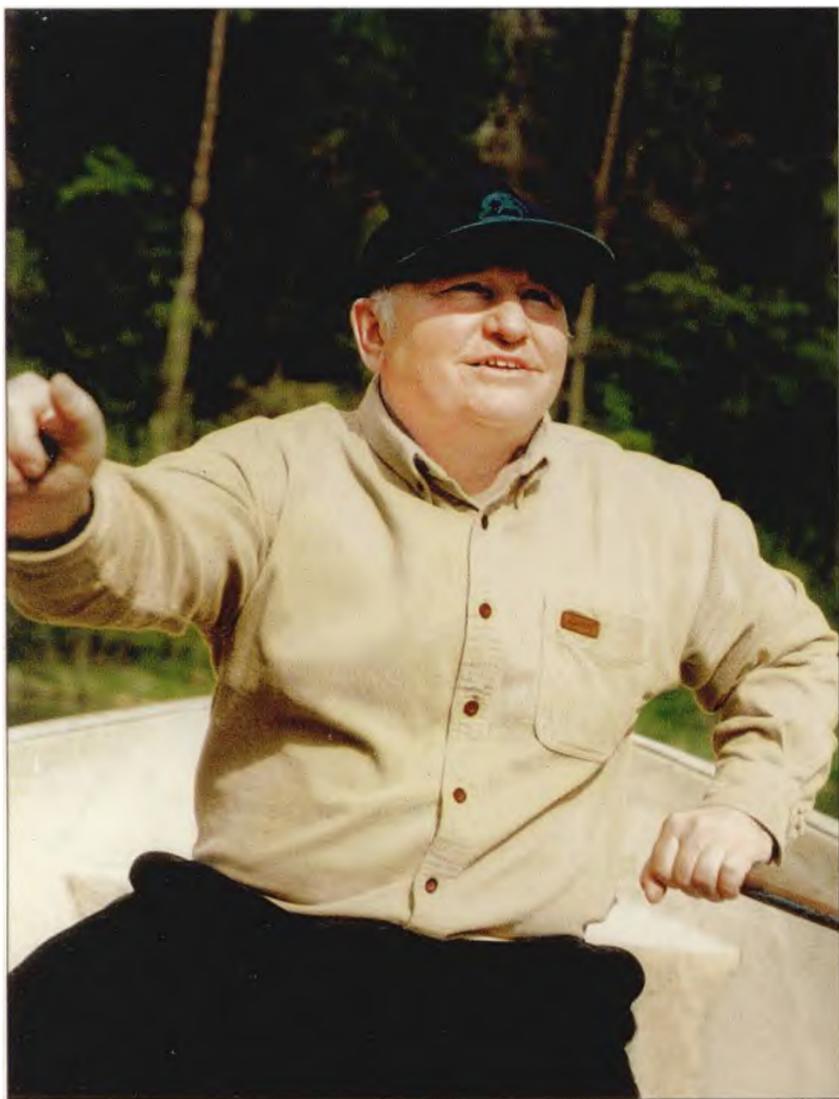

*«Своей работой я очень дорожу,
хотя в принципе остаться без должности не боюсь.
Я не впаду в депрессию, не запью,
буду жить интересно и наполненно.
У меня есть свой мир — семья,
я создавал этот мир долго и старательно,
гораздо дольше, чем Господь Бог — землю».*

*«Для человека естественно переключаться.
Для мэра города это не только нормально, но и неизбежно.
В течение дня у меня не меньше двух десятков переключений —
с проблемы на проблему, с одного состояния на другое.
На таких качелях я живу уже много лет.
Можно считать это не вполне нормальным,
но такова моя работа, да и вся моя жизнь».*

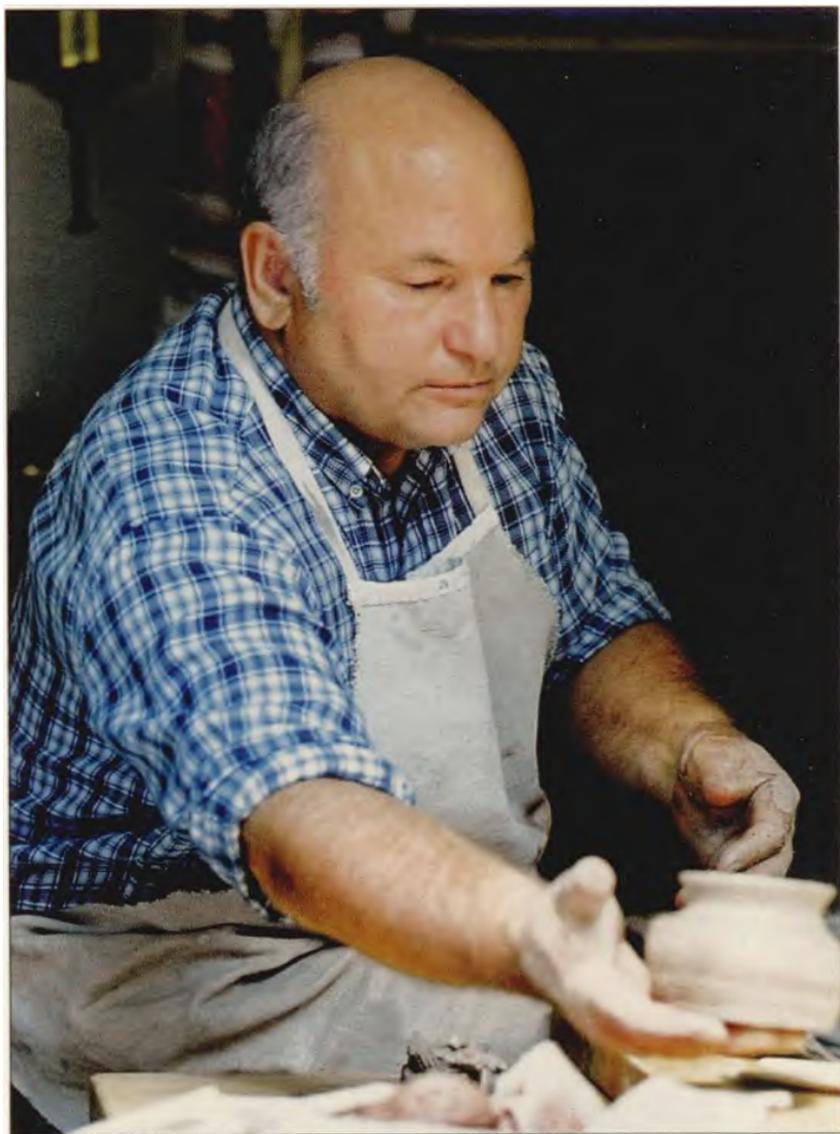

*«Я привык поступать вне зависимости от того,
как на это посмотрят.
И ошибки предпочитаю делать не чужие, а свои собственные.
Мне важно быть ясным перед самим собой.
Я очень стараюсь и хочу, чтобы у меня это получалось».*

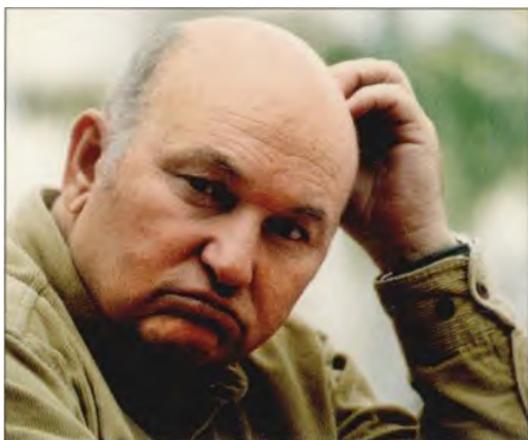

*«Если сделал работу быстро, но плохо,
забудут, что быстро, запомнят, что плохо.
Если медленно, но хорошо, —
все скажут: он сделал хорошо».*

*Он может сказать своим избирателям:
я тот, кому вы доверили город
и, значит, в каком-то смысле самих себя.
Я тот, кого вы уже давно и неплохо знаете.
От того, что обо мне говорят,
я не стал ни лучше, ни хуже.*

Коллизия с памятником Петру Первому была для Лужкова втройне неприятна, поскольку ни один из крупнейших московских проектов последнего времени не вызывал такого противодействия.

Когда страна выбрала Владимира Путина президентом, мало кто верил, что у них с Лужковым сложатся именно те отношения, которые в идеале и должны связывать первое лицо государства с мэром столицы. Давил груз прошлых подозрений, непросто шло сближение, немало влиятельных лиц пытались столкнуть президента с градоначальником. Но прошло три с половиной года — и кто теперь возьмется утверждать, что взаимное уважение, которое оба демонстрируют, не является подлинным?

*Лужков не способен жить без будущего.
Кем видит он себя пусть и в неблизкой, но все же неизбежной
перспективе? Президентом инвестиционной компании
или финансово-промышленной группы?
Основателем и главой «Фонда Лужкова»?
Руководителем машиностроительной фирмы?
Ясно одно: сегодня и завтра он видит себя мэром. Только мэром.*

— Нет, тогда это уже не семья. В нормальной семье все проблемы несут домой, по-другому невозможно. И я все несу в семью.

А потом, у нас неплохое информационное обеспечение, до дома все и так доходит. Если что-то не скажет муж, скажет пресса. Какая разница? Так что лучше уж я узнаю от него. Единственное, чего мы в семье стараемся не делать, — не заикливаться на этих проблемах. Знаете, от чего страдают наши олигархи и политики? От переизбытка информации. Они начинают каждый чих анализировать.

— Когда муж перестанет быть мэром, а рано или поздно это ведь произойдет, — что для вас изменится?

— По сути — ничего. Нет, серьезно. Конечно, отношение каких-то людей ко мне изменится. Наверное, изменится и ход моего бизнеса. Работа жены мэра просто отпадет. Что еще? Внутри меня перемен не будет точно. В семье — тоже, потому что наша семья построена не на том, что муж — мэр. Муж — это муж, просто он работает мэром, и это обстоятельство так или иначе отражается на семье.

— То, что от вас «отломится» значительная часть вашего окружения, допускаете?

— Вполне. Но это не будет драмой. Потому что даже сегодня очень близкие нам люди все равно немного дистанцированы. Семья для нас — это святое.

Михаил ЩЕРБАЧЕНКО

— *А вы можете вообразить ситуацию, когда ваша семья начнет трещать по швам?*

— Никогда не говори «никогда», так? Наверное, все может произойти. В нашем мире сплошь обманы, оклеветать могут любого. Но, с другой стороны... Ну, начнут мне что-то нашептывать про Лужкова. Если я допущу, что это возможно, — значит, я его не знаю. А у такого, каким я его знаю, — это невозможно.

— *А можно вообще знать другого человека?*

— Можно. Думаю, что достаточно хорошо разбираюсь в людях. Лужков говорит, что у меня на них звериное чутье.

— *Были случаи, когда вы предостерегали мэра от ошибок?*

— Много раз. Но он не всегда следует моим рекомендациям. Хотя потом говорит: «Знаешь, а ты была права». Но есть те, кто учатся на чужих ошибках, а есть те, кто на своих.

— *А вы на каких учитесь?*

— А я стараюсь их не совершать. Абсолютно.

ЛЕТЕЛИ КАМНИ В КАМЕННОГО ГОСТЯ

*Глава о том, что на вкус
и цвет товарищей нет,
а вот противников —
уйма*

Взирая на памятник Петру I, горожане все реже вспоминают, что им довелось стать свидетелями, а кое-кому и участниками уникальной коллизии. История с монументом сама сделалась памятником новейшей московской истории. Приученные к политическим, финансовым и криминальным скандалам, мы даже не подозревали, какие страсти могут разгореться вокруг скульптуры царя. Оглянемся в недавнее прошлое, отыщем там год 97-й, и вы увидите, как энергично развивалось действие, как изящно закручивалась интрига, каким, наконец, остроумным оказался финал.

Начало. Группа молодежи проводит один за другим пикеты — сначала у монтируемого на пьедестале Петра, затем у монумента того же автора, Зураба Церетели, на Тишинской площади. Не лишены остроумия акции (с поеданием в первом случае исписанной бумаги, а во втором — длинных «французских» батонов) разбиваются о малочисленность исполнителей и вялость игры. Однако обилие телевизионных и газетных репортажей создает иллюзию народного волнения.

Спустя месяц на сцене появляется владелец художественной галереи Марат Гельман. Поддержанный никому не известными Либеральным союзом «Молодежная солидарность» и Независимым профсоюзом студентов, он объявляет об организации референдума на предмет демонтажа зурабовских памятников.

После встречи с Лужковым группа Гельмана временно отказывается от проведения всеобщего голосования, требующего, по расчетам, 12 миллионов долларов, взамен формируется независимая общественная комиссия из представителей власти, прессы, инициативной группы и просто уважаемых и умных людей. Итого с помощью социологов и предстоит выяснить мнение горожан о дальнейшей судьбе монументов Церетели.

Бронзовый Петр получает неожиданную косвенную поддержку. Сперва из Питера доно-

сятся намеки, что памятник совсем неплохо смотрелся бы посреди балтийских просторов. А следом на имя московского мэра приходит письмо от директора английской компании «Крюгер сэйлс лимитед». В письме дипломатично сказано, что поскольку новая статуя причиняет некоторые неудобства правительству Москвы, англичанин готов переправить ее в Дептфорд, «один из наиболее бедных и бесправных районов Лондона, где Петр Великий изучал искусство судостроения».

Новое заступничество (теперь уже в абсолютно прямой форме) предпринимают организаторы митинга в защиту монумента и автора: Международная федерация художников, Комитет по празднованию 300-летия Российского флота, Гильдия киноактеров. На их митинге памятник наречен великолепным, Гельман с пролеткультовской прямоотой поименован троцкистом, а вся его акция — диверсией против свободного творчества.

Еще одно плечо подставлено там, где можно было ждать подножки. Группа авангардистов, ведомая художником Олегом Куликом (чье самое известное творенье — концептуальное перевоплощение в бешеного пса, сопровождаемое гавканьем и натуральным кусанием прохожих), публично заявляет, что общегородской референдум по эстетическим вопросам недопустим. «Никому не проходит в голову требовать

от населения разбираться в квантовой физике, молекулярной биологии или генной инженерии», — сказано в манифесте.

Тем временем на заседаниях независимой комиссии разговор уходит все дальше от дилеммы «сносить — оставить». 100 миллиардов рублей стоил монтаж монумента, почти во столько же влетит демонтаж. Бухнуть астрономическую сумму на то, чтобы вернуться — буквально! — на пустое место? Ясно, что никто на это не пойдет. Гонители Церетели, не желая поступаться принципами, все чаще заводят речь о выходе из комиссии, сами проводят опросы населения... Но дело явно вянет.

Внезапный поворот сюжета. На подмосковной станции Тайнинская взрывом разрушен десятиметровый памятник Николаю II работы Вячеслава Клыкова. Сперва автор пробивал его установку на Боровицкой площади, аккурат против Кремля, но, встретив полный афронт, переместил скульптуру в Подмоскovie. Акцию гордо приписывает себе тайная Рабоче-крестьянская Красная Армия (политический окрас и смысл поступка понятны).

После этого Марат Гельман публично отказывается от идеи сноса памятника Петру: «Проблему нельзя поднимать до тех пор, пока в стране не перестанут взрывать монументы из политических побуждений». Вполне благородный жест, выгодный еще и потому, что факт

подрыва Николая позволил гонителям Петра выйти из игры не потеряв лица.

Проходит несколько дней, и новая инициативная группа приносит в Мосгоризбирком заявку на проведение еще одного референдума — на предмет сноса памятника маршалу Жукову перед Историческим музеем. Бредовая затея еще и дурно пахнет: памятник этот, прозванный «Всадником без ног», изготовлен Вячеславом Клыковым. «История один раз совершается в виде трагедии, другой раз — в виде фарса», — цитирует Маркса Гельман, не скрывая, однако, удовлетворения от того, что его референдумные забавы нашли отклик в народных сердцах.

Независимая комиссия под председательством Юрия Сенкевича голосует на предмет сноса. Из 17 «заседателей» 13 против демонтажа.

Умирает президент Академии художеств России, и академики дружно возлагают его обязанности на Зураба Церетели. Занавес.

Скульптор, конечно, в этой истории хлебнул лиха. В какой-то момент, оглушенный канонадой, он потерял ориентацию в пространстве. «А что, — восклицал Петра творитель, — мэры Лондона, Парижа и Токио тоже друзья Церетели, если поставили у себя мои работы? Или, может быть, я им взятки давал?!»

А дружеский круг стал редеть. Некоторые из тех, от кого ждали поддержки, перестали хаживать

вать в большой дом на Малой Грузинской, где живет и работает скульптор. Дружбу с ним тусовка от искусства не поощряла. С другой стороны, желавшие оказать ему услугу иной раз отмачивали такое, что и враг не додумается. Чего стоят хотя бы листовки, открывающие народу глаза: «Церетели, проводника высоких патриотических идей, травят по заказу НАТО — с целью ослабления России!»

Сам ваятель, отдадим ему должное, до свары не опускался, хотя самолюбие его страдало сильно. Церетели старался выглядеть бодрым и даже раздумывал, что лучше — сделать собственную статую и демонстративно выставить ее перед домом на палочное избиение или учредить приз за самую оскорбительную статью о себе.

А что Лужков? Как он реагировал на все происходящее? После встречи с группой Гельмана мэр заявил, что мнение москвичей для него важнее личных симпатий к скульптору. Но когда эту фразу поспешно истолковали как «сдачу» Церетели, тут же последовало категорическое, хотя и чересчур витиеватое опровержение Ю. М.: «Недопустимость перемены отношения к людям по конъюнктурным соображениям для меня вещь основополагающая».

Едва Гельман отказался от идеи референдума, Лужков демонстративно сообщил, что столичная казна профинансирует социологические

исследования об отношении москвичей к памятнику Петру и возведению в городе монументальной скульптуры в целом; результаты будут обнародованы. Тем самым дал понять, что отнюдь не давление оппонентов подвигло его выяснить мнение горожан.

А когда вскоре решали, как поступить на реконструируемой Манежной площади — воссоздать некогда стоявшую там часовню Александра Невского в ее исконном кирпичном обликии, сделать ее же, но из специального стекла, как предложил Церетели, или ограничиться памятным знаком, — мэр распорядился провести опрос москвичей (хотя ранее мало кто сомневался, что с ходу пройдет вариант Церетели).

Ситуация с Петром была для Лужкова вдвойне, втройне неприятной, поскольку ни один из крупнейших архитектурно-строительных проектов последнего времени, будь то Поклонная гора, храм Христа Спасителя или Манежная площадь, не вызывали такого противодействия. Причем случилось все это именно Тогда, когда Лужков находился на пике популярности. Только-только он достиг рекордной, вошедшей в книгу Гиннеса 90-процентной победы на выборах мэра 1996 года. Москва носила его на руках. И вдруг — такой «звонок».

Конечно, наивно сомневаться в том, что вокруг Петра шла большая политическая игра,

в которой не Церетели, а Лужкову была отведена участь мишени. В акцию были вложены крупные суммы, и это проявилось даже в мелочах. К примеру, когда в ту пору новый (а ныне уже почивший в бозе) журнал «Столица» приложил к каждому своему экземпляру по два плакатика-наклейки: «Долой царя!» и «Вас здесь не стояло!» и призвал читателей расклеивать их в присутственных местах, любознательные люди тут же помножили себестоимость наклеек на тираж издания — и цифра скакнула чуть ли не к полумиллиону долларов.

Но козни кознями, а само неприятие монумента было бескорыстной «инициативой снизу» (не забыт еще сей дивный термин?), волной народного недовольства, поднявшейся до пятого этажа красного дома на Тверской, где и располагается кабинет градоначальника. Не то чтобы всем без исключения горожанам не понравился Петр, но многим, очень многим. А больше всех он не понравился московской интеллигенции.

И вот уже пошла волна: Лужкову мало быть крепким хозяйственником, он возомнил себя полновластным хозяином Москвы. Понаставил по городу жутких каменных гостей, на градостроительных советах рубит все проекты, где нет шпилей, башенок и колонн. А хитрован Церетели просек, что Лужков кайфует от «развесистой клюквы», и выпросил карт-бланш на

украшение Белокаменной. Да что вы хотите от нашего мэра, подводили черту «представители творческих профессий», если у него любимый художник — Шилов, любимый певец — Кобзон, а любимый композитор — Газманов!

Вообще, вкусовые ориентиры Лужкова — одна из популярных тем кулуарного трепа. Долгое время мне казалось нелогичным, что на вопрос о любимом поэте мэр отвечает: Пушкин и Есенин, любимый композитор у него — Чайковский, любимое блюдо — пшенная каша с молоком. Очень похоже на известный тест: вам предлагают назвать а) великого русского поэта, б) домашнюю птицу и в) часть лица, и вы моментально выстреливаете: Пушкин, курица, нос. Нет, по-житейски все это нормально, но вот с точки зрения имиджа политика — уж слишком простовато. Если в пшенной каше еще есть некий прикол, то касательно остального можно напроситься на подозрение: может, Юрий Михайлович никого, кроме вышепоименованных «великих русских», и не знает...

Неужели Лужков этих вещей не улавливает, думал я. Пока не понял: а он их просто не берет в расчет. Его предпочтения вообще лежат в другой плоскости.

НЕ ПОМИНАЙТЕ ВСУЕ ТРИ ВОЛОСА В СУПЕ

*Глава о том, какие
эффектные сцены можно
сыграть в зале заседаний
правительства*

Однажды мэр открывал молочную фабрику в Митино. Как водится, прибыл со свитой, сказал речь, обошел цеха и под конец осмотрел выставленную на лотках продукцию фабрики — кефиры, йогурты и прочие глазированные сырки. «Вы, Юрий Михайлович, простоквашу нашу попробуйте», — пропела продавщица в белом чепце и протянула ложку Лужкову. Тот вкусил и поинтересовался насчет приготовления простокваши. Выслушав подробный отчет, решительно сказал:

— Я делаю не так.

И начал рассказывать, как он, мэр Москвы,

у себя дома делает простоквашу. Рассказ завершился словами: «И получается исключительно вкусно».

Ошалеть... То есть все вроде бы по-человечески понятно и даже симпатично: такой большой босс, командует Москвой, а дома, понимаешь ли, делает простоквашу. Не ясно только одно: неужели мэр Москвы не нашел занятия... позначительнее, что ли?

Возникло подозрение, со временем перешедшее в уверенность: мир, в котором живет мэр в свободное от работы время, нетипичен. В нем привычные «культурные ценности» отходят на второй план, пропуская вперед иные увлечения — к примеру, возню с его любимыми пчелами или изобретение роторно-турбинного двигателя, проект которого был показан на выставке в Брюсселе (где Лужкова, как вы понимаете, никто хвалить не обязан) и оценен спецами весьма высоко.

Лужкову, похоже, неведомы слова «мне это уже поздно». Решил, что мэру Москвы неудобно не знать английский, — и выучил. Во всяком случае, в достаточных пределах, чтобы не растеряться за границей или пообщаться тет-а-тет с англоязычным бизнесменом, не понимающим ни слова по-русски. Захотел играть в теннис и кататься на горных лыжах — и натренировался, доведя навык до той черты, когда пропадает боязнь осрамиться на людях и ког-

да сам получаешь удовольствие от того, что делаешь на корте или на снежном склоне.

У него совсем не сухая, не невкусная жизнь...

Удостоверившись в полезности своих увлечений, мэр предлагает их городу. Выставки-продажи меда — следствие убежденности в его целебных свойствах. Горожане были в восторге, мед тоннами сметали с прилавков. Запускаемая программа создания горнолыжных спусков в столице — результат увлеченности этим видом спорта. Примеры можно множить. Лужков как бы говорит жителям: я попробовал, это здорово, попробуйте и вы. Он старается из ча-

стного опыта вырастить и реализовать цельную, обоснованную программу.

Принято считать, что Ю. М. — сугубый практик и его бог — конечный результат, будь то уложенный «в тумбочку» городской бюджет или ровный бетон кольцевой автотрассы, квадратные метры жилья или выплаченные в срок надбавки к пенсиям. Результат. Что тому предшествовало — дело десятое.

Это не вполне верно. Лужкова увлекает и сам процесс. Работающие с ним люди, разбудив их среди ночи, без запинки повторят любимую формулу мэра: сначала нужно выбрать цель, затем — траекторию движения к цели и, наконец, скорость движения по траектории.

Жизненные теории и законы Лужкова, о которых, собственно, и идет речь в этом очерке, покоятся на прочных опорах. Иначе бы не выстояли. Но они «сделаны» из гибкого, эластичного материала, поэтому не превратились в догмы.

Свою динамичную жизнь Ю. М' подчинил порядку. Но это не тот порядок, когда ты один в нем ориентируешься, а все кругом видят только бардак. Порядок для Лужкова — это образ мысли и образ действия.

Волевой человек, который наводит порядок в самом себе, не захочет терпеть хаос вокруг себя.

Позвольте, однако, поделиться одним наблюдением: у людей, строго следующих системе, часто появляется черта, которую вообще-то можно назвать по-разному. Представьте, что на праздный вопрос: «Как дела?» — человек останавливается, берет спрашивающего за пиджачную пуговицу и начинает на полном серьезе, с подробностями рассказывать, как его дела. Одни скажут: это основательность. Или дотошность, тщательность, педантизм, ответственность, добросовестность, обстоятельность, скрупулезность. Другие возразят: занудство.

Нельзя сказать, что мэр лишен этого то ли плюса, то ли минуса. Как-то его спросили:

«Если бы вы работали на телевидении, какую программу хотели бы вести?» «Научно-популярную, — с ходу ответил Лужков и пояснил: — Мне кажется, я умею говорить просто о сложном». Действительно, умеет. И любит. Но плюс оборачивался жирным минусом, когда он, к примеру, начинал объяснять, что Доренко на него клеветает, а в действительности дело обстоит так-то и так-то. В эту минуту хотелось завопить: опомнитесь! Все ваши многословные аргументы и факты не стоят одной лихой фразы. Такой, чтобы наотмашь. Вы же это можете, вы ведь любите такие эффекты.

Эффекты Лужков действительно любит — и наблюдать, и особенно производить. Его пьянит свет рамп, и он нравится себе в этом свете. Не только в переносном, но и в прямом смысле: Ю. М. обожает сцену.

Появление в парике и чтение монолога на юбилее Хазанова и исполнение шлягера про зайцев на юбилее Никулина видели не только посетители Театра эстрады и Цирка на Цветном бульваре, но и вся страна — по телевизору. Отзывы были разные, от спорно-похвального: «Надо же, ну ничего мужик не стесняется» до бесспорно-ехидного: «А что, если человек через раз попадает в нужную ноту — это смешно?»

Вы скажете: все это пустяки и мелочи, не по таким вещам судят о работе мэра. О рабо-

те — да, но вот самого человека, тем паче человека публичного, оценивают во всех деталях. Причем иногда деталь способна исказить суть. И не говорите мне, что коронованные особы тоже играли в любительских спектаклях, — в классике описано, как они репетировали до седьмого пота, а натаскивали их знаменитые актеры. Зато потом зрители говорили: «Смотри-ка, королева, а играет не хуже мадам Жужу».

У каждого своя сцена, и лучше всего срывать аплодисменты там, где ты их наиболее достоин. Для Лужкова одно из таких мест — зал заседаний московского правительства, где Ю. М. исполняет главную и лучшую роль своей жизни — роль мэра Москвы.

...Идет заседание. Правительство слушает доклад об экономике строительства. Лужков мрачен, явно недоволен. Несколько раз перебивает докладчика. Затем, уже в ходе прений, снова вызывает чиновника к микрофону, достает его все новыми вопросами. Сидящие в зале видят: быть беде. Допрашиваемый нервничает, начинает путаться, мэр же нагнетает напряжение: «Нет, вы нам дайте ясный ответ. Цифры, которые вы здесь называете, это, по-вашему, много или мало? Я хочу знать, сколько денег господа строители собираются забрать у города. Так много или мало, я вас спрашиваю».

И загнанный в угол ответчик, уже простившись мысленно с должностью и сопровождающими ее привилегиями и потому «сняв ногу с тормоза», отвечает:

— Что значит — много или мало? Это как посмотреть. Три волоса в супе — это много. А вот на голове...

Язык прикушен на полуслове, ужас в глазах чиновника. Как говорил, кажется, Талейран, «это больше, чем преступление. Это ошибка».

Тишина в зале. Лужков молчит и наверняка понимает, что нужен подобающий ответ. И все

это понимают. И мэр понимает, что все понимают и ждут. Но он уже все придумал и теперь держит паузу. Чем больше артист, тем больше у него пауза, — это мы помним.

— Три волоса, говорите, — медленно начинает Ю. М. — А покажите мне, где вы видите эти три волоса, на чьей голове.

Поворот направо — там рядом с мэром сидит напряженный Владимир Ресин; поворот налево — там готовый расхохотаться Валерий Шанцев; в смысле шевелюр оба под стать Лужкову.

— Так вот что я вам скажу, — изрекает мэр. — У нас нет даже трех волосин, мы абсолютно лысые! А знаете, почему? Потому что все, что только можно, у нас отобрали вы, строители!

Стены правительственного зала не слышали такого хохота.

НЕ ЗАЛАМЫВАЯ РУК,
НЕ ВЗЫВАЯ
К НЕБЕСАМ

*Глава о том, можно ли
помогать людям, не думая,
что они — твои
избиратели*

Сентябрь 99-го, московский район Печатники, следующий день после взрыва жилого дома. В военной палатке напротив еще дымящихся руин мэр проводит оперативку. Спор идет о том, что именно нужно строить на месте взорванного и подлежащего полному демонтажу здания. Лужкову очень хочется поставить здесь четыре жилые башни - это наиболее выгодно и по объему вводимой жилплощади, и по градостроительным параметрам, и по деньгам. Мэру важен и моральный аспект: пусть на месте трагедии появится классная застройка.

Но вариант никак не проходит: стоящий рядом дом № 17 мешает обеспечить нужный уровень инсоляции. Об этом здании в первый день после взрыва специалисты сказали, что за него можно не опасаться: конструкции не пострадали и даже лифты ходят. Уже утром следующего дня данные изменились: лифты, оказалось, не ходят, а в панелях обнаружены трещины. Так что делать: оставить дом или разобрать? И как вести новое строительство? Лужков перебирает варианты, проектировщики еле успевают чертить. Известие о серьезных «травмах», нанесенных зданию, может открыть желаемую перспективу: снос дома снимает все препятствия для строительства четырех башен. Но, с другой стороны, разрушать постройку, которую можно сохранить, расточительно.

Мэр слушает спецов, запрашивает поэтажные планы 17-го дома (фыркнув на попытавшихся дать пояснения строителей: «Что я, по-вашему, чертежи разучился читать?»), потом долго пишет цифры и, наконец, потребовав фонарь (дело к ночи), отправляется в подъезд, матом отгоняя желающих идти вместе с ним.

А во дворе бушует народ, взвинченный за два безумных дня. Если с оставшимися в живых жильцами взорванного дома № 19 все уже ясно, им приготовлены квартиры, то люди из 17-го дома нервно ждут решения своей участи. В черном подъезде мелькнул луч фонаря, вы-

ходит Лужков, толпа мигом обступает его с криками: «Ну что? Ну как?» Мэр залезает на высокий капот грузовика, отталкивает протянутый мегафон и в миг наступившей тишине объявляет решение: дом для жизни непригоден, его снесут, а жильцам предоставят квартиры. Овация.

Это же чистейший популизм, скажет иной читатель. Вполне верю, что рассказ очевидца

может произвести такое впечатление. Еще бы: блуждание по черному подъезду, речь на грузовике, похожем на ленинский броневик и ельцинский танк одновременно, — чем не зарабатывание очков у избирателей? До выборов-99, напомним, оставалось три месяца.

Но вот когда кто-то из обрадованной публики крикнул: «Наши голоса — за вас!» — Лужков скривился и зло отмахнулся. «Неужели вы держите меня за политическую дешевку?» — мог бы он спросить в этот миг. Но жест был сильнее слов.

Тут же в Интернете появилась заметка: еще не похоронили погибших, еще льются слезы, а московский мэр уже объявил о вступлении в избирательную кампанию. «Стыдно, Юрий Михайлович. Бессовестно, бесчеловечно. Дайте похоронить и оплакать наших погибших».

Сильно сказано. Причем сказано человеку, чуть ли не круглосуточно находившемуся у гигантской братской могилы.

– Юрий Михайлович, вы, скорее всего, не зафиксировали в памяти один эпизод, который, на мой взгляд, нуждается в осмыслении. Взрыв жилого дома в Печатниках. Вы по три раза на дня ездили на место трагедии, решали всевозможные оперативные вопросы. На третий, кажется, день задержались там за полночь. А наутро начинался ежегодный футбольный турнир на Кубок мэра, и команда правительства Моск-

вы в девять часов должна была играть с командой Федерации независимых профсоюзов России.

Многие думали, что вы отмените матч. И не потому, что в эти дни были перегружены сверх меры, — понятно, что футбол как раз снимает напряжение. Дело в другом: трудно было поставить рядом трагедию Печатников и такое в общем-то беспечальное занятие, как любительский футбол.

Вы прибыли к началу игры, и матч состоялся. А потом вы снова поехали на место взрыва.

Поймите правильно, я не считаю этот эпизод достойным ни восхищения (вот, дескать, какое самообладание), ни осуждения (до какого же бессердечия может дойти человек). Просто хочу понять: такой стык событий для вас нормален, естествен? Вы не ощущаете тут противоречия?

— Ни малейшего. И хотя ты стараешься избежать оценок, но легкий мотив осуждения тем не менее чувствуется, — без него эта тема просто не возникла бы. Так вот, в том, что я отвечаю, не будет даже намека на оправдание. Даже намека.

Для человека естественно переключаться. Для мэра города это не только нормально, но и неизбежно. В течение дня у меня не меньше двух десятков переключений — с проблемы на проблему, с одного состояния на другое. На таких качелях я живу уже много лет. Можешь

считать это не вполне нормальным, но такова моя работа, да и вся моя жизнь.

Я не считаю себя эмоционально обделенным; скорее наоборот — в каких-то ситуациях мне, наверное, следовало бы спокойнее воспринимать события. Но вот чего я категорически не умею, так это заламывать руки и взывать к небесам. Скорбь не выставляют напоказ. Сейчас я могу сказать, что трагедию в Печатниках и последовавший за ней взрыв на Каширке я пережил тяжело; не могу даже передать, как мне было жалко погибших и их близких. То же самое — после взрывов в подземном переходе на Пушкинской площади, у Тушинского рынка. «Норд-Ост» — это вообще национальная трагедия. Я точно знал, что ни перед кем не виноват. Но ведь я — мэр... Помнишь стихотворение Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны». И концовка: «И не о том же речь, что я их мог, но не сумел сберечь. Речь не о том, но все же, все же, все же...»

– *И это «все же» в вас живет?*

— Может быть. Не знаю.

– *Вы наверняка хорошо помните покушения на своих коллег. Тяжелейшие ранения Валерия Шанцева (в ту пору — префекта Южного округа, кандидата в вице-мэры Москвы. — М. Щ.), Любови Кезиной (руководителя Департамента образования Москвы. — М. Щ.), Иосифа Орджо-*

никидзе (заместителя мэра в столичном правительстве. — М. Щ.).

— Я почти сразу же был возле них, в больнице.

– *И, видя их страдания, примеряли подобную ситуацию на себя?*

— Нет. Я, конечно, допускал и допускаю, что со мной всякое может случиться. Мы на-

ходимся в реальной среде, в среде опасной. Многие решения, которые я принимаю, не устраивают криминал. И он готов ради крупных объектов и заказов устроить покушение. Собственно, подобная опасность существует для каждого, кто руководит хозяйством.

А вот что означает — примеряю ли на себя? Это ведь не костюм и не теннисная ракетка. Вопрос другой — боюсь я или нет? Учитываю ли, принимая решение, возможность того, что мне за него отомстят? Отвечаю: нет, не учитываю. Боюсь? Нет, не боюсь. Вероятность покушения — да, допускаю. Но ощущать себя на больничной койке...

– *Все мы мысленно ставим себя в разные ситуации.*

— Видимо, моей фантазии для этого не хватает. Точнее, я просто не думаю об этом.

— *А о смерти вы думаете?*

— Да, но не часто.

– *Есть для вас что-то страшнее смерти?*

— Есть, конечно: потеря чести.

– *А физическая беспомощность? Инвалидная коляска — страшнее?*

— Пожалуй, да. Хотя и такой вариант я не могу примерить к себе... Когда моей маме было уже под восемьдесят, она больше всего боялась паралича или чего-то подобного. Неподвижности боялась больше, чем смерти. Она, как и я сейчас, не могла вообразить себя в таком со-

стоянии. Всю жизнь была активной, деятельной. Мысль о физической беспомощности мучила ее постоянно.

– *Давайте перейдем от недугов к здоровью. Правда ли, что ваш здоровый образ жизни начался с подражания старообрядцам?*

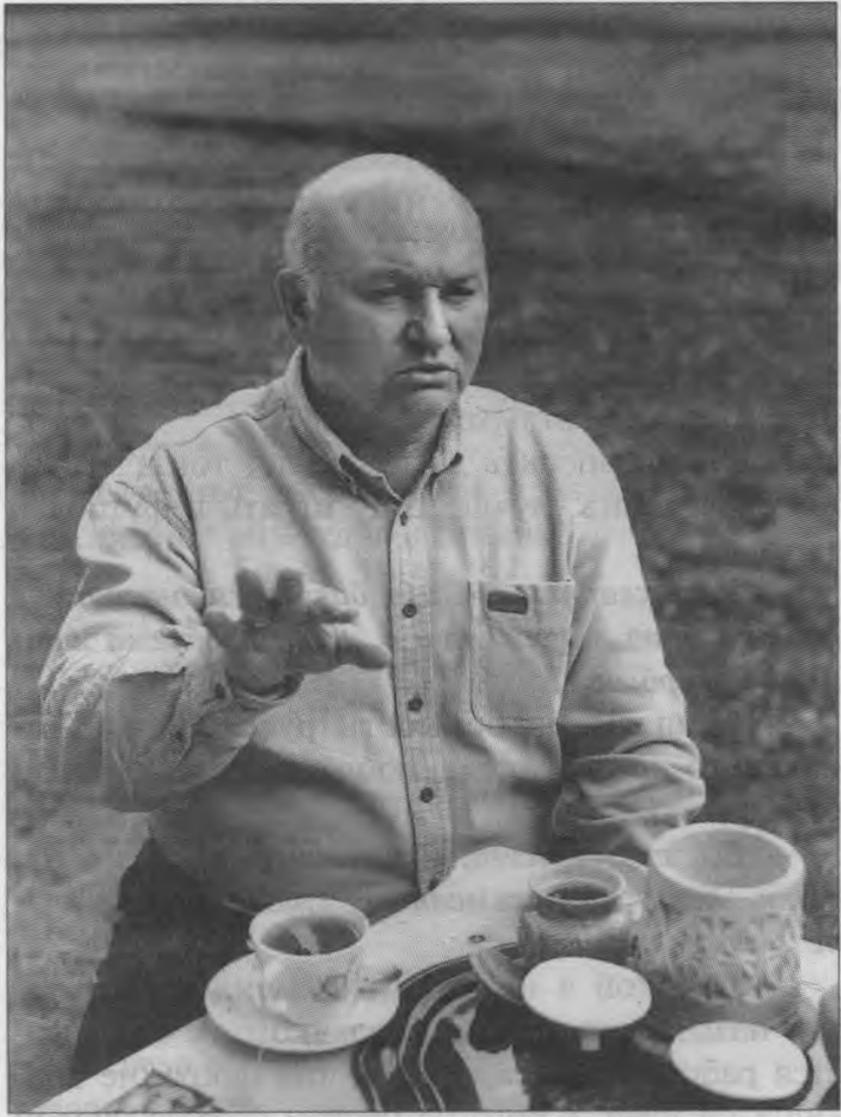
— Подражания? Ну нет, это сильно сказано. С интереса к ним — пожалуй. Однажды я прочел книгу Мельникова-Печерского о старообрядцах. Вообще я к этой теме дышу довольно ровно. Но тут вдруг понял, что за спором о том, двумя или тремя перстами креститься, на дальний план уходило главное — принципы жизни. Что было наиболее важным для старообрядцев? Труд. Отказ от алкоголя. Отказ от курения. Отказ от сквернословия. Заметь, эти задачи общество решает до сих пор.

– *Насчет отказа от алкоголя на Руси обряд известен: выпил свою цистерну – и завязал. У вас, кстати, не так было?*

— Я русский человек, и выпивал, и курил с восьми лет до двадцати восьми. Все помню: папиросы «Дели», потом «Ява», «Дукат», «Новость», «Шипка». Все это мы проходили.

– *Бывают моменты, когда вам до невозможности хочется выпить? Или когда сигарета снится?*

— Нет. Эти ощущения стерты в памяти. И пить, и курить я бросил бесповоротно. В отличие от Марка Твена, который, как ты пом-

нишь, говорил: «Нет ничего легче, чем бросить курить, я сорок раз бросал». А я — один. И это никакое не суперменство. Это моя философия, если угодно. Для меня одна из личностных

ценностей — это последовательность. Обязательность перед другими, обязательность перед собой. Я этим очень дорожу.

Теперь хорошо бы сбросить вес. В середине семидесятых был момент, когда я после серьезной болезни очень сильно похудел. По мне чуть ли не слезы лили, а я чувствовал себя как заново родившийся. С тех пор точно знаю: толстый человек — это тот, кто нуждается в дополнительном отдыхе.

Мне бы сбросить десять кило, тогда я лучше буду бегать, лучше буду играть в футбол и теннис.

— Вам хватило воли избавиться от вина и табака, что в сравнении с этим проблема лишнего бутерброда?

— Мешают особенности русского национального чревоугодия. Люблю поесть. А потом себя ругаю...

— Вы, скорее всего, в повседневной жизни педант. Хотя по письменному столу этого вроде не скажешь...

— Никакой я не педант. У меня в быту то, что называется легким бардачком. А что касается рабочего места, то я всегда искренне восхищался теми, у кого на пустом столе с правой стороны в углу лежит тоненькая папочка с документами. И думал: вот это руководитель! Не то что я, сидящий ниже ватерлинии, которая обозначена уровнем бумаг, документов, книг на

моем столе. Думать-то я думал, но до такого совершенства не поднялся, у меня бумаги хоть и не теряются, но пребывают в относительном хаосе.

Но, с другой стороны, любое хаотическое состояние — это измерение своеобразной системы. Кроме броуновского движения. Хотя тут тоже внутри жидкости броуновское движение является хаотическим, а вот сама колба с жидкостью — это объект системы. Что смеешься? Ничего не поделаешь, я русский человек, и неспешные рассуждения о разных разностях доставляют мне удовольствие.

КОМАНДА, В КОТОРОЙ НЕ КОМАНДУЮТ

*Глава о том, что
и большой начальник
может лазить за мячом
в сугроб*

Вообразите: январь, мороз под тридцать, полвосьмого утра, темень непроглядная. Над футбольным полем жутковато светят фонари, машина счищает снег с обледенелого покрытия. Из раздевалки выползают тени в спортивных костюмах и вязаных шапочках. В этих мрачных, невыспавшихся мужчинах не сразу узнаешь разнокалиберных начальников — членов футбольного клуба правительства Москвы. Зачем явились, уважаемые? Ступайте по домам, доспите пару часиков, какой к чертовой бабушке футбол в таких бесчеловечных условиях!

Но вот разбрелись по своим половинам, прозвучал свисток. Мяч понемногу закатался в сонных ногах. Вот кто-то первым побежал. За ним другой, третий. Вот кто-то, зажмурившись, боднул головой летящий навстречу мяч — и тут же проклял себя последними словами. Вот со стоном: «Чтоб я пропал!» плюхнулся на бок вратарь...

И вот, наконец, тугой, холодный, скользкий, рыжий, чтоб виднее был на снегу, препротивный утренний мяч вприпрыжку отправился к воротам и, никем по пути не остановленный, затих в сетке. Радостно крякнули одни, злобно зафырчали другие — и началась рубка.

Прошло полтора часа, и те же действующие лица, неузнаваемо довольные и веселые, пропитанные кислородом и освещенные ярким зимним солнцем, шумной ватагой валят в раздевалку. И каждый благодарит себя за то, что отогнал собственную лень и притащился-таки на футбол.

А что говорить о футболе летнем! О росе на утренней травке, о скворце, присевшем на перекладину ворот, о широких трусах, развевающихся на теплом ветру. Сколько невыразимого блаженства таит в себе подножка, отправляющая тебя носом в теплую июльскую лужу. Или хлесткий удар мячом в пах, после которого, откинувшись на спину, открываешь величие синих небес.

Летний футбол — игра фантазии. Фантазия превращает немолодых людей в героев их юности. И вот ты уже Алик Шестернев, головой выносящий мяч из-под перекладины. Или Лева Яшин, кончиками пальцев достающий одиннадцатиметровый. Или Витя Понедельник, забивающий через себя в падении. И какая к чертям разница, что от твоей головы мяч влетел в собственные ворота, или, пытаясь вытащить пенальти, ты вообще сиганул не в тот угол, или, играя ножницами через себя, острием, то бишь носком, угодил не в мяч, а в лоб защитнику.

Кем-то наверняка видит себя и Ю. М. С кого-то ведь срисована его манера игры: празднично бродить неподалеку от штрафной площадки противника, затем как бы нехотя принять мяч, стоя спиной к воротам, и вдруг, резко развернувшись и взмахнув руками, рвануть вперед. Это коронный номер Лужкова.

И еще, конечно, штрафной удар. Метров с семи, а лучше с трех от линии штрафной площадки. Лужков разбегается издали и любит, чтобы перед ним кто-то из нападающих имитировал удар. Прекрасно понимая, что на эту обманку никто не попадет. Так и есть: стенка стоит не дрогнув.

А Ю. М. уже близко. Он бежит по длинной дуге, под странным углом. Двигается не по науке — полупрыжками, глядя в землю.

Неправильно, слишком далеко ставит опорную ногу. И даже не бьет, а снизу подцепляет мяч носком, и тот взмывает над стенкой. Летит долго и странно, вроде парашюта, и полное впечатление, что взять такой удар ничего не стоит. И только когда мяч подлетает к вратарю, тот, выпрыгнув, вдруг с ужасом понимает, что не достает. С небес мяч падает в ворота.

Лужков стремится к результату даже в ничего не значащих, самых миролюбиво-товарищеских матчах. Ю. М. ненавидит проигрывать и готов тянуть игру (судейский свисток-то у

него!), пока поражение не станет очевидным. Тогда подъехавшие к концу матча мэриевские чиновники поглубже в портфели прячут бумаги, приготовленные на подпись Лужкову. Сегодня с ними лучше не лезть.

На поле Ю. М., конечно, начальник. Ему не принято возражать, можно только жаловаться и выпрашивать штрафные. При этом он равный среди равных и, если надо, спокойно лезет за мячом в глубокий сугроб. Но горе тому, кто решит, что Лужков смешивает футбол и службу. Ты можешь сыграть, как Рональдо в финале чемпионата мира в Японии, и удостоиться прилюдных дифирамбов от мэра, а через часок-другой он, глазом не моргнув, вкатит тебе строгий выговор с предупреждением о неполном служебном соответствии.

Что наша жизнь? Игра. И не всегда с хэппи эндом.

...Сначала никто ничего не заподозрил. На поле выбежал молодой парень. «Здрасьте, я из газеты, можно поиграть?»

Народ удивленно переглянулся. «Вообще-то здесь принято спрашивать разрешение у одного человека», — пояснили шустрику. «Знаю, знаю, — радостно известил парень. — Юрий Михалыч в курсе, он не против». И начал за руку со всеми здороваться.

— Но учти, — ответил на рукопожатие полузащитник, — мы тут не понарошку играем.

— На деньги, — уточнил вратарь, и обе команды, посмеиваясь, разошлись по своим половинам.

Вышедший Лужков дал свисток, и матч начался.

Он прошел не лучше и не хуже подобных. Резвый новичок побегал в защите, после окончания матча мэр построил игроков на бровке, газетный фотокор сделал снимок, и все отправились в душ.

Вскоре этот снимок вместе с репортажем того самого парня появился в «Комсомольской правде». Мэра автор не обидел: Ю. М. технично забивал голы, напортачившего партнера поругивал «козлом», по-честному штрафовал самого себя за нарушение правил, бился до победного и вообще выглядел весьма симпатично. Что касается прочих игроков, то они слились в однородную массу, озабоченную лишь тем, как потрафить Лужкову — любой ценой, включая грубую лезть и нежное сопротивление проходам мэра. Что, впрочем, ничуть не мешало членам московского правительства и примкнувшим к их футбольному клубу VIP-персонам от души материть друг друга.

На снимке тем не менее никто не выглядел обиженным. Напротив, приветливо улыбались муниципальные чиновники и другие члены клуба — промышленники, известные в про-

шлом футболисты, строители, депутаты Мосгордумы, журналисты, люди искусства, водители... В центре кадра, естественно, разместился мэр, он же старший тренер, капитан и судья. Рядом с ним, по левую руку, «нарисовался» бизнесмен Александр Чудаков. Это, между прочим, еще надо исхитриться — сфотографироваться рядом с Лужковым, желающих «примкнуть» всегда хватает. Чудаков сумел, и его лицо отразило крайнюю степень удовольствия.

Это был его последний снимок. Через месяц он умер от инсульта.

За два дня до смерти Чудаков футболил вовсю, изводил партнеров, не дающих пас. Наконец, забил гол и завопил: «Ну вот и вся игра!»

Будто сам себе напоролил...

Почти весь клуб пришел проститься с Александром Борисовичем, с Сашей. И возле гроба, глядя на троих сыновей Чудакова, на вдову, на заходящуюся в плаче мать, каждый, быть может, думал, что, случись такое с ним, приятно было бы воспарившей душе видеть стоящую вокруг твоего отбегавшего тела футбольную команду. Не группу товарищей, но товарищей по команде.

Двумя годами раньше в клубе тоже был траур. От сердечного приступа умер сорокапятилетний Руфат Садыхов. На поминках рядом с

Лужковым сидел за столом и крестился, глядя на портрет Руфата, Павел Павлович Бородин. Кто тогда мог знать, что через год эти два человека разорвут отношения и даже станут прямыми противниками на выборах мэра Москвы.

Но эта тема достойна отдельной главы.

КРЕМЛЕВСКИЙ БОМБАРДИР

*Глава о том, что
не стоит прощать тех,
кто усомнился в твоей
честности*

Личность Бородина стоит на особом счету в истории футбольного клуба правительства Москвы. Он был одним из самых ярких персонажей. Здесь он, для начала, вообще научился играть в футбол. И вскоре осознал себя мощным центральным форвардом. Бомбардиром. Огромный, ушедший далеко за центнер, Пал Палыч всегда был нацелен на гол. Каждой клеткой, каждой частицей тела и всеми фибрами души он жаждал забить. Иногда получалось неплохо. Но чаще ему из почтения к должности управделами президента забивать помогали. Рядом играли известные в прошлом

футболисты, которые, без труда обведя нескольких защитников, выкатывали Бородину мяч чуть ли не на линию ворот. Если же он мазал, просто заколачивали «шар» рикошетом о корпус Палыча, как бильярдист вгоняет в лузу «свояка». И над полем проносился зычный победный рык автора гола.

Забивающий в каждой игре — разными из перечисленных способов — мячей по пять, а если партнерам что-то нужно было от Палыча, то и больше, Бородин завел обычай каждый сотый гол праздновать всей командой во вполне достойных заведениях. Принимая поздравления, непременно произносил тост за Ельцина (поскольку без него «ничего бы не было»), за Лужкова (поскольку, не исключая, в ту пору мэра действительно уважал и верил в их долгий и прочный союз), за настоящую мужскую дружбу и за футбол, который ее скрепляет. И напоследок всякий раз добавлял, что гуляем за счет его друзей-бизнесменов («Сами посудите, откуда у госчиновника деньги на оплату банкетов?»).

И в эти минуты трудно было поверить, что радушный и обаятельный в застолье Бородин на футбольной поляне превращался в непереносимого грубияна. Что во всю свою здоровенную глотку материл правых и виноватых. Под огонь попадали противники, осмелившиеся отобрать мяч у бомбардира, или же партнеры,

давшие Палычу не такой пас. Это вообще могли быть игроки на другой половине и даже люди, стоящие за пределами поля. Личные особенности оскорбляемых (возраст, должность, трудовые заслуги, ученые степени, государственные награды, количество детей и внуков и прочие подробности) в расчет не брались. Любого человека в любой момент игры могло настичь «дружеское» напутствие.

Впрочем, нет, не любого. Никогда, даже при самом разгромном счете, Пал Палыч слова не молвил Лужкову. Очень мягко мог попенять вице-мэру и, пожалуй, еще руководителю службы безопасности мэра. Чуть пожестче, но в общем-то в границах приличия, — заместителям мэра. А вот дальше — действительно без разбора.

И не то чтоб не посылали ему ласковых ответов (народец в клубе все же собрался бывалый), но делали это как-то вяло — вроде бы и огрызнулся, и в то же время большого босса не обидел. Да и можно ли, в самом деле, перерорать Ниагарский водопад? После матча, бывало, игроки сами себя утешали: ну, несдержан Палыч на язык, но можно же понять — работа ответственная, нервная, вот он и снимает напряжение.

Непонятно было только, почему Ю. М., который все это видел и слышал, не тормознул управляющего делами. А ведь одной фразы:

«Паша, ребята на тебя обижаются» было бы довольно. Но нет. Быть может, Лужков из деликатности не хотел напоминать Бородину, «кто в доме хозяин». И это понятно: нельзя было не оценить, что даже тогда, когда отношения мэра и президента пошли наперекосяк, Пал Палыч продолжал ходить в клуб. Хотя в Кремле ему давали понять, что такое поведение вызывает подозрение. А возможно, Ю. М. не одергивал Бородину, поскольку считал, что взрослые мужчины должны уметь за себя постоять. Сам же с любопытством наблюдал, кто как реагирует на бородинский базар, и делал свои кадровые выводы.

И Палыч, отменив цензуру на нецензурщину и предоставив себе полную свободу матерного слова, своими пассажирами поднимал градус обычных тренировочных игр до состояния по меньшей мере финала Лиги чемпионов. После его ухода на поле стало так тихо, что можно было даже услышать трель судейского свистка...

А ушел Бородин неожиданно. Пропал, когда началось лето 99-го и играть на свежей травке стало особенно приятно. Сначала никто ничего не подозревал — день нет Палыча, другой нет, не заболел ли часом? Потом узнали: нет, здоров, исправно играет в своем футбольном клубе «Ильинка» (его Бородин создал из бывших футболистов, которые в разных люби-

тельских турнирах проходили как сотрудники УД президента; название заимствовано у улицы, где находится главный офис управделами). Что такое, что произошло?

Еще до того, как узнали ответ, было замечено, что два-три члена клуба исчезли вместе с Бородиным. А несколько человек стали приходить ко второму тайму, притом в весьма измотанном виде. Вскоре выяснилось, что сначала они посещают стадион «Локомотив», где на час раньше начинает играть «Ильинка», а уже потом на всех парах мчатся из Черкизова в Лужники. Стараются сохранить отношения и с Лужковым, и с Бородиным. В общем-то, никто в команде их не осуждал, просто каждый делал свой выбор. Но атмосфера в клубе потяжелела.

«Совместители», чувствуя неловкость, весело рассказывали, что атакующее мастерство Бородина продолжает расти и мячей он в Ильинке забивает штук по двадцать за игру. Пять игр — сто голов. Дель Пьеро с Шевченко отдыхают. Вот только друзьям-предпринимателям приходится все чаще тратиться на банкеты.

Но при этом говорили, что Палыч невероятно переживает и даже расценивает свой уход из клуба как личную драму. Вскоре дошли слова: «Этого я Лужкову никогда не прощу». Чего, однако, этого? Неужели той самой статьи?

Дело в том, что незадолго до ухода Бородина из клуба в газете «Версия» появилась публикация о зарубежных счетах управляющего делами. Газета эта входит в холдинг «Совершенно секретно», главой которого был в то время Артем Боровик. Артем, к слову, периодически навещался в клуб, играл в защите и никаких эксцессов с Бородиным не имел. То, что Боровик близок мэру, что их связывают чуть ли не дружеские, несмотря на разницу в возрасте, отношения, все знали. И куда как просто было усмотреть в факте появления статьи «руку Лужкова». Слишком просто. До неправдоподобия. В клубе тогда подумали и рассудили: Боровик делает газету, ему нужны «бомбы», такая работа. При чем тут Лужков?

Палыч решил, что «при чем».

У них, Лужкова и Бородина, больше не было личных встреч. Управделами не захотел выяснять отношения с мэром, мэр, в свою очередь, не посчитал нужным искать повод для объяснений.

По зрелому размышлению возникло еще одно толкование разрыва. Когда Лужков с Ельциным разошлись окончательно, ревнивый президент мог лично объяснить своему управделами, чем для него кончатся товарищеские игры с вражеской командой. Тогда Бородину, кичившемуся в клубе своей независимостью,

понадобился повод для публичного разрыва. Статья в «Версии» вполне годилась.

А вскоре он провозгласил, что вступает в борьбу за пост мэра Москвы.

Сам он это решил, побуждаемый желанием отомстить, или — что гораздо вероятнее — так решили кремлевские политтехнологи, в общем-то не важно. Начинал Палыч умеренно («Я не критикую Лужкова, просто могу сделать лучше»), дальше пошли откровения типа: «Москва — невеста, я — жених, 19 декабря свадьба», «Грядет день бородинской славы» и прочие понты. Понемногу Бородин распалил себя до бомбардирской ярости, и тогда мэр услышал о себе примерно то же, что другие слышали от разъяренного управделами на футбольном поле.

Результаты выборов мэра известны. Поражения Палыч, набравший только 6 процентов, не простил никому. Ни «невесте» — Москве. Ни законному «мужу» — Лужкову. Ни членам футбольного клуба правительства Москвы, будь они трижды неладны!

Прошло около года после выборов мэра, когда один бывший одноклубник пригласил «товарищей по мячу» на свадьбу. В разгар веселой и остроумной тусовки в зал вошел Бородин с большим букетом, поздравил новобрачных и завел тост о любви. На глазах растроганного Палыча заблестели слезы. И, взглядевшись сквозь них в лица гостей, он посреди длинно-

го комплимента невесте провозгласил: «Я вижу в этом зале лужковских жополизов!»

Потом был арест Бородина в аэропорту Нью-Йорка, тюрьма, этапирование в Швейцарию, наконец, освобождение под залог и возвращение в Москву. А вскоре последовал звонок Лужкову.

— Вероятно, Бородин хотел наладить отношения, — прокомментировал Ю. М. — Я, конечно, не могу вычеркнуть из памяти то время, когда они, эти отношения, действительно были очень хорошими. И ответил так: «Зла я на тебя не держу. Понимаю, что ты многое пережил, передумал. Я не в претензии, что ты два года назад выдвинул себя кандидатом в мэры, и даже не сильно обижаюсь на твои предвыборные тексты обо мне. Но я никогда не смогу простить то, что ты заподозрил меня в организации газетной кампании против тебя. По сути дела, обвинил меня в непорядочности. Этого делать ты не смел. А в остальном — если ты действительно незапятнан, желаю тебе выйти из этой истории с честью. Но прежние отношения между нами невозможны, и не я тому причиной».

НА ТО И НАЧАЛЬНИК, ЧТОБЫ НАЧИНАТЬ

*Глава о том, что можно
верить поровну в судьбу
и в себя*

Над Лужниками зазвучало пахмутовско-добронравовское: «До свиданья, Москва, до свиданья, олимпийская сказка, прощай», но вверх, в небо, вместо огромного надувного медвежонка поплыли на стреле пожарного крана маркиз Самаранч и мэр Лужков. А внизу остались не смахивающие слезу зрители Олимпиады-80, а члены Международного олимпийского комитета, московского правительства, знаменитые спортсмены и другие значительные персоны.

Июль 2001 года, 14-е число. Подходит к концу 112-я сессия МОК. Уже определена сто-

лица Олимпиады-2008 — Пекин, послезавтра станет известно имя нового президента. А пока возле Большой спортивной арены Лужников идет церемония открытия скульптурной композиции в память о летней Олимпиаде 1980-го. На четырехметровом в диаметре круге изображены и Мишка, и Москва, и профиль Самаранча. А сам президент МОК в компании с градоначальником Москвы витает в облаках над Воробьевыми горами.

О чем же думают эти два человека? Самаранч, вероятно, прощается с городом, где 21 год назад был избран президентом МОК и где теперь сам пожелал сложить свои полномочия. А Лужков? Возможно, вспоминает, как ровно три года назад стоял посреди Большой спортивной арены и вместе с тем же маркизом Хуаном Антонио открывал Всемирные детские и юношеские игры. Бил в лицо ярко-белый луч прожектора, орал переполненный стадион, и приходилось обращаться «к городу и миру» очень громко, почти кричать в мощный микрофон. Эти игры, поддержанные Международным олимпийским комитетом, удались на славу, и придумавший, пробивший и организовавший их Ю. М. был доволен и горд.

И вот буквально несколько минут назад Лужков заявил, что Москва выдвинет свою кандидатуру на проведение летних Олимпийских игр 2012 года. Собственно, это было по-

нятно и раньше, все к тому шло. Но пока не была выбрана столица Игр-2008, делать официальные заявления не полагалось. И вот, наконец, можно. Как пели во времена московской Олимпиады, «старт дает Москва».

Старт дал Лужков.

...Со времени его последнего избрания мэром прошло полтора года. Многие за это время старались разглядеть, как отразились на нем

декабрь 99-го и последующее избрание Путина президентом. Сперва ходили разговоры о том, что психологическая травма была слишком сильна и Ю. М. лишь волевым усилием показывает прежнюю деловитость и активность, на самом деле это не более чем инерционное движение и имитация интереса, подлинный же вкус к работе утрачен, и совсем не факт, что Лужков будет выдвигаться в мэры на третий срок, хотя ему это и позволяет закон.

Но чем дальше, тем тише и реже звучала эта тема. И тем яснее становилось, что ни жизнь Лужкова, ни он сам, по сути, не изменились.

Режим труда и отдыха остался прежним, Ю. М. окружен почти теми же людьми, что и раньше, он достраивает третье транспортное кольцо, приводит в порядок дворы и подъезды, следит за продовольственными запасами... Он снова спорит с федеральным правительством, периодически совершает турне за границу (чаще в ближнее зарубежье, чем в дальнее), по субботам объезжает город, дважды в неделю играет в футбол и дважды — в теннис, возится с пчелами, воспитывает дочерей. Он по-прежнему чурается роскоши, не курит, не употребляет алкоголя, и, похоже, воздержание приносит ему истинно эпикурейское удовольствие. Если вы, читатель, окажетесь в мэрии на каком-нибудь торжестве и гостей будут обносить шампанским, обратите внимание: в центре вы-

строенных на подносе фужеров стоит фужер с минералкой. Не вздумайте его цапнуть, это вода для Лужкова.

...Вспомним еще раз любимую формулу Лужкова: сначала нужно выбрать цель, затем — траекторию движения к цели и, наконец, скорость движения по траектории. Ну а сам-то Ю. М., чего он хочет? Бог с ними, с траекторией и скоростью, — цель-то какова?

Вся деятельность московского мэра — подтверждение тому, как важно ему добиться результата. Так сказать, довести дело до разрезания ленточки. Однако Ю. М. любит не только финиши, но и старты; он — начальник в том еще смысле, что умеет начинать новое дело. Обратите внимание: большая часть того, что сделал Лужков в столице, им же начато. И закончено им. Но теперь он запускает проекты, которые, весьма вероятно, предстоит завершать другим людям.

Олимпийские игры 2012 года в Москве. Чтобы выиграть право на их проведение, нужно убедить весь мир в лице Международного олимпийского комитета, что столица Российской Федерации — экологически безопасный, защищенный от криминала, социально развитый, во всех отношениях удобный, ухоженный и дружелюбный город. К тому же наполненный первоклассными, образца 21-го века, а не 1980-го года, спортивными сооружениями. Как вам задачка?

Но позвольте, Лужкову-то это зачем? Для чего ему нужна Олимпиада аж 2012 года — чтобы любоваться на другого мэра Москвы, встречающего важных гостей со всего света? Зачем сеять то, что пожнут другие? Или постановка и решение стратегических задач — безразлично, города ли, страны, человечества — несовместимы с рассуждениями типа «при мне — после меня»?

«При мне», в смысле при Лужкове, москвичи, привыкшие к облику и образу «совковой» столицы — невыразительно-тягомотному, отшибающему вкус к жизни, вдруг осознали, что не только дети их и внуки, но и сами они еще успеют пожить в городе, за который не стыдно.

«После меня», то бишь после Лужкова, любому новому мэру будет трудно, он обречен на сравнение с предшественником, во всяком случае до той поры, пока подобно Ю. М. не почувствует себя «отцом всех москвичей».

Цель, траектория, скорость... Человек, взявший на веру эту формулу (а может, и придумавший ее), не способен жить без будущего. Кем видит себя Лужков пусть и в неблизкой, но все же в неизбежной перспективе? Президентом инвестиционной компании или финансово-промышленной группы? Основателем и главой «Фонда Лужкова»? Руководителем машиностроительной фирмы? Ясно одно: сегодня и завтра он видит себя тем, кем и является. Мэром. Только мэром. Но, даже строя планы, не может не понимать: есть судьба, и в конечном счете она властна над биографией.

Да, но, управляя собой, ты управляешь своей судьбой, разве нет?

Как сказать. На что одному приходится тратить силы и терпение, волю и нервы, другому само идет в руки. Судьба.

Но мы же говорим о результате, а не о трудозатратах. Пусть кто-то быстр от природы, а кто-то — от тренинга, это их личное дело. Нам же важно, кто первым финиширует.

Жизнь — не размеченная беговая дорожка, а бесконечно тасуемая колода карт. Пути, как известно, неисповедимы. Знающий дело капи-

тан приводит судно туда, куда предписано. Колумб отправляется в Индию и открывает Америку. Кто выиграл? А никто. И глупо завидовать Колумбу, невозможно прожить не тебе уготованную жизнь, нельзя войти в чужую судьбу.

Это все теории, а по жизни мы знаем: фортуна любит трудяг. Проверено. С одной стороны, тот же Лужков признает, что в его жизни было много, так сказать, судьбоносных случайностей: случайно позвали из Минхимпрома в исполком Моссовета, случайно «бросили» на Мосагропром, случайно оттуда не выгнали, случайно утвердили потом председателем исполкома Моссовета... С другой стороны, судьба дала шанс и помогла войти в другую воду, а уж как не потонуть, каким стилем поплыть, где двигаться по течению, где — против, когда отдохнуть на спине, когда нырнуть поглубже, к какому грести берегу, а может, вообще не думать о берегах и стремиться в открытое море — это уж, извините, решал и делал сам человек. Владеющий собой.

Понятно, и на это есть что возразить, и вообще бесконечен спор о том, какое жизненное напутствие полезнее: «Сделай сам себя» или «Сиди и смотри на скользящую мимо воду». Было бы интересно спросить об этом Лужкова, но вовремя не догадался, не успел. Может, еще доведется. А пока приходится предполагать.

Вот я и думаю, что Юрий Михайлович верит и в предначертания судьбы, и в свои силы. Верит примерно поровну. Или даже в себя немного больше. Он, скорее всего, признает Высший суд, но тем временем судит себя по своим правилам, не разрешая это делать другим.

Судейский свисток всегда при нем, и он сам решает, когда начать с центра, когда дать штрафной, а когда назначить добавочное время.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Лужков

РАССКАЗЫ

ДЕД.....	7
МИСТИКА.....	17
ЗАКОННИК.....	35

Михаил Щербаченко

ЗАКОНЫ ЛУЖКОВА

ЖИЗНЬ ПО ПРАВИЛАМ - ЭТО СВОБОДА?

Глава о том, почему автор завел блокнот с шифром:

«Ю. М. Л.».....	55
-----------------	----

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ВЕСТЕРН

Глава о том, что хотел бы мэр Москвы увидеть

<i>в кинофильме про мэра Москвы.....</i>	60
--	----

ЗАБАВНАЯ ИГРА «ПОДТОЛКНИ К ПРОМАХУ»

Глава о том, что если не можешь изменить ситуацию,

<i>измени взгляд на нее.....</i>	83
----------------------------------	----

ИНТЕРЕСНЕЕ ВСЕГО, КОГДА НАСТУПАЕТ ХАОС

Глава о том, что уважающий себя начальник обязан

<i>работать больше подчиненных.....</i>	93
---	----

КОГДА КОРОЛЬ ИГРАЕТ СВИТУ

Глава о том, что даже в спянной команде каждый

<i>должен волноваться за себя.....</i>	102
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО: «НЕВОЗМОЖНО»

*Глава о том, что если сделал работу быстро,
но плохо, — забудут, что быстро; запомнят, что плохо* 110

НЕ ВЕРИТЕ НАМ - ПОВЕРЬТЕ НОСТРАДАМУСУ!

*Глава о том, что изменить отношение к президенту —
не значит изменить Родине.....* 119

ВАМ СТОИТ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ

*Глава о том, как трудно, почти невозможно объяснить
нежелание стать президентом.....* 128

БЕРЕТЕ ВОЗРАСТ МУЖЧИНЫ, ДЕЛИТЕ ПОПОЛАМ...

*Глава о том, как поддержка кооперативного движения
может привести к сугубо индивидуальному счастью.....* 135

ПЕРВАЯ ЛЕДИ - ЭТО ПРОСТО РАБОТА

*Глава о том, что для жены мэра муж — не мэр, а муж,
который работает мэром.....* 145

ЛЕТЕЛИ КАМНИ В КАМЕННОГО ГОСТЯ

*Глава о том, что на вкус и цвет товарищей нет,
а вот противников — уйма.....* 163

НЕ ПОМИНАЙТЕ ВСУЕ ТРИ ВОЛОСА В СУПЕ

*Глава о том, какие эффектные сцены можно сыграть
в зале заседаний правительства.....* 173

НЕ ЗАЛАМЫВАЯ РУК, НЕ ВЗЫВАЯ К НЕБЕСАМ

*Глава о том, можно ли помогать людям, не думая,
что они — твои избиратели.....* 183

КОМАНДА, В КОТОРОЙ НЕ КОМАНДУЮТ

*Глава о том, что и большой начальник может лазить
за мячом в сугроб.....* 196

КРЕМЛЕВСКИЙ БОМБАРДИР

*Глава о том, что не стоит прощать тех, кто усомнился
в твоей честности.....* 204

НА ТО И НАЧАЛЬНИК, ЧТОБЫ НАЧИНАТЬ

Глава о том, что можно верить поровну в судьбу и в себя.. 212

Юрий Михайлович Лужков
РАССКАЗЫ

Михаил Львович Щербаченко
ЗАКОНЫ ЛУЖКОВА

МЭР И О МЭРЕ

Младший редактор *Н. Пастухова*
Художественный редактор *И. Суслов*
Технический редактор *Н. Стерина*
Компьютерная верстка *И. Слепцовой*

Подписано в печать 29.08.03.
Формат 84x108. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 5000 экз.
Изд. № 03-6143. Заказ № 5224.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛМА
ПРЕСС

ISBN 5-224-04453-7

9 785224 044535